

Виталий Баканов

ЗАБЫТЫЕ СТРАНИЦЫ КИЕВСКОГО БЫТА

SKYHORSE™

Киев • 2011

УДК [908:629.433](477-25)(084.12)
ББК 26.89(4Укр-2К)я6+39.82(4Укр-2К)я6
Е72

Под общей редакцией Владимира Невзорова
Художественное оформление: Дмитрий Ермак, Владимир Невзоров

Консультанты издания:

Казимир Брамский – начальник технического отдела управления
технической политики КП «Київпаstrанс»

Александр Возницкий – историк-киевовед

Юрий Зильбербранд – инженер путей сообщения

Лидия Ливинская – заведующая Музеем городского транспорта г. Киева

Издание содержит фотоматериалы из фондов Музея городского транспорта г. Киева, Центрального государственного кинофотофоноархива Украины им. Г. С. Пшеничного, Российского государственного архива кинофотодокументов, Государственной научной архитектурно-строительной библиотеки им. В. Г. Заболотного, Музея ОАО «Коломенский машиностроительный завод», а также личных коллекций Ю. Э. Зильбербранда и автора.

В издании использованы фотографии Олега Жария, Олега Тоцкого, Владимира Фалина, а также Анатолия Вильковича и автора.

Трамвай на улицах Киева / Д. А. Ермак. – К.: Скай Хорс, 2011. – 300 с.: фотогр.

Начав свой путь в конце позапрошлого века, киевский трамвай – старейший представитель городского пассажирского транспорта – многие десятилетия был основным средством передвижения горожан. Он и сегодня наряду с метрополитеном продолжает играть эту важную роль. Вглядываясь в далекое прошлое, замершее на редких черно-белых фотоснимках, мы можем проследить, как и на чем в разные годы и эпохи ездили киевляне, как вместе с транспортом менялся внешний вид домов и улиц. Пройдя довольно сложные этапы становления и развития, трамвай, органично вписавшийся в неповторимую киевскую архитектурную среду, навсегда поселился в тиши живописных улиц вечно молодого и зеленого «города на семи холмах».

ISBN: 978-966-2536-07-2

© ООО «Скай Хорс», 2011

© Д. А. Ермак, 2011

Киевский троллейбус

5 ноября 1935 года в Киеве началось регулярное троллейбусное движение. Первые троллейбусы серии ЛК-5 (Лазарь Каганович-5) выпускались сначала в Москве, а затем и в Киеве по московским чертежам.

Маршрут № 1 соединил площадь Льва Толстого с трамвайным заводом им. Т. Домбала и проходил по улице Красноармейской (в 1936 году он был удлинен до площади III Интернационала и троллейбус стал ходить по Крещатику).

Пассажирами первого рейса стали секретари ЦК КП(б) Украины. По всему пути следования на деревьях сидели киевляне и криками «ура!» приветствовали троллейбусную процессию. Рейс прошел успешно.

А вот на открытии маршрута № 2 (площадь III Интернационала – вокзал) произошла неприятность – троллейбус ярославского производства ЯТБ-1 остановился во время подъема по улице Ленина. В сети исчезло напряжение. И это в 1937 году, когда в стране уже действовала репрессивная машина!

К счастью, напряжение пропало ненадолго, и троллейбус продолжил свой путь. В период немецкой оккупации захватчики вывезли киевские троллейбусы из города, и они успешно функционировали в Кенигсберге, Гданьске и Познани.

Уже в послевоенное время на Киевском заводе электротранспорта (КЗЭТ) наладили выпуск серий троллейбусов от «Киев-1» до «Киев-12».

Шумел, гудел Житний базар...

Реконструкция старой части Подола повлекла за собой снос многих старых зданий, оказавшихся в границах прохождения линии метрополитена (введена в строй в 1976 г.) и на месте открытого в 1980 году современного здания Житного крытого рынка. Это сильно изменило внешний вид местности, примыкающей к базару.

С горечью наблюдая за всем этим, коренные киевляне даже обращались к властям с письмами в робкой надежде сохранить для потомков исторический облик разрушаемой местности. В ответ, в основном на страницах газет, власти отвечали народу, что незачем сохранять старые несусальные деревянные домики: «Время безжалостно, они свое уже отжили и сегодня не представляют никакой исторической или архитектурной ценности!».

Много деревьев потерял и прекрасный бульвар, проходящий по Верхнему и Нижнему Валу. Сначала убрали ограду, затем декоративный кустарник. А в 1977 году снесли находившийся на бульваре кинотеатр «Колос». Этот деревянный, не отапливаемый в зимнее время, переделанный когда-то из мануфактурного магазина кинотеатр находился между двумя колеями трамвайных линий, впритык примыкавшими к стенам зрительного зала. Во время просмотра фильмов зрители часто вздрагивали от грохота проезжавших мимо трамваев. В здании не было не только буфета, но даже туалета – ближайший находился на Житнем рынке.

- ◀ Троллейбус ЯТБ-1 2-го маршрута около здания бывшей городской Думы. 1938 г.
- ▶ Троллейбус серии ЛК-5 (Лазарь Каганович) на Крещатике. 1930-е гг.
- ▼ Троллейбус МТБ-82 на фоне театра Оперетты. 1950-е гг.

▲ Кинотеатр «Колос»

Страдал кинотеатр от пожаров. В первый раз он полностью сгорел в 1953 году. Половина жителей Подола слышала треск от горящих деревянных конструкций. И хотя пожар случился поздно вечером, толпы любопытствующего народа сбегались на него посмотреть.

Сгоревший до фундамента кинотеатр был восстановлен. А вот после второго возгорания, хоть и не такого значительного, на кинотеатр «махнули рукой», не стали восстанавливать, а просто снесли.

Базары в послевоенное время были центром жизни киевлян (а для некоторых и основным источником существования). Один из них – Житний торг на Подоле – известен еще со времен Киевской Руси. Кстати, второй подольский рынок находился на Магистратской (ныне Контрактовой) площади. Значение их как центра торговой жизни Киева объясняется близостью Днепра и наличием удобной гавани. Там останавливались византийские, варяжские, арабские и другие торговые суда. Окрестные места оглашались многоголосым гулом. Наперебой расхваливали свой товар бородастые купцы и разодетые в яркие шелка азиатские торговцы.

Позже здесь в свое время хаживали Михаил Ломоносов, Тарас Шевченко, Николай Гоголь и даже выдающийся французский писатель Оноре де Бальзак, который трижды приезжал в Киев.

Всегда остро стоял вопрос поддержания должного санитарного состояния города, особенно вблизи мест торговли. Интересно, что в послевоенное время мусорные бачки хранились во дворах в закрытых (в отличие от нынешнего времени) поме-

щениях – мусорных сараях. На ночь ворота дворов дворники закрывали на цепь, оставляя щель для посетителей.

Каждое утро в 5 часов дворник вывозил на улицу бачки – оцинкованные выварки с ручками и, когда подъезжала «конка» с высокими бортами, сам загружал в нее мусор. Затем затаскивал бачки на тачке во двор и промывал их водой.

В дневное время бачки для сбора мусора стояли в закрытом помещении, а не на воздухе, как сейчас. За этим зорко следила не только районная санэпидстанция, но и участковый милиционер. Сам сарай регулярно (не реже одного раза в неделю) мылся.

Не многие знают, что Птичий рынок в послевоенное время находился рядом с Житним базаром, в районе Кожемяк. А вот перед кинотеатром «Колос» гастролировали передвижной зоопарк и знаменитый аттракцион «Мотоцикл на вертикальной стене». Сначала аттракцион выполняли муж и жена Солошенко, а впоследствии их сменили братья Плетневы.

Для самых маленьких работала детская карусель.

Когда в далеком 1947 году закрыли киевский Евбаз (Еврейский базар), «темный базарный люд» разбрелся и осел на других киевских рынках, в том числе и на Житнем. Прилегающие к горкам дома были весьма удобны для сбора блатных компаний. Ближе к вершинам горок разместились ночлежки, тайные притоны, там же обнаружилось хорошие места для ночевки под открытым небом для нищих и бродяг. Уже с утра на бульваре с тыльной стороны кинотеатра «Колос» в 50-60 годы собирались на скамеечках пьяницы, жулики, спекулянты, потрепанные проститутки, бомжи – так называемое городское «дно».

Основным занятием таких людей в дневное время было шатание по базару в поисках выпивки, куска хлеба, случайного заработка. Их можно было увидеть продающими картошку в мундире, огурцы в газетных кульках, а то и просто питьевую воду. Вблизи церквей они просили милостыню.

Вот для кого бульвар на Подоле был прибежищем для отдыха и возможностью общения с себе подобными!

Разделенный надвое Верхним и Нижним Валом, рынок представлял собой торговые ряды, окруженные деревянными галантерейными рундуками, внутри которых сложное сочетание запахов мыла, кремов и кожи создавало неповторимый запах детства киевлян послевоенного времени.

Вокруг было сосредоточено множество еще дореволюционных домов с обшарпанными фасадами и грязными, воняющими котами и гнилой капустой подъездами. На вторые этажи этих домов вели скрипучие деревянные лестницы.

Однако радовала взгляд и своеобразная эстетика – в окнах между рамами лежала вата, а на ней – елочные игрушки, не убиравшиеся и в летнее время.

Если на стороне базара, примыкавшей к Флоровскому монастырю, располагался преимущественно колхозный рынок, то на стороне, выходящей на гору Щекавица, находились в основном ремонтные мастерские.

На базаре за 30 копеек прямо из бочки можно было попробовать прекрасное молдавское вино.

- ▲ Торговые ряды Житного рынка. 1959 г.
- ▼ Житный рынок

Несмотря на то что рядом с рынком, на Кожемяках, квартировала конная милиция, жулье и спекулянты «работали» там вполне успешно. Они прекрасно знали места сбыта и цены приемки ворованного. Кстати, ворованные часы тогда стоили три рубля.

Верхний Вал и Нижний Вал сегодня – это широкая улица, по которой, как и в течение столетий до этого, проходит граница, делящая Подол на две части.

Южная, или Подольская, часть называется Верхним Валом, Северная, или Плоская, – Нижним.

Эти названия сохранились от тех укреплений, которые когда-то защищали Подол с севера и которые в последний раз восстанавливались в 1730 году под руководством фельдмаршала Миниха. Пожар 1811 года полностью уничтожил остатки укреплений. Фактически сохранилось только слово – вал. В середине XIX века вместо валов проложили улицы.

После перепланировки Подола, Верхний Вал и Нижний Вал были разделены прорытой до Днепра канавой, по которой протекала речка Глубочица, а точнее – Глубочицкий ручей.

В 80-х годах XIX века канаву засыпали, и на ее месте был устроен бульвар.

Застройка этого места, несмотря на то что целиком не сохранилась, и сегодня имеет своеобразный характер. Очень мало осталось домов первой половины XIX века. Преобладают здания двухэтажные, с заметными перестройками.

На первых этажах находятся магазины, на вторых – квартиры. Фасады украшены мелкой лепкой, фронтончиками, башенками, пилястрами, низкие подворотни ведут в крошечные дворiki с деревянными лестницами.

Встречаются также здания второй половины XIX и, более величественные, – конца XIX века.

Однако вернемся к нынешнему состоянию бульвара. Оно плачевно.

Сначала стали разрушать ограду, затем уничтожили изгородь из декоративного кустарника, повалили деревья... Торговля берет свое!

Тот бульвар, который планировался как украшение Подола, вблизи рынка опять превратился в грязную базарную площадь с ларьками, павильонами, ящиками... Да и линия метро, которая пересекла его в районе улицы Константиновской, также разрушила зеленую зону.

Бульварного кольца, наподобие московского, не получилось!

Проходя сегодня по бульвару вблизи Житнего рынка, я вглядываюсь в близлежащие домики, где когда-то, после войны, жили люди, восстанавливавшие Киев, и почему-то вспоминаю о том времени как о самом, может быть, прекрасном в жизни.

О канализации, общественных туалетах и французской парфюмерии

В 1890 году Киевская городская дума утвердила начало строительства городской канализации. А предыстория такова. В своем отчете за 1887 год председатель са-

нитарной комиссии Киева доктор Алексей Лесков обрисовал такую безрадостную картину:

1. Санитарное состояние дворов неудовлетворительное, и основная причина тому – отсутствие канализации в городе, что и объясняет наличие всяких нечистот в усадьбах.
2. Помойки и выгребные ямы с органическими веществами и экскрементами, которые гниют, безусловно, являются главным источником эпидемических и заразных болезней.
3. Помойные ямы превратились в неотъемлемую часть каждой усадьбы и будут существовать до тех пор, пока в городе не будет канализации.

Существование водопровода и гористая местность города еще более усиливали это зло, так как пользование водопроводной водой увеличивало количество водяных помоев, которые или оставались во дворе, или благодаря рельефу вытекали на улицу и в соседние дворы. В итоге нечистоты распространялись на все большую территорию, скапливаясь в наиболее низинных местах, создавая там постоянные гнилица.

И вот, наконец, купец 1-й гильдии Карл Балкин в 1890 году получил подряд на устройство и дальнейшую эксплуатацию канализации. На него было возложено не только сооружение уличных магистральных коллекторов, но и строительство в городских усадьбах уборных с устройствами для промывки.

В соответствии с 29 параграфом контракта купца обязали присоединить к канализационной сети и общественные уборные, список которых был обозначен. Однако из-за отсутствия средств в полном объеме идею осуществить не удалось.

Дело спасло создание Киевского товарищества канализации. И уже в 1910 году, в соответствии с постановлением Городской думы, каждый владелец усадьбы был обязан не позднее 2-х лет после прокладки канализации присоединиться к ней.

В первые годы советской власти общественные туалеты делились на две категории. Первая – туалеты, устанавливаемые на улицах или площадях, вторая – дворовые туалеты или уборные, т. к. с приходом советской власти особняки и доходные дома превратились в густозаселенные коммуналки.

В феврале 1932 года в Киеве было тридцать туалетов 1-й категории, в том числе 16 на рынках, 6 в парках и 8 на улицах.

23 марта 1932 года президиум Горсовета принял постановление «О благоустройстве Киева». В нем предписывалось соорудить пять подземных общественных туалетов – на Советской, Красной и Привокзальной площадях, в районе Аносовского сквера и около завода «Большевик», на пересечении улицы Полевой и Брест-Литовского шоссе.

Долгое время продолжали функционировать и дворовые уборные, а там, где их уже не было, «страдалца» встречала надпись огромными буквами: «Во дворе уборной нет!».

В семидесятые годы туалеты использовались совсем уж неожиданным образом – в них торговали дефицитными товарами. Как ни удивительно это звучит для со-

временного человека, но в общественных уборных около метро «Крещатик» или на площади Октябрьской революции в то время действительно можно было приобрести американские джинсы, французские бюстгалтеры, английские батники, итальянские кофточки, чулки из ФРГ, японские зонтики, польскую косметику и т.д. и т.п.

Конечно, милиция боролась с таким явлением, врывается под женский визг в отделения под буквой «Ж», вылавливая спекулянтов, однако на следующий день торговля продолжалась. Пробовали посылать в туалеты женщин в форменной одежде, но спекулянтов было гораздо больше!

Туалетная торговля процветала вплоть до решения в стране проблемы дефицитов экономическими методами.

В конце 60-х годов в размеренную киевскую жизнь пришло новшество: направление движения по Крещатику военных парадов и праздничных демонстраций трудящихся неожиданно сменили на противоположное.

Раньше шли от Первомайского парка в сторону Бессарабки, а теперь стали двигаться наоборот – от Бессарабки до Днепровских склонов.

Официально это объяснялось завершением строительства на площади Октябрьской революции монумента Ленину, вблизи которого теперь располагалась правительственная трибуна. Менее официально – тем, что здесь лучше можно было организовать телевизионные трансляции, а также улучшить порядок и охрану высших государственных чинов.

Мне же кажется, что среди причин существовала и такая: склоны Днепра со своими многочисленными парками и множеством общественных туалетов были гораздо более приемлемы для встречи массового потока народа после прохождения по центральной киевской магистрали. Ведь на Бессарабке был фактически один Шевченковский парк возле Университета с единственной общественной уборной. Ох и мучился из-за этого народ!

Существовала и платная услуга в бесплатных туалетах Киева. В пятидесятых годах в них появились автоматы, разбрызгивающие одеколон. Стоило это удовольствие 15 дореформенных копеек.

Человек мог освежить руки, волосы и даже лицо. Зажмурившись, он подставлял голову под разбрызгиватель и выходил из туалета благоуханным. Из-за низкой цены этим одеколон-автоматом баловались мальчишки. Незаметно опустив в щелочку пятнашку, они окатывали зазевавшихся посетителей и не ожидавших этого друзей. Запах дешевого одеколona быстро распространялся по всему Киеву.

Долго благоухал им и тот, кто, побывав в туалете, не пользовался автоматом. В переполненном троллейбусе, на танцплощадке, в библиотеке можно было сразу безошибочно определить недавнего посетителя общественного туалета. Ведь в других местах эта дешевая парфюмерия из разбавленного тройного одеколona сбыта не находила...

▲ За ужином. 1950-е гг.

Послевоенная жизнь

Сразу после окончания войны началось восстановление наименее пострадавших киевских зданий. При этом максимально использовались материалы, полученные от разборки разрушенных сооружений. Основной задачей стало развертывание ремонтно-строительных работ с целью ликвидации жилищного кризиса и обеспечения населения жильем. В период с 1946 по 1951-й годы был проведен ремонт 2500 многоэтажных киевских домов, а нуждались в ремонте еще столько же!

Власть начала привлекать к восстановлению жилого фонда города промышленные предприятия. Кроме того, они и сами развернули на окраинах Киева строительство небольших 2-3-этажных кирпичных домов для своих рабочих. Следует отметить, что все квартиры в таких зданиях «дохрущевского» периода были коммунальные. Понятие «изолированная квартира» в то время ассоциировалось у людей с чем-то «буржуазным», несовместимым с советским образом жизни и моралью.

И все равно, несмотря на высокие темпы восстановительных работ, в те далекие послевоенные годы много людей еще продолжали жить по несколько семей в одной комнате, в сырых подвальных и полуподвальных помещениях, в покосившихся аварийных бараках из почерневшего дерева. Внутреннее устройство такого барака было простым: огромный коридор, вдоль которого напротив друг друга находилось штук сорок комнат, где жили семьи. Уборная находилась во дворе, а кухня – в конце

коридора, где для газифицированных бараков было смонтировано несколько четырехконфорочных газовых плит.

Однако большая часть киевских послевоенных бараков не была газифицирована, и пищу готовили на примусах. Керосин для примусов покупали в будках «керосинках», которых достаточно много было устроено на улицах города. Рядом с такой будкой находилась подземная емкость с керосином, который и подавался непосредственно в будку, на пульт для разлива.

Следует отметить, что бытовые холодильники в квартирах киевлян стали появляться только в начале шестидесятых годов. О том, как народ умудрялся сохранять пищу, особенно в летнее время, можно издать целый научный труд! Масло держали в воде, мясо солили и обкладывали крапивой... Но самым верным путем было приобретение очень малого количества еды, укладывание ее в авоську и вывешивание за окно на воздух.

С приходом к власти Хрущева в строительстве новых домов стали широко применяться блоки, а затем получило распространение крупнопанельное домостроение. Это обусловило в Киеве переход к методу застройки целых жилищных микрорайонов.

Сооружение временных жилищ барачного типа сменилось возведением пятиэтажных домов, оборудованных центральным отоплением, водопроводом, канализацией. Народ, согласно установленной очереди, стал переезжать в новые изолированные квартиры. В обществе социального равенства это был настоящий прорыв!

Что касается нас, детей послевоенного периода, то нам было хорошо. Да-да, хорошо в то тяжелое и жестокое время! Сейчас иронизируют над популярным лозунгом тех лет: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».

А ведь оно у нас было действительно счастливым. Все свое нерастратенное за время тяжелой войны тепло родители отдавали нам. В детском саду воспитатели усиленно предлагали нам добавки к основной еде: каши, булочки, компоты, котлеты, какао... Да и коммунальные квартиры очень сближали детей – игры длились от рассвета до заката!

В 1966 году моя семья получила новую квартиру в пятиэтажной «хрущевке» на жилом массиве Ветряные горы. Этот небольшой микрорайон площадью 170 тысяч квадратных метров находится на северо-западной окраине Киева и вплотную примыкает к одному из самых живописных уголков – Пушче-Водице, замыкающей зеленое кольцо вокруг города.

Ветряные горы – наименьший по территории и численности населения массив по сравнению с Чоколовкой, Отрадным, Нивками, Дарницею, застройка которых начала осуществляться с 1957 года. Интересно, что он удачно объединил в себе 2-3-этажные кирпичные здания, пятиэтажки-«хрущевки» и индивидуальные дома (частный сектор). Как известно, в послевоенные годы государство выдавало индивидуальным застройщикам долгосрочные кредиты, выделяло земельные участки, обеспечивало типовыми проектами и стройматериалами. Причем инвалиды войны и семьи погибших получали эти материалы бесплатно. Большую помощь своим ра-

- ▲ Старые дома на Глубочицкой улице. 1980-е гг.
- ▼ Вышгородская улица и кинотеатр «Кадр». 1960-е гг.

ботникам – индивидуальным застройщикам оказывали промышленные предприятия, выделяя стройматериалы, транспорт и т.д.

Но вернемся к Ветряным горам. Специфическое отличие от других районов города и своеобразную красоту массива создает его рельеф. Это возвышенность, изрезанная многочисленными маленькими опрятными улочками. Небольшие огороды у каждого дома, деревянные скамейки у входов в подъезды домов. Кошки, цветы, простыни на солнце. Буйство кудрявости садов, крутые спуски, овраги...

Непосредственно к массиву примыкает живописная местность, в которой то тут, то там встречаются небольшие озера. Это парк Кинь-Грусть. Кстати, название массива – Ветряные горы – тоже имеет свою историю. В начале XIX века местность называлась Песчаные горы. Первоначальное название нынешней улицы Галицкой было Песчаная. В некоторых исторических документах местность именовалась как Западынские горы.

Рассказывают, что в конце XIX века генерал-губернатор Киева Д. Г. Бибиков, проводя инспекторскую поездку по окраинам города, однажды стоял на одной из этих возвышенностей... Ветром у него сдуло и унесло шляпу.

«Ну и ветряные горы!», – высказался губернатор. С тех пор название это прижилось и существует до сих пор, хотя фигурировали одно время и такие названия, как Ветряные песчаные горы и Западынские песчаные горы. Далекая городская окраина. Пронизываемые ветрами автобусные остановки. Мусор, вываливающийся из баков на асфальт... Население – в большинстве своем неудачники и работяги из «почтовых ящиков», с обувной и макаронной фабрик, кожзавода...

Но чем, наверное, и примечателен Киев, так это тем, что даже в таком отдаленном рабочем районе есть места, связанные с жизнью или кратковременным пребыванием великих людей. Например, на улице Осиповского родилась и провела свои юные годы премьер-министр Израиля в 1969-1974 гг. Голда Меир.

В актовом зале Опытно-конструкторского бюро геофизического приборостроения, что и сейчас находится по улице Ново-Западынской, в 1971 году давал концерт Владимир Высоцкий.

На улице Межевой, в доме с гастрономом на первом этаже, свои последние годы прожил знаменитый киевский футболист из «золотого состава» 1966-1969 гг. Леонид Островский.

Среди нынешних жителей массива и сейчас есть удивительные люди! Они пишут стихи, которые никогда не будут опубликованы, наизусть читают Пастернака и Лао-Цзю, со знанием дела рассуждают о религии и политике. Однако современная действительность и навязываемый стране индивидуализм разобщили и этих людей. Оторванные от своих коммунальных квартир и перенаселенных дворов, они замкнулись в изолированных «хрущевках».

А Ветряные горы уже не окраина! В 1974-1979 гг. на примыкающих пустырях вырос огромный жилой массив – Виноградарь.

Улица Вышгородская сегодня и сто лет назад

Часть древней дороги

Известно, что улицы Верхний Вал и Нижний Вал когда-то были настоящими валами, которые отделяли Подол от так называемой Плоской части. На линии укреплений стояли Иорданские ворота, от которых еще в X веке древняя дорога вела до предместий северной окраины Киева – Курневки, Приорки и далее до города Вышгорода. Улица Вышгородская с давних пор является частью этой дороги и названа в честь города, расположенного на правом берегу Днепра в 18 километрах от Киева.

В летописи Вышгород упоминается с 946 года как резиденция киевской княгини Ольги – Ольгин град. Внук Ольги – князь Владимир имел здесь большое дворцовое хозяйство. Здесь же содержались наложницы его гарема.

После принятия христианства Владимир построил здесь деревянную церковь в честь своего духовного отца – святого Василия, в которой затем были положены тела его убитых сыновей Бориса и Глеба. В 1054 г. в Вышгороде умер князь Ярослав Мудрый.

Киевская улица Вышгородская соединяет предместья Курневку, Приорку, Кинь-грусть и выходит на шоссе, идущее к Киевскому морю.

Курневка названа так из-за приграничных сторожевых «куренив», которые были здесь в XVII – XVIII веках. Позднее местность заселилась мещанами, которые занимались пивоварением, перевозками и изготовлением кирпичей. А впоследствии здесь появились крупные огороднические и садоводческие хозяйства.

За Курневкой по направлению к Пуще-Водице следует Приорка. Это название объясняется тем, что в XVII веке местность принадлежала католическому духовенству и была дачей приора – настоятеля доминиканского монастыря в Киеве.

Ближе к площади Т. Шевченко Приорка плавно переходит в парк Кинь-грусть, который изобилует растительностью и прудами. Рассказывают, что когда императрица Екатерина осматривала эту местность, она так пленилась прекрасным видом с одной из возвышенностей, что сказала стоящему рядом Потемкину, который в тот день был не в духе: «Григорий, кинь грусть! Посмотри, какая красота кругом!». С тех пор эта местность так и называется. И немудрено, ведь даже такие растения, как пирамидальные тополя, туя, шелковица, грецкий орех и другие, считающиеся исключительно южными, великолепно здесь прижились и достигли замечательной красоты и роста.

В конце XVIII - начале XIX веков здесь находилась дача начальника киевского «Арсенала» генерала М. С. Бегичева. Позднее она перешла в собственность переяславского помещика П. Я. Лукашевича. В его бытность здесь появились превосходный сад с обилием цветов и фруктов, оранжереи, пруды. Домашний оркестр и хороший стол привлекали сюда многочисленных посетителей.

В 1844 г. инспектор Петербургского учебного округа П. П. Максимович писал редактору «Современника» Плетневу: «Лукашевич умыл, одел и причесал киевскую

Приорку, и вышло так, что Царскосельские и Павловские сады перед нею блекнут, уступая ей в роскоши, растительности и живописности месторасположения». Его племянник П. А. Лукашевич еще шире открыл ворота парка. Вход стал платным. Здесь установили аттракционы, устраивались пикники, на которых очень вкусно кормили.

В конце XIX века парк перешел в руки крупного киевского промышленника С. В. Кульженко. При нем гуляния прекратились, да и ухаживать за парком перестали. После революции парк превратился в пустырь, заросший бурьяном.

Пруды затянуло рясой, скамейки прогнили.

В 1980-х годах очистили и благоустроили пруды, проложили асфальтовую дорожку и на этом остановились. Сегодня природа парка прекрасна, но в нем, к сожалению, стало грустно.

В шестидесятых годах, когда началось бурное жилищное строительство, улица сильно изменилась. По нечетной ее стороне в 1961-1965 гг. был сооружен жилой массив «Ветряные горы» на 13 тысяч жителей. С четной стороны также начали строиться 5-этажные дома с магазинами и бытовыми предприятиями на первых этажах. Однако здесь среди новостроек еще долгое время оставались и одноэтажные ветхие домики.

Настоящим праздником для улицы стало открытие в 1960 году троллейбусного маршрута № 18 (пл. Калинина – пл. Шевченко). На маршрут вышли только что прибывшие из Чехословакии новые троллейбусы. Ежегодно на маршруте увеличивалось количество троллейбусов, и когда интервалы стали меньше минуты, даже возникла проблема – как бороться со скоплением троллейбусов на остановках.

Наверное, нет в Киеве мест, которые не были бы связаны с пребыванием великих людей, их работой и местом жительства... Не исключение и улица Вышгородская. В одноэтажном домике по Вышгородской, 5 в 1859 году жил великий сын украинского народа Т. Г. Шевченко. 40 лет тому назад по Вышгородской, 69 открылся Институт эндокринологии и обмена веществ. А в предыдущем доме № 67 находится Институт геронтологии, во дворе которого установлен памятник академику А. А. Богомольцу. Памятен и уютный кинотеатр «Кадр» по Вышгородской, 4. Сегодня это отремонтированный детский кинотеатр, а в те годы он работал для взрослых и специализировался на показах индийских и арабских мелодрам. Плакали в зале все!

Неподалеку располагалась Республиканская станция юных техников. Мы, юные пионеры киевской школы № 158, приезжали с Подола на агробиостанцию (так мы ее называли) получать первые навыки работы на земле – посадки деревьев, кустов, цветов; окуливания, черенкования и т.д. Кстати, сегодня на Вышгородской функционируют две школы, построенные в 1937 году (номера школ 8 и 16), и находятся они в отличном состоянии.

Сегодня улица – одна из немногих в городе, где можно уловить струящийся смолистый аромат хвои пихт и сосен, дуновение ветра доносит его из близлежащего леса. Достаточно смять в руке несколько пихтовых иголок, вдохнуть их благоуханье, чтобы снова превратиться в детей, бегущих по Вышгородской в чудный лес Пущи-Водицы.

- ▲ Гора Щекавица с панорамой древней части Подола. Дореволюционное фото
- ▼ Нижний и Верхний Вал, а также старая застройка в районе ул. Лукьяновской. 1970-е гг.

Гора неразгаданных тайн

В 1619 году историческая местность над Подолом – гора Щекавица – была передана мещанам для поселения.

Наверное, нет в Киеве места более загадочного и до конца не изученного, чем гора Щекавица, расположенная над плоской частью Подола.

В народе ее называют еще Олеговкой или Лысой горой (кстати, всего в Киеве пять Лысых гор). Владимир Иванович Даль утверждал, что здесь собирались ведьмы со всех концов Российской империи для проведения шабашей и сбора магических трав.

Еще одна загадка горы – предполагаемая могила воспетого Пушкиным Вещего Олега. Считается, что именно здесь в 912 г. был похоронен киевский князь Олег, который умер якобы от укуса змеи, выползшей из черепа его боевого коня. Утверждают, что сам А. С. Пушкин долго ходил по горе, разыскивая могилу князя. Некоторые историки и ученые, изучив топографию старого Киева, согласились с тем, что могила Олега находится в том месте, где расположена старая обсерватория.

Гора Щекавица упоминается также в летописи 1151 года в связи с попыткой князя Игоря Долгорукого захватить Киев. Уже в XII веке, как свидетельствует летописная статья 1182 года, на горе стояла каменная церковь, и во время избрания игумена Печерского монастыря посылали сюда послов за священником Василием. Известно, что в XV веке здесь был построен Киевский замок.

В конце XVIII века гора Щекавица становится городским кладбищем, на котором в 1782 г. построена церковь Всех Святых. Здесь похоронены композитор А. Ведель, первый городской архитектор А. Меленский, архитектор В. Иконников. Сначала это было городское кладбище для жителей Подола, чьи жизни унесла эпидемия холеры 1771–1772 гг. Затем здесь стали хоронить членов Магистрата, богатых мещан, знаменитых горожан. С давних пор на горе находятся также кладбища мусульман и староверов.

В настоящее время на Щекавице мирно уживаются мечеть, протестанская и православная церкви. Кстати, генеральный план реконструкции Киева 1935 года предполагал устройство на этом скорбном месте развлекательного парка!

В начале пятидесятых годов прошлого века, в период обострения «холодной войны», на горе построили вышку – глушилку коротких диапазонов радиоволн, чтобы советские люди не могли слушать «вражеские радиоголоса». Сейчас вышка названа геодезической и выполняет исключительно мирные функции.

Здесь мог быть второй Андреевский спуск

Олеговская – одна из самых старинных и крутых улиц Киева. Она резко поднимается на гору Щекавица от Нижнего Вала до улицы Лукьяновской.

Названа так в честь древнерусского князя Олега. По летописным данным, Олег, убив в 882 году княживших в Киеве Аскольда и Дира, овладел городом. Это ему летопись приписывает слова, сказанные о Киеве: «Это будет мать городам русским!».

▲ Фасад Гостиного двора до реконструкции. 1970-е гг.

▼ Восстановленный фонтан "Самсон" на фоне реконструкции Гостиного двора. 1982 г.

В 907 году, согласно «Повести временных лет», князь Олег совершил успешный поход на Византию и заставил ее подписать выгодный для Киевской Руси договор. С конца XVIII века ул. Олеговская была известна как Погребальная (из-за кладбища, находившегося на горе Щекавица), и только в 1896 году она получила свое современное название. В старину в Киеве говорили: «Куда ведет улица – там похоронен князь Олег». Часть нынешней Олеговской сохранилась такой, какой была много лет назад.

На находящейся на горе улице Лукьяновской находится общежитие Художественного института. В некоторых домиках поблизости художники имеют свои мастерские. Другие дома, в том числе и брошенные, заселены людьми, ведущими образ жизни «свободных художников». Хочется надеяться, что когда-нибудь городские власти изыщут средства и превратят Олеговскую в улицу-музей, ведущую в Некрополь великих киевлян.

Гостиный двор: ремесленники, святая вода и райгастрономторг...

В 1809 году посреди Контрактовой площади на Подоле был построен Гостиный двор (архитектор Л. Руска). Сооружен он был на месте старого, построенного в 60-х годах XVIII века архитектором И. Григоровичем-Барским.

Гостиный двор, запроектированный в стиле классицизма, в 1809 году был сооружен одноэтажным, так как пожар 1811 года и Отечественная война 1812 года помешали Киевскому магистрату закончить строительство. Город украсил величественный торговый комплекс в виде замкнутого прямоугольника с внутренними служебными помещениями, к которым вели шесть ворот. Внешние стороны были окружены арочными галереями. Желто-белые фасады украсились пилястрами. Южный и северный фасады были длиной по сто метров, а восточный и западный – по шестьдесят. Более пятидесяти магазинов сгруппировались в ряды: железный, шелковый, суконный, меховой. Каждый магазин имел свой подземный склад, наружный и внутренний входы.

В 1828 году поврежденный пожаром Гостиный двор был частично перестроен и восстановлен архитектором А. И. Меленским. И только в 1980-1982 гг. после очередной реставрации (арх. В. П. Шевченко) был надстроен второй этаж и Гостиный двор приобрел нынешний вид.

Интересно, что здесь находились одновременно цеховые дома, склады, мастерские и магазины. Цехи – это старинные самоуправляемые объединения киевских ремесленников-мещан. Эти корпорации выступали монополистами в той или иной сферах производства. Начинающие ремесленники долго служили в учениках у хозяев мастерских, прежде чем их признавали мастерами и позволяли корпоративно вести свое дело. Цеха тщательно следили, чтобы никто из их членов самостоятельно не расширял свой оборот и не снижал цен из соображений повышения конкурентоспособности.

После отмены в 1835 году Магдебургского права Киева многие цеха закрылись, не выдержав конкуренции с заводскими и фабричными производствами. Дольше всех продержался цех подольских сапожников.

В 1886 году он преобразовался в товарищество кустарей «Взаимопомощь», которое просуществовало до 1927 года, когда под давлением артельной молодежи старые мастера покинули его. Причина их ухода была банальна: зависть к зажиточности мастеров, наличию у них имущества, торговли и т.д.

В прошлые века в Киев ежегодно прибывало до сто пятидесяти тысяч богомольцев. Только ладана продавалось ежегодно до десяти тысяч пудов. Неспроста император Александр II назвал Киев «Иерусалимом земли Русской».

С XVIII века известно про знаменитый фонтан, который находится рядом с Гостиным двором. Вода к нему поступает из источников горы Киселевка.

Архитектор Григорович-Барский построил над фонтаном павильон в стиле барокко, называвшийся сначала «Фелициалом». Над водоемом стоял ангел с чашей, из которой струилась вода. В конце XIX века ангела заменили скульптурной композицией, изображающей схватку библейского Самсона со львом, а сам фонтан официально стал именоваться «Самсоном». Вода из фонтана считалась святой и целебной. Святой ныне считается и вода из источника (с горы Киселевка), находящегося рядом Флоровском монастырем.

Существует поверье, согласно которому Иерусалим и Киев – два центра святости, связь между которыми осуществляется током вод по особым подземным руслам. В XVII веке некий паломник из Киева, уронив в реке Иордан близ Иерусалима серебряный ковш, нашел его, возвратясь в Киев, в монастырском колодце у Кирилловской горной гряды. Таким образом, люди считали, что в Киев вода поступает непосредственно из той реки, в которой крестился Иисус Христос. А этот ручей стали называть Иорданским!

Поэтому первой обязанностью многочисленных богомольцев всегда считалось напиться этой воды и обязательно принести ее своим домочадцам, которые не могут сами сюда приехать по разным причинам.

Более унылого зрелища, чем Гостиный двор в послевоенное время, невозможно себе и представить: затхлые подъезды, сбита штукатурка фасадов, давно выбитые окна залатаны полосками жести. Загаженные подворотни вели во внутренний двор, мощеный булыжником, со зловонной общественной уборной для жителей Подола и водоразборной колонкой.

Вонь и грязь двора смешивались с запахами навоза и испражнений от находившегося рядом Житнего рынка. Сам двор зарос крапивой, лопухами и подорожником. Всюду валялись кучи мусора, битые бутылки и кирпичи...

Какие же организации работали в послевоенное время в тех помещениях Гостиного двора, которые считались неаварийными? Это были всевозможные гастрономторги, культторги, галантерейторги, использовавшие подземные складские помещения, которые хорошо сохранились. А еще пошивочные мастерские, конторы строительно-монтажных управлений, централизованные склады... Во дворе вечно погружали и

разгружали всевозможные товары и материалы. А вот из магазинов вспоминается только один – мебельный, со стороны нынешней улицы Сагайдачного. Сегодня Гостиный двор – это двухэтажное ухоженное здание с престижными магазинами и ресторанами. К ремесленным мастерским и торговым рядам оно уже не имеет никакого отношения.

Ехал автобус по Киеву...

В 1925 году, в Киеве впервые началась постоянная эксплуатация городского автобуса. Еще в XIX веке усиленно велись работы по поиску транспортного средства с автономным двигателем, не требующим подводки энергии. В первой половине XIX века строятся опытные автобусы на паровой тяге. Однако они оказались несовершенными и непригодными для эксплуатации на тогдашних уличных покрытиях.

Затем попытались использовать электрическую тягу от аккумуляторов (аккобус). В 1901 году в Петербурге был разработан проект движения аккобусов системы И. В. Романова. Однако и эти попытки не увенчались успехом. Тяжелые, с большим мертвым весом машины имели малую вместимость и ограниченную скорость, что для городского транспорта оказалось неприемлемым. Впрочем, впоследствии эти машины с успехом использовались как электрокары для внутризаводского транспорта. Нужен был компактный и достаточно легкий двигатель!

Таким оказался двигатель внутреннего сгорания. Первый пробный образец его был построен в 1860 г. во Франции Жаном Этьеном Ленуаром.

И наконец, в начале XX века появились первые автобусы. Они представляли собой комбинацию шасси грузового автомобиля и омнибусного кузова. Впоследствии был разработан самостоятельный тип автобусного шасси и кузова. В период с 1914 по 1918 год были введены технические усовершенствования в области автобусостроения – низкорамные шасси, пневматические шины, дизельные двигатели и т.д. Несмотря на более низкую потребность в капиталовложениях по сравнению с трамваем, в системе городского транспорта автобусы не играли почти никакой роли.

Однако в 1913–1914 гг. во время проведения в Киеве Всероссийской промышленной выставки несколько импортных автобусов временно работали, перевозя пассажиров по Крещатику из центра до места, где сейчас находится Центральный стадион.

И только в 1925 году в Киеве началась постоянная эксплуатация автобусов (это были «Даймлер-Мерседес») на городских линиях. Кстати, в Москве это случилось годом раньше, а в Ленинграде – годом позже. Первый маршрут был таков: площадь III Интернационала – Крещатик – улица Пятакова – улица Коминтерна. Затем появился и второй маршрут, связывающий центр с окраиной – Демеевкой.

В 1930-е годы осуществлялся выпуск первых автобусов отечественных марок Московского автозавода: ЗиС-8 и ЗиС-16, а после войны – ЗиС-154, ЗиС-155, ЗиС-158. В 1932 году появляется трехосный Я-2 Ярославского автозавода. С 1933 года

- ▲ Автобус ГАЗ-03-30 на углу улиц Ленина (Б. Хмельницкого) и Владимирской. 1930-е гг.
- ▼ Автобус Ikarus-180 и трамвай Tatra T3 на мосту Патона. 1970-е гг.

Горьковский автозавод начинает выпускать автобусы для небольших городов на 17 мест (ГАЗ-03-30).

С улучшением качества дорог было принято решение о постепенной разгрузке центральных магистралей Киева путем частичной замены трамваев на автобусы и троллейбусы. Уже в 1940 году по Киеву курсировали 55 автобусов новейшей марки ЗиС. Они начали работать на труднодоступных для прокладки трамвайных линий участках города, а также связали между собой отдаленные районы города. На некоторых маршрутах их движение было круглосуточным.

Хорошую помощь городу оказали автобусы в первые послевоенные годы, в период восстановления разрушенного войной трамвайного хозяйства, заменив трамвай на некоторых линиях. В процессе дальнейшего улучшения качества дорог стали появляться пригородные и междугородние автобусные маршруты. Они соединили центр города с Броварами, Дымером, Быковней, Корчеватым, Гостомелем, Пирогово, Ширмой, Васильковом и другими поселками и хуторами. Это позволило окончательно отказаться от практики установки в кузовах грузовых машин лавок для перевозки людей на пригородных сообщениях.

Восемь автобусных парков обслуживают сегодня киевские городские, а также пригородные и междугородние маршруты. С середины пятидесятых годов сюда стали прибывать автобусы марок ПАЗ-652, ЛиАЗ-677, ЛАЗ-695М...

С 1984 года Киев стал получать венгерские машины «Икарус-260». Когда в 1980 году столица Украины принимала участие в организации проведения отдельных соревнований Олимпиады-80, из пяти украинских городов сюда прибыли туристические львовские «ЛАЗы» для обслуживания гостей, а после Игр они вернулись в свои города.

В советское время автобусы широко использовались для вывоза людей на сельхозработы на закрепленных за предприятиями участках колхозных земель.

К сожалению, были в истории киевского автобуса и трагические моменты.

В 1965 году киевский завод «Ленинская кузница» получил срочный заказ – отлить два фрагмента декоративной решетки для моста Патона. Эти элементы ограждения сломал упавший в Днепр рейсовый автобус, шедший из Броваров в Киев. Среди утонувших был замечательный тренер киевской баскетбольной команды СКА Наполеон Каракашьян, которого все ласково называли Напа. Его похоронили на Байковом кладбище города.

Сегодня в связи с ростом маршрутных автобусных сообщений в городе настоящий автобусный бум. Мини-автобусы типа «Богдан» соединили в себе несколько трамвайных и троллейбусных маршрутов. Экзотическим стал и внешний вид автобуса – если раньше на его борту можно было увидеть только надписи «Образцовый маршрут» или несколько строчек Правил дорожного движения, то сегодня он весь покрыт немыслимо яркой рекламой чего угодно. К тому же нынешние автобусы неожиданно стали похожими на троллейбусы: во-первых, исчезла традиционная окраска машин,

- ▲ Вокзал станции Киев-Пассажирский. Паровоз Щ с пригородным поездом. 1940-е гг.
- ▼ Электropоезд Сд отходит от платформы пригородного вокзала. 1950-е гг.

а во-вторых, и Львовский и Минский заводы стали выпускать трехдверные машины. Некоторые пожилые киевляне не могут рассмотреть главное отличие – токоприемник на крыше, нервничают и постоянно переспрашивают людей...

А вот руководству городского транспорта по-прежнему не хватает фантазии, чтобы дать каждой остановке оригинальное, соответствующее только ей название – сохраняются десятки остановок «Универсам», «Торговый центр», «Поликлиника», «Детская поликлиника», «Школа», «Аптека» и т.д.

Стаканчики граненые, пряники медовые: Киевский вокзал...

В 1870 году (более 140 лет тому назад) в долине реки Лыбедь, между Владимирским кадетским корпусом и селом Паньковщина, сооружен первый Киевский железнодорожный вокзал. Это было двухэтажное здание в стиле английской готики из желтого кирпича, длиной 133 м, шириной 12–20 м, с пассажирской платформой протяженностью 144 м. Для высочайших особ предназначались роскошно оформленные помещения, а для пассажиров третьего класса – грязные и тесные залы ожиданий.

Вначале вокзал обслуживал пассажиров Курско-Киевской и Киево-Балтской дорог. Однако после ввода в эксплуатацию железных дорог Киев – Полтава и Киев – Ковель он перестал отвечать функциональным требованиям и в 1906 году был разобран. На его месте в 1907 году возвели временное здание – одноэтажный деревянный барак.

В 1913 году утвердили проект нового вокзала, летом 1914 года начались работы, но Первая мировая война прервала строительство. На долгое время вокзал превратился в позор города. Приезжие говорили: «Надо же, такой красивый город, а вокзал – барак!». Перед ним находилась грязная булыжная площадь с извозчиками, оглашаемая криками мальчишек: «Кому воды холодной?».

Наконец, в 1927 году был объявлен закрытый конкурс на лучший проект вокзала, в котором участвовали известные на то время советские зодчие: П. А. Алешин, А. Н. Бекетов, А. М. Вербицкий, братья Веснины, Д. М. Дяченко, А. В. Кобелев, В. А. Щуко, А. В. Щусев и другие. Победу над знаменитыми московскими и ленинградскими архитекторами одержал киевлянин А. М. Вербицкий.

Условия конкурса были довольно необычны: фасад здания должен был быть выдержан в духе конструктивизма (мода тех лет), но с элементами украинского барокко. Сочетание довольно сложное, однако Вербицкий сумел выбраться из этого тупика. Он обрамил громадное параболическое окно вестибюля «кокошником», в котором угадывалось что-то от покоев митрополита Софийского собора. Здание стало восприниматься как своего рода триумфальная арка при въезде в город. Фронтон центральной части здания завершался лепным государственным гербом Украинской ССР. В 1932 году новый вокзал был торжественно введен в эксплуатацию.

При отступлении из Киева в 1943 году немцы попытались взорвать вокзал. Но бетон был крепок и толу не поддался – только стекла повывлетали да штукатурка кое-где закоптилась.

Торжество Победы на вокзале отметили весьма оригинально: арки заменили спаренными колонами, параболические окна приукрасили нелепыми пилястрами, потолок усеяли звездочками, светящиеся плафоны заменили метростроевскими люстрами. Но главное – на стенах в залах ожиданий появились производственно-патриотические пейзажи! Нетрудно догадаться, что об этом думал автор – Вербицкий.

Послевоенный вокзал почему-то был центром притяжения для бродяг, пьяниц, воров, проституток, бандитов. Но удивительное дело – он манил к себе также романтиков, влюбленных, счастливых и неудачников, одиноких людей... Вокзал – как театр, где сотни невольных актеров играют одновременно и комедию, и драму, и трагедию, и фарс... И нет более реалистичного театра, чем вокзальный, ведь он отражает подлинную жизнь.

Временами, как ни удивительно, на вокзале количество ночлежников-киевлян приравнялось к количеству транзитных пассажиров. Кто-то не хотел пьяным возвращаться домой, кто-то искал общения, кто-то, задержавшись в гостях, не хотел далеко ехать домой и ночевал на вокзале...

Круглосуточно работали привокзальные буфеты с чаем, кофе в граненых стаканчиках, пирожками и пряниками. Да и распить бутылочку здесь было просто и удобно. Кстати, в этих буфетах пустые бутылки принимались и днем, и ночью.

До поздней ночи работал и ресторан «Экспресс», из-за прикрытых дверей которого слышалась приглушенная музыка духового оркестра. А в период антиалкогольной компании это было одно из немногих в Киеве мест, где можно было достать спиртное, с переплатой, конечно. Мощная люстра и высоченный, уходящий в выкрашенное золотом поднебесье потолок зала придавали расставанию (в ресторане обычно находились провожающие и уезжающие из города родственники, друзья, влюбленные) какой-то возвышенный и символический смысл – ведь эти люди могли уже больше никогда не увидеться!

Как ни очищались вокзалы от мусора, но знаменитый тяжкий вокзальный дух, насыщенный запахом потных носков, истребить не удавалось.

В сверкающем мраморном зале под высоким памятником Ленину лежали на скамьях, а то и просто на ступеньках люди с грязными спутанными волосами, измученные нездоровьем, замотанные жизнью. Кто спал на боку, кто сидел, накрывшись пальто с головой и неизвестно чем дыша...

В доперестроечное время на вокзале при желании можно было достать кое-какой дефицит. Работники вокзала точно знали время прибытия международных поездов «Москва – Прага», «Москва – Берлин» и многих других. Заготовив, например, «Киевский торт» или конфеты «Киев вечерний», их можно было выгодно обменять в вагонах-ресторанах указанных поездов на красную икру, кофе, импортные конфеты и сигареты, баночное пиво и т.д. А в подвальной подсобке ресторанных грузчиков

можно было рассматривать западные эротические журналы, которых в Киеве не было еще и в помине...

Парикмахерская, бесплатные туалеты, обувщики, часовщики, свежая пресса, медпункт – все это создавало на вокзале своеобразный автономный замкнутый мир, где каждый мог решить свои насущные проблемы...

Закончилась война. Домой стали возвращаться отцы, сыновья и братья, те, кому суждено было остаться в живых после жесточайших кровопролитных боев. Демобилизованные прибывали на киевский вокзал в приподнятом состоянии духа. Но их уже кое-кто из постоянно работающих «на бану» ожидал... Известно, что знаменитый киевский Евбаз (Еврейский базар) в то время начинался именно с вокзала. Какой-нибудь молодой лейтенант с медалями на груди ставил на землю два чемодана – в одном подарки для родных, в другом – то, что он планировал продать или обменять. Например, мыло, капроновые чулки можно было обменять на иголки для примусов или портняжные иголки... Найти бы оптовика! Негоже военному стоять на базаре!

И вот появлялся служивый, тоже в военной форме, но без погон. По его словам, с Первого Украинского, из-за ранения до Берлина не дошел. Здесь уже всех знает, может помочь хорошему человеку сдать все оптом. Да здесь и недалеко... В ближайшей подворотне двухэтажного неоштукатуренного домика с длиннющим проходным двором лейтенант получал сзади ужасный удар по голове и приходил в себя (если приходил) уже без денег, чемоданов и документов...

А ведь когда вскоре после войны по постановлению Киевского горисполкома закрыли Евбаз и начали расчищать площадь вблизи вокзала от «рундуков» и окружающих домиков-развалюх, не только потревожили тысячи крыс, но и стали находить закопанные трупы людей...

Хорошо помнят пожилые киевляне и лютовавшую в послевоенное время вблизи вокзала банду грабителей «Черная кошка». Подойдя к входным дверям дома, они мяукали, а для большей убедительности и скреблись в дверь, как котенок. Сердобольный хозяин открывал дверь, наклонялся к котенку и... сам подставлял свою голову под удар топора. Грабили по наводке и вслепую. И самое ужасное – не оставляли в живых свидетелей, невзирая на возраст... Из-за этого долго не могли эту банду раскрыть.

Трамвай без кондуктора

В конце пятидесятых годов прошлого века руководители Киева посредством реорганизации городского электротранспорта решили убить сразу двух зайцев. Во-первых, путем упразднения профессии кондуктора, которая заметно потеряла прежний престиж, решить проблему нехватки кондукторов. Во-вторых, показать «всему прогрессивному человечеству» рост социалистической честности киевлян.

- ▲ Трамвайный вагон МТВ-82 на площади Богдана Хмельницкого
- ▼ Первые рейс вагона с безкондукторным обслуживанием

Эксперимент начался осенью 1959 года с трамвайного маршрута № 24, который курсировал от Бессарабки до Сталинки (ныне Голосеевская площадь). Кондуктора заменили кассой-копилкой, в которую сами пассажиры бросали деньги и отрывали билеты от рулончика, намотанного на вращающееся колесико. Затем на маршруте № 10 (Железнодорожный вокзал – Сталинка) с целью произвести впечатление на гостей города пошли еще дальше...

Кассу сделали с плоским верхом, чтобы добропорядочные киевляне не опускали мелочь в щель, а клали ее сверху, отрывая затем билет. Человек как бы заботился о других людях, у которых не было ровно 30 копеек или были бумажные деньги. Следующий пассажир, положив свои деньги на кассу, самостоятельно отсчитывал и забирал себе сдачу. Сразу в щель опускались в основном бумажные купюры.

В первые два месяца выручка в трамваях без кондуктора не только не упала, но и возросла, не говоря уже об экономии на зарплате самих кондукторов.

Однако затем сумма денег, поступающих в кассу, стала составлять 80% стоимости оторванных билетов, и с каждым последующим месяцем эта тенденция усиливалась.

Возникла проблема: как остановить злоупотребления нечестных пассажиров?

В бой вступили изобретатели и рационализаторы. Молодой водитель трамвайного депо им. Красина Г. Щука модернизировал кассу-копилку, вмонтировав в нее механизм, который не позволял оторвать билет без оплаты его стоимости. Приемная комиссия предложила только заменить пневматический привод на механический, с чем изобретатель успешно справился.

Уже в 1965 году на 550 трамваях и троллейбусах работало 2360 механических касс-полуавтоматов. Пассажир бросал в отверстие мелочь и рукой отводил рычаг кассы к себе и обратно. При этом появлялся отрывной билет из специальной щели.

После внедрения безкондукторного обслуживания широкое распространение получили разовые абонементные талоны. В связи с этим необходимо было организовать компостирование талонов самим пассажиром в движущемся транспорте. В конкурсе на лучшую конструкцию компостера победил слесарь трамвайного депо им. Ленина Г. Курнич, а изготовление компостеров наладили своими силами в экспериментальном цехе при депо им. Красина.

Киевляне в бане

В «Повести временных лет» Нестор Летописец передал слова св. апостола Андрея Первозванного, прибывшего в Рим после посещения славянских земель: «Диво видел я: бани деревянные, люди там раздеваются и бьют себя молодой лозой. Затем выходят и обливаются студеной водой. Творят омовение!». Известно, что и некоторые киевские князья имели помещения-купальни для своих наложниц. Но до начала XIX века бани в Киеве были в основном при монастырях. Впрочем, несколько бань для обывателей существовало и на Подоле в жилых домах. Начало XIX века можно смело назвать точкой отсчета в строительстве городских общедоступных бань. В 1820 году к услугам киевлян их было уже девять: Бубнова,

▲ Здание одной из киевских бань. 1980-е гг.

Решетова, Рубана, Гриневского, Гайдаевского, Майоренко, Лопатина, Скворцова и Комаровского. Делились они обычно на два отделения: дворянское и обычное. Строилось помещение из сосновых брусьев. Каменки давали пар, а горячая вода была в специальных казанах.

В бане имелись и несколько «саживок» – бассейнов. Сточные воды сбрасывались непосредственно в близлежащие речки. Со временем в банях наряду с общими отделениями появились и номера. Ванны делали из мрамора. Посетитель мог принять также и душ. Освещение было газовое, а вода поступала из Днепра свежепроточной и фильтровалась.

Кроме общих санитарных требований к помещениям бань, существовали также требования к обслуживающему персоналу обоих полов. Это должны были быть лица крепкого телосложения, не моложе 20 лет, здоровые (особое внимание обращалось на отсутствие кожных болезней), непьющие. Они должны были знать элементарные правила массажа, что удостоверялось соответствующим свидетельством. Ежемесячно их проверяли доктора.

При банях работали цирюльники, мастера маникюра и педикюра, а также так называемые «мозольные операторы».

В пятидесятых годах XX века в Киеве уже работало много крупных прекрасно оборудованных бань с общим и душевым отделениями, а также «номерами». Это были

Галицкая, Гарнизонная, Демиевская, Дмитриевская, Караваевская, Боевская, Куревская, Октябрьская, Печерская, Совская, Соломенская, Троицкая и Центральная. Имелись в городе и так называемые «рабочие бани» (душевые павильоны) с более дешевыми входными билетами. (Интересно, что в Европе и Америке бань как таковых нет. Их заменяют как раз душевые павильоны.)

Так как в каждой бане имелось мужское и женское отделения, руководящие банные кадры подбирали по половому принципу. Если директор – мужчина, то его замом должна быть обязательно женщина, и наоборот, чтобы в случае необходимости кому-то из администраторов всегда можно было войти в моечное отделение. Для борьбы с подглядывающими на окна бань монтировались непрозрачные стеклянные блоки. Кроме того, женские отделения помещались на более высоких этажах.

В домах послевоенного Киева люди рождались, любили, ели, пили... Одного только не делали – не мылись. Только умывались холодной водой. И каждую неделю ходили в баню. Ходили всей семьей, разделяясь по разнополым отделениям. Стояли в двух очередях, причем в мужское отделение очередь была короче оттого, что мужчин после войны было гораздо меньше женщин.

Баннй ритуал всегда благотворно действовал на людей – сначала немного попотеть в парной, потом помыться. Мужчины мылись быстрее. Женщины только на мытье и полоскание головы (многие тогда носили косы) тратили много и времени и воды... Мужчины обычно внизу, в буфете, в ожидании своих жен коротали время за кружкой пива.

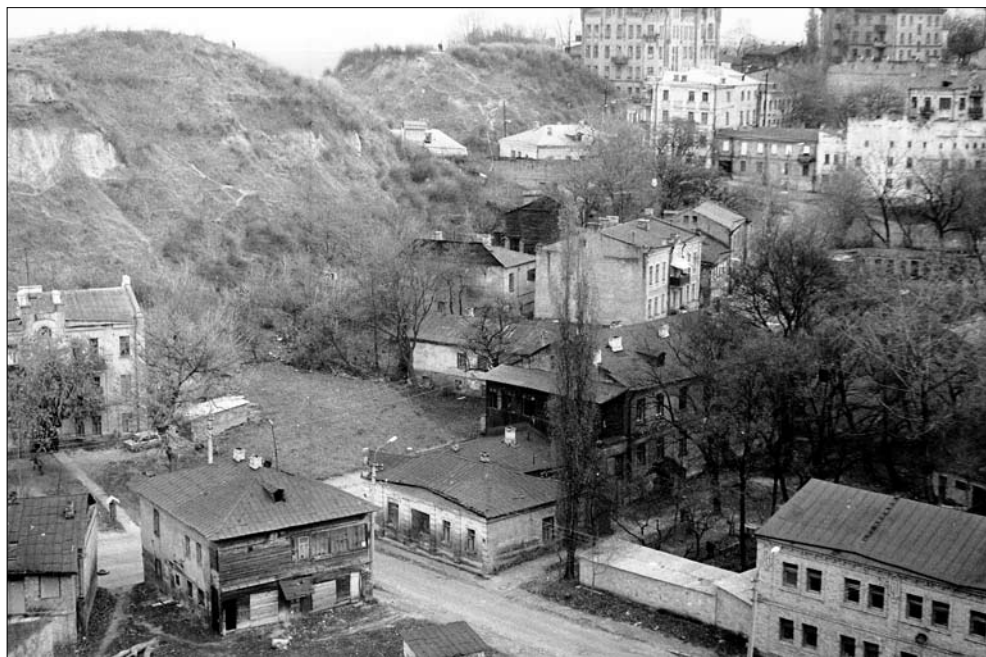
Главный удар по баням нанесли в начале шестидесятых годов «хрущевки», в которые начали массово переселяться киевляне из бараков, подвалов и коммунальных квартир. «Хрущевки» строились повсюду и быстро, и были они с ванной, душем и горячей водой.

На Кожемяках работали: Птичий рынок, зоопарк, цирк...

Кожемяки получили свое название от располагавшихся здесь во времена Киевской Руси кожевенных мастерских. Здесь жили ремесленники-кожемяки, цех которых впоследствии вошел в Киевское братство. Сохранилась и древняя легенда о Кирилле Кожемяке, победившем змея-людоеда (синоним кочевников – врагов Руси). Характерны и названия здешних улочек: Кожемяцкая, Воздвиженская, Дехтярная...

В яру находилась и улочка Гончарная (память про старинный район Гончары). Материал для изделий из глины находился рядом – на склонах соседних холмов. И вода была рядом – речка Киянка, которая впадала в реку Глубочицу между Замковой и Щекавицкой горами.

Кожемяки же располагались в яру между горами Старокиевской, Замковой и Дытынкой. Местность была мало приспособлена для капитальных строений, поэтому интенсивное ее освоение и застройка начались лишь в первой половине XIX века. В

▲ Улица Воздвиженская, угол Гончарной. 1981 г.

то время и обретают названия ранее безымянные улочки и переулки: Малодехтяр-ный, Овчинный, Ремесленный...

Здесь одноэтажные, а позже двухэтажные домики среди холмов с давних пор привлекали романтиков, художников и литераторов. Сейчас, к сожалению, тех домиков, увитых диким виноградом, с маленькими окошками, украшенными горшочками с геранью, уже нет. Но душа старого Киева живет здесь по-прежнему.

После ужасного пожара 1811 года был утвержден новый план застройки Кожемяк. Но в отличие от плоской части Подола Кожемяки благодаря своему рельефу не поддались строго геометрическому планированию и сохранили своеобразный и неповторимый стиль.

Около выхода из Кожемяк, там, где трамвай поворачивает на Подол, стоит Крестовоздвиженская церковь. В давние времена, по преданию, апостол Андрей поставил на одной из этих гор крест. В 1748 году на средства жителей Кожемяк здесь была построена деревянная церковь, которая после пожара 1811 года была перестроена в двухэтажную каменную. На Воздвиженской улице, 10, в доме, который принадлежал священнику Крестовоздвиженской церкви Матвею Бутовскому, одно время снимала квартиру семья Булгаковых. Здесь 15 мая 1891 года и увидел свет будущий автор «Мастера и Маргариты» Михаил Булгаков. В Крестовоздвиженской церкви писатель был крещен (что зафиксировано в метрическом свидетельстве).

А вот на улице Дехтярной, 30 жил известный украинский живописец Григорий Светлицкий. Кстати, его своеобразная религиозная живопись украсила стены Крестовоздвиженской церкви.

И сегодня многие жители Кожемяк считают, что в этих исторических местах под горами существует своеобразная аура творчества, вдохновения и особого стиля жизни...

В послевоенное время полки немногочисленных сохранившихся магазинов были пусты, поэтому главным центром притяжения для киевлян стали базары. На Кожемяках это были Птичий рынок и так называемый Привоз (машины с товарами стояли от улицы Смирнова-Ласточкина до Днепра). Выручали киевлян и расположенные здесь многочисленные ремонтные мастерские. Денег ведь на новые вещи тогда у людей не было, вот и ценились хорошие мастера-ремонтники.

От рассвета до заката кипела, бурлила и бушевала здесь людская толпа.

Вдоль Верхнего и Нижнего Валов, по улицам Воздвиженской и Смирнова-Ласточкина, стояли грузовые машины с фруктами, овощами, обувью и одеждой.

Рядом с Крестовоздвиженской церковью находился знаменитый послевоенный Птичий рынок. Здесь продавали «все живое» – от кошек, собак, попугайчиков до кур, уток, гусей и т.д. Купив живую курицу, киевлянин направлялся к домику «резника», который за один рубль отрубал бедной курице голову. За дополнительную плату здесь же ее могли ощипать и выпотрошить. И уже в таком виде покупатель нес добычу домой.

Здесь же в дровяных складах продавались дрова и брикет. Дома были еще не газифицированы, топились дровами... Кстати, когда, наконец, на Подол провели газ, управдомы долго не хотели газифицировать многочисленные ветхие дома. Спорам, скандалам, жалобам не было конца.

Однако, несмотря на сложность и скудность первых послевоенных лет, люди были тогда как-то дружнее, отзывчивее... Другие сегодня Кожемяки, в других местах и даже странах обитают их прежние жители.

Торговля – прошлое и настоящее

В 1869 году в газете «Друг народа» впервые был описан знаменитый киевский торг подержанными вещами, который находился на Подоле у фонтана Льва (в народе говорили «у Лева»). Блошинный рынок – это не только место купли-продажи. Во все времена люди приходят сюда не только что-либо купить, но и посмотреть на уникальные старинные вещи, антикварные безделушки, старую одежду, книги. Человек невольно возвращается в прошлое...

Небогатые люди за копейки могут приобрести здесь необходимые вещи.

Тут отдыхают душой, пьют, едят и заводят романы. Нумизматы, филокартисты, библиофилы среди хлама находят уникальные вещи для своих коллекций. Несмотря на то что здесь воруют, могут подсунуть поддельную безделушку и неисправную

▲ В продуктовом магазине. 1960-1970-е гг.

вещь, люди не особенно печалятся. Ведь сюда приходят ради процесса, а не только результата.

Глубоко ошибочно мнение, что наличие толкучек – это признак бедности государства и его народа. Почему же тогда доньше процветают знаменитые парижские блошинные рынки Сен-Уан, Марш-Бирон, Монтрой и их «собратья» в США, Китае, Германии? Самая длинная барахолка находится в США, в штате Кентукки, ее длина – 450 миль. Потягаться с ней может и громадный пекинский блошинный рынок Паньцзяюань, и рынки германских городов.

Не так давно на теперь уже закрытом киевском Сенном блошином рынке можно было встретить много иностранных гостей, которые с величайшим интересом рассматривали предметы нашей истории. А какой же товар был в ходу в середине XIX века?

На подольском рынке у фонтана торговали поднятыми на улице подковами, сло-манными подсвечниками, замочными ключами, коробочками из-под сургуча, кни-гами «Илья Муромец», «Конек Горбунок» и т.д. Кроме уже упомянутой толкучки на Подоле тогда в Киеве были и другие знаменитые барахолки – Еврейский базар и рынок на Бессарабке.

В начале XX века наиболее ходовым товаром на упомянутых толкучках были еже-недельно выходящие очередные выпуски походов знаменитых сыщиков – Ната Пинкертон, Ника Картера и Шерлока Холмса. Всеобщим успехом пользовались

и более крупные по размерам «Похождения русского сыщика Ивана Путилина». Бедные студенты и школьники тратили свои кровные копейки, предназначенные на учебники и еду, для чтения увлекательных описаний подвигов любимых героев. На этих толкучках всегда было интересно. Под звуки шарманки исполнялись нищенские песни, разыгрывались театральные комедии и акробатические номера. Замечательными были особые шарманки- шкафчики, где танцевали нарядно одетые куклы. Гадали тоже у шарманщиков. Попугай за 5 копеек вытаскивал зеленые, синие и красные билетки с напечатанными предсказаниями. Эти билетки назывались «счастьем». Они были свернуты в трубочки и уложены, как папиросы, в коробку от гильз. Писались в них обычно довольно примитивные предсказания: «Бойтесь блондинов и брюнеток!», «Не выходите на улицу в день усекновения главы Иоанна Предтечи!», «Завтра вечером все решится!», «Если хочешь остаться живым, никогда не оглядывайся!» и т.д., и т.п.

Еврейский базар просуществовал до конца сороковых годов прошлого века. Особенно процветал он в послевоенное время. Инвалиды войны получали специальные разрешения на установку ларьков по ремонту обуви и часов.

Некоторые из них держали в ларьках и собственный товар: авторучки, зажигалки, швейцарские часы, иголки для примусов, портняжные иглы, капроновые чулки, мыло... Хорошо котировался такой товар, как водка и спирт. На него меняли все что угодно. Тут же рядом продавались соленые огурцы и помидоры, маринованные и сушеные грибы, капуста... Жареная домашняя колбаса вкусно пахла чесноком.

Не дремал на толкучке и параллельно живущий уголовный мир. Продавались ножи, бритвы, свинцовые кастеты-«свинчатка». Немецкий парабеллум менялся на пять бутылок водки.

Здесь можно было купить пластинки запрещенных П. Лещенко – «белогвардейца», В. Козина – «нарушителя нравственности», А. Вертинского, который пел за границей в эмигрантских ресторанах.

В 60х–70х годах прошлого века крупная толкучка функционировала в Киеве в районе Новобеличей. Огромные толпы киевлян садились в выходные дни в маршрутные автобусы и электрички и направлялись на эту барахолку, где можно было купить ладный шарик на резинке, попробовать украинские медовые пряники и послушать трогательные песни слепого «лірника». Под предлогом борьбы со спекулянтами и перекупщиками толкучка была закрыта в самый разгар своей деятельности. Вместе со спекулянтами пострадали и простые люди, которые находили здесь вещи, которыми не могла их обеспечить государственная торговля. Уже в девяностые годы неплохая толкучка была на рынке «Юность». Кроме того, киевляне ездили на барахолки и за город – в Ирпень, Бородянку...

Сегодня любители блошиных рынков пока еще могут приехать в выходные дни на Куреневский рынок и увидеть здесь бесценные детали прошлого.

▲ Кинотеатр «Жовтень» на Константиновской улице

Из истории киевского кино

В 1895 году, состоялась первая демонстрация движущихся картин на киноаппарате Люмьера. Первым киноаппарат, еще не введенный в серийное производство, приобрел руководитель Киевского товарищества драматических артистов Николай Михайлович Соловцов.

В самом театре Соловцова (он арендовал тогда помещение театра Бергонье на Фундуклеевской улице, где теперь находится Театр русской драмы) первые киносеансы включались в общую программу представлений и шли попеременно с театральными пьесами. О том, как воспринял Киев первую демонстрацию киноленты, в прессе даже не сообщалось. Приход в Киев будущего XX века – кино – в городе остался незамеченным. Кино утонуло в море различных карнавалов и представлялось киевлянам как очередная выдумка балаганных трюкачей. «Балаган! – говорили киевляне. – Только с той разницей, что на Контрактовой ярмарке балаганы гораздо интереснее!»

На длительное время на кинематограф был повешен ярлык «примитивного зрелища», рассчитанного на самые низменные вкусы.

Однако путь кино в массы был неустойчивым. В 1907 году в Киеве началось регулярное производство фильмов. Создавались в основном хроникально-документальные

ленты и экранизировались театральные спектакли. С наступлением советского времени большевистская власть начала умело использовать кинематограф для своих политических целей. В 1919 году все кинопредприятия Украины были национализированы, началось строительство кинотеатров.

В 1981 году в Киеве функционировало 166 киноустановок – 69 кинотеатров (в том числе 12 широкоформатных, 11 летних) и более 100 дворцов культуры, клубов, учебных заведений и т.д. Городские киноустановки могли одновременно обслужить 64,2 тысяч киевлян. Первый в СССР панорамный кинотеатр на 540 мест был открыт в Киеве в 1958 году – это «Кинопанорама» по улице Шота Руставелли, 19. А вот первый в городе широкоформатный кинотеатр «Украина» на 663 места был открыт по улице К. Маркса, 5/4. В Киеве сегодня функционирует и самый большой в стране кинотеатр – «Киевская Русь», большой зал которого вмещает 1600 человек.

Кино пятидесятых

Кино стало необыкновенно популярным зрелищем и стало приносить государству немалый доход. А хорошие кинотеатры стали не только местом просмотра фильмов, но и культурно-просветительными центрами. Например, построенный в 1930 году отдельно стоящий кирпичный кинотеатр «Жовтень» стал многофункциональным центром Подола. И даже во время войны кинотеатр не изменил своему предназначению. Уже в послевоенное время в фойе перед началом сеансов выступали самодеятельные музыкальные коллективы. По стенам развешивались выставки картин художников города. В помещении рядом с буфетом находился огромный макет местности с поселками, станциями, озерами, мостами и тоннелями.

По этой местности двигался игрушечный паровозик с прицепными пассажирскими вагонами. В буфете был огромный выбор напитков, бутербродов, сладостей и мороженого...

Вдоль стен фойе стояли кресла, обитые красным бархатом, и диваны из красного дерева на высоких гнутых ножках. На мраморных тумбах – декоративные вазы. В этот кинотеатр шли как на праздник. Здесь не только погружались в экранный мир грез, уводящий от унылого бытия, но и знакомились, общались...

А какие очереди выстраивались, чтобы посмотреть первые советские широкоэкранные фильмы и первые фильмы на цветной пленке! Стояли часами! Для наведения порядка вызывались наряды милиции, устраивались турникеты...

Были в истории кинотеатра «Жовтень» и неприятные моменты. Так, в конце 50-х годов сторе́ла бархатная обивка стен зрительного зала, и в итоге красный бархатный занавес остался только перед экраном.

Кирилловская – Константиновская

Одна из старейших улиц Киева начинается от Контрактовой площади и заканчивается улицей Заводской. Ранее она называлась Цареконстантиновской, по названию церкви Константина и Елены, частично разрушенной в конце 1920-х годов и

полностью закрытой в 1959 году (расположена церковь на углу нынешних улиц Щекавицкой и Фрунзе).

Интересно, что с 30-х годов XIX века Константиновская называлась Кирилловской. Она в то время как бы дублировала современную улицу Фрунзе, т.к. была непосредственно связана с Контрактовой площадью и вела к Кирилловскому монастырю. И вот в 1869 г. она, наконец, получила свое современное название – Константиновская.

А нынешняя улица Фрунзе, идущая параллельно, но не доходящая до Контрактовой площади, в том же году была переименована из Плоской в Кирилловскую. Вернее сказать, Плоской назывался участок улицы, проходящий по центральной части Подола, который как бы слился с Кирилловской (являвшейся частью Константиновской) и та значительно удлинилась. Однако это еще не все метаморфозы с переименованиями. В 1926–1958 гг. улица Константиновская называлась улицей Шолом-Алейхема.

Как же менялся внешний облик улицы?

В конце XIX – начале XX столетий на смену малым зданиям пришли трех- пятиэтажные строения в стиле классицизма и даже модерна, характерные для времени бурного развития капитализма. Центральная улица плоской части Подола стала местом сосредоточения гостиниц, торговых учреждений, ресторанов, банков, доходных домов... В этих домах жили киевские купцы и богатые мещане. Улица Константиновская и сегодня представляет интерес как яркий пример доходного домостроения начала XX века.

Пожар, начавшийся 9 июля 1811 года в доме столяра по улице Спасской, «благодаря» сухой погоде и сильному ветру охватил всю территорию Подола и длился три дня. Горело все: деревянные строения и мостовые, заборы и даже сады... Пострадало 11 каменных и 8 деревянных церквей, Флоровский, Петропавловский и Братский монастыри, а также 1176 зданий, в т.ч. здание магистрата. После пожара Подол представлял собой горящие и дымящиеся развалины.

Восстанавливался он по утвержденному в 1812 году проекту архитектора В. И. Гесте. Кривые и узкие подольские переулки были заменены широкими прямыми магистралями, протрассированными параллельно Днепру, и перпендикулярными им улицами.

А вот дом по Константиновской № 6/8 расположен необычно – под углом к линии нынешней застройки улиц. Это свидетельствует о прежнем (до пожара 1811 года) направлении улицы. Здесь в 1706–1707 гг. останавливался Петр I.

В начале XIX века здесь содержался, сошедший с ума, композитор, скрипач и дирижер А. Ведель, потом проживал основатель киевской терапевтической школы Ф. Яновский. С конца XIX века до 1917 года это Александровский детский приют.

На Константиновской, 5 почти 90 лет существовала духовная семинария, которая подготовила не одно поколение священников, философов и других представителей национальной культуры. В их числе композитор и певец С. Гулак-Артемовский, писатель И. Нечуй-Левицкий и другие.

Дом № 9/6 – поместное дворянское училище – также связан с деятельностью выдающихся людей, а именно Т. Шевченко, М. Драгоманова, Я. Бекмана, Н. Пирогова... В советское время на углу Константиновской и Верхнего Вала располагался уютный ресторан «Днипро», пребывание в котором позволяло некоторым горожанам на время уйти от надоевших проблем. Из-за зашторенных окон ничего не было видно, однако слышны были приглушенные звуки ресторанного оркестра. У входа в ресторан совсем не пахло общепитовским гарниром, как из диетической столовой, находящейся в начале улицы. Из него выходили, сопровождаемые швейцаром, красивые, наполненные жизнью женщины, накрашенные решительно и ярко. Они были в черных блестящих шубах, от них пахло дорогими духами...

На улице было много парикмахерских, аптек и гастрономов. Один из них – на углу Константиновской и Ярославской – считался центральным в плоской части Подола. Вспоминаются его прилавки со стеклянными конусами разноцветных соков и маленькими бронзовыми краниками внизу, кондитерский отдел гастронома с окном на улицу Ярославскую: коробки конфет «Алеко», «Спартак», «Абрикосовые»... От гастронома на улицу Константиновскую выходило буфет-окно, расположенное достаточно высоко над землей. Приходилось тянуться вверх, чтобы купить стакан холодной газировки с клубничным сиропом.

Куреневская трагедия

В этот день, 13 марта 1961 года, лавина из воды, глины и песка общим объемом более 600 тысяч кубических метров со скоростью пять метров в секунду обрушилась на Куреневку со стороны Бабьего яра, уничтожая все на своем пути. По недомыслию инженеров произошла чудовищная трагедия.

В 1957 году было принято решение засыпать ущелье Бабьего яра, применив метод гидромеханизации. Для этих целей на протяжении четырех лет качали пульпу из карьера соседнего кирпичного завода, перегородив яр земляной плотиной. Однако вопреки инженерной мысли грунт не оседал, воды не отводились, а вязкое грязевое болото росло. Весной 1961 года талые воды устремились в яр, переполнив озеро, желоба уже не успевали пропускать потоки...

Местные жители еще в субботу, 11 марта, наблюдали интенсивные ручейки, которые стекали со стороны котлована, постепенно превращаясь в стремительные потоки. Звонили в горисполком, а в ответ слышали: «Все хорошо, не волнуйтесь». Наиболее предусмотрительные граждане Куреневки закрыли свои дома и направились к своим родственникам и знакомым.

Это впоследствии спасло им жизнь.

В понедельник, 13 марта 1961 года, в 8 часов 45 минут раздался страшный рев, дамба была прорвана, и потоки лавы высотой до 10 метров устремились на Куреневку, в район трамвайного депо им. Красина, сметая на своем пути частные дома и другие постройки, но главное – забирая человеческие жизни!

- ▲ Последствия оползня в районе стадиона «Спартак»
- ▼ На территории трамвайного депо им. Красина

Уцелевшие очевидцы, наблюдавшие издали, утверждают, что вал вылетел из оврага как курьерский поезд, спрятаться было невозможно. Толпы людей вмиг были поглощены им. В машинах, в трамваях люди погибали, даже не успев сообразить, что случилось.

Месиво в виде вязкой трясины залило трамвайный парк, больницу, инструментальный завод, жилой сектор... Мир снова заговорил о Бабьем Яре – месте, в котором немецкими захватчиками было уничтожено (добавим жертвы концлагерей Сырца и Дарницы) более 200 тысяч наших граждан.

Только заговорил сначала «вражьиими голосами» радиостанций Би-Би-Си и «Голос Америки».

Директор Музея истории электротранспорта Лидия Архиповна Ливинская была среди тех, чьими титаническими усилиями удалось добиться того, чтобы начиная с 1991 года (через 30 лет после катастрофы!) ежегодно проводились официальные гражданские панихиды возле нынешнего Куреневского депо. В 1995 году здесь был установлен и освящен памятный знак, открыта каплица. Ежегодно 13 марта здесь поминают погибших во время этой трагедии киевлян. По официальным данным, опубликованным в советской прессе, число погибших – 145 человек, однако по неофициальным данным – их около 2000.

О. А. Бикус работала в депо им. Красина водителем трамвая. Она вспоминает: «Жила я на втором этаже общежития, которое находилось на территории депо им. Красина. В половине восьмого утра я повела дочку в ясли на улицу Викентия Хвойки. Канава, по которой текла вода из Бабьего яра, была переполнена водой. Трамвайные пути были залиты. Ко мне подошел муж Иван (он работал слесарем в депо) и сказал, чтобы я не вела дочку в ясли и шла домой. Только поднялась к себе на второй этаж, вижу – вода уже заливает двор, парадное и первый этаж. Жильцы первого этажа стали подниматься на второй, не успевая даже взять вещи. Началась паника. В окно я увидела, что мой муж сидит на крыше одноэтажного здания медпункта. Он кричал мне, желая убедиться, дома ли мы с дочкой. Частные дома, которые располагались вдоль канавы, снесенные лавиной, плыли в сторону нашего дома. Взорвалась и загорелась газовая подстанция. Затем по нашему дому сильно ударило, треснул потолок, все вещи разметало по комнате. Стало тихо. По разломанным деревянным сараям люди, спасаясь от верной смерти, добирались до нашего дома и обувной фабрики. Из грязи торчали руки людей. Появился вертолет и скинул нам лестницу, но мы не знали, что с ней делать. Многие по всплывшим сараям и поваленным деревьям добирались до обувной фабрики. Таким образом спасся мой муж, а здание медпункта было полностью снесено. Каким-то чудом наш дом уцелел, и мы с дочкой, которой 18 марта 1961 года исполнялось три года, остались живы.

О. Я. Шевченко (в то время работала в метрополитене, но жила в общежитии трамвайного парка): «13 марта я возвращалась с работы, где отработала третью смену. Трамваем я доехала до шиферного завода, а т.к. дальше трамваи не ходили, то, как и все люди, пошла пешком. Затем на грузовой машине я поехала в сторону Куреневки, но не доехала. Воды было уже так много, что она доходила до кабины водителя, и он стал задом сдавать обратно до «Спартака». Вижу, как люди разбивают окна

- ▲ Парковые аллеи вдоль зеленых склонов у Днепра
- ▼ У фонтана возле кафе "Слоник". 1950-е гг.

частных домов и вытаскивают оттуда детей. Затем раздался страшный гул, взрыв. Стоял трамвай – и вдруг его не стало. Среди затопленной территории, как Ковчег, выделялось здание общежития с затопленным первым этажом. Наверное, Господь его защитил, т.к. в нем находилось много женщин и детей.

Уже позднее по доскам военные эвакуировали из него людей до 4-й обувной фабрики. В общежитии находилась моя мама. Муж работал водителем троллейбуса и на развозке уехал на первую смену, а брат был в больнице.

Мама, как и все находящиеся в здании люди, кричала и звала на помощь. Спасли ее, всю побитую и в синяках.

Мы с мужем остались в том, в чем пошли на работу, а маме дали одежду работники обувной фабрики. Квартиру нам дали потом в Дарнице.

О. Я. Шевченко и О. А. Бикус надеются, что в будущем откроется Музей памяти жертв Куреневской трагедии, куда они передадут для экспозиции свои воспоминания и фотографии. А по мнению Л. А. Ливинской, для музея можно использовать даже неработающий трамвайный вагон, только бы власти поддержали эту идею.

Летний отдых в Киеве был общедоступным

История летних развлечений

В 90-х годах XIX века в бесплатном городском парке на Владимирской горке устраивались летние детские игры-развлечения. Инициаторами их были ученый садовод А. Осипов и педагог Плахов. А руководил играми заведующий детской площадкой, учитель городского училища Л. Гудвил. В год игры посещало до 50 тысяч детей в возрасте от 2 до 16 лет. Позже игры были перенесены в Царский сад, на площадку вблизи водокачки. А в 1913 году они уже находились у Петровской аллеи рядом с парком Шато-де-Флер, где теперь корты и различные спортивные площадки стадиона «Динамо» имени В. Лобановского.

Интересно, что подобные бесплатные общедоступные детские развлечения, кроме Киева, в то время существовали лишь в Одессе. Городской платный парк Шато-де-Флер был огромным – от теперешней филармонии до Мариинского дворца. Главным условием, согласно которому парк сдавался Думой антрепренерам, были общедоступные цены на входные билеты.

Киевская молодежь обожала это место, о чем свидетельствует, например, описание здешних вечерних гуляний в романе «Тучи» И. Нечуй-Левицкого. Хотя по сути дела это были примитивные развлечения. Эстрадная халтура.

Тогда в Киеве это было фактически начало эпохи буржуазной массовой культуры. Характерно, что рядом на окраинах сада обитали «босяки» – бездомные люди. Они жили в густых кустарниках, шалашах, наполовину врытых в землю и крытых дерном, залезать в которые надо было ползком. Еще эти люди назывались «кукушки». Осенью «кукушки» переселялись в грязные ночлежки Подола.

Интересно, что в 1950–1960 годах «кукушками» в Киеве стали называть кафе и ресторанчики на Петровской аллее, т.е. именно там, где были «кукушкины дачи» – поселения бездомных людей.

Чиновник-босяк Матушевский

Работал он в начале XX века в отделе по делам о наследствах. О нем с похвалой отзывался и сам управляющий – Стрекалов. Однако хорошим чиновником он был только зимою, с наступлением же весны исчезал. Уходил на берег Днепра, выпивал и спал в компании киевских босяков на лоне природы, в «кукушкиных дачах» на Петровской аллее.

Убежденный поборник свободы, он ненавидел гнетущую чиновничью жизнь, канцелярскую пыль и противные рожи всевозможных «бумагомарателей». Дух бродяжничества брал в нем летом верх над рассудком. И умер Матушевский на Днепре около порта, как выяснилось – от непомерной дозы алкоголя. А вот хоронили его прилично одетым, т.к. свой последний костюм он не успел пропить. Казенная палата в полном составе проводила его в последний путь на Лукьяновское кладбище.

Улица Межигорская – от Подворья до Шнаранта!

Межигорский монастырь

Сегодня улица Межигорская проходит по центральной плоской части Подола от Контрактовой площади до улицы Заводской. И хотя застройка ее началась в конце XVIII века, современное свое название она получила в 1869 году. А вот в XX веке, с 1920 по 1950 гг., она называлась улицей И. Переца.

Исконное название улице дало подворье Межигорского казачьего монастыря.

Кстати, до пожара 1811 года, нанесшего ущерб всему Подолу, это подворье находилось севернее Братского монастыря, вблизи церкви Воскресения. Оно было построено для запорожцев, наезжавших в Киев. Для них на территории подворья в 1760 году была построена небольшая деревянная Пантелеимоновская церковь. Сам Межигорский монастырь находился севернее Вышгорода. Запорожцы считали монастырь своим войсковым.

На совещаниях в присутствии архимандрита запорожские казаки решали важные для своего края вопросы. Интересна и сама история создания монастыря.

В XV столетии несколько иноков, избегая смут, происходивших в Киеве из-за междоусобиц его правителей и нападений врагов, вырыли в одном из холмов пещеры, подобные лаврским, и поселились здесь. Затем построили малую деревянную церковь Святого Николая.

С начала XVI века монастырь был уже хорошо устроен. Гетман Богдан Хмельницкий, посетив его, выделил средства на развитие и стал его ктиторм. Монастырь имел свои прекрасные виноградники и фруктовые сады.

Начало XX век

В путеводителях по Киеву, выпускавшихся в начале XX века, Межигорскую улицу делили на две части: первую (от Контрактовой площади до Нижнего Вала и Верхнего Вала) считали более приглядной. Здесь были красивые большие дома с канализацией, улучшенный тип мостовых... А вот северная часть улицы (за Валом) была совсем другой. Заселена она была беднотой и рабочим неимущим населением. Грязь, жалкие лачужки, стоящие буквально в кучах навоза, заполнявшего улицы и усадьбы, копошащиеся в этом навозе дети, а рядом – свиньи...

Все это наблюдали пассажиры трамвая, ехавшие по Межигорской от по-европейски изящных центральных улиц города в чудный лес Пущи-Водицы.

В начале «приличной» части Межигорской улицы находился дом № 1 – Контрактовый дом, построенный в 1817 году. В нем заключались контракты на оптовую куплю-продажу товаров, оформлялись кредитные операции, брачные договоры, выплаты приданого и завещаний. Здесь же зимой ежегодно проходила знаменитая Контрактовая ярмарка.

В доме № 2 находится построенный в 1933 году Дом культуры пишевиков.

А вот в доме № 5 родились и некоторое время проживали писатель М. Е. Кольцов (1898–1940) и его брат, художник Б. Е. Ефимов (1900–2008).

Михаил Ефимович Кольцов, с 1920 года живший в Москве, был редактором и основателем журнала «Огонек», членом редколлегии газеты «Правда».

В 1940 году был расстрелян по обвинению в антисоветской и террористической деятельности. В 1954 году был посмертно реабилитирован.

А его брат – художник-карикатурист Борис Ефимович Ефимов – Герой Социалистического Труда, дважды лауреат Сталинской премии, член-корреспондент Академии художеств, последний год жизни (в возрасте 107–108 лет) был главным художником газеты «Известия».

После войны

Улица Межигорская в свое время была застроена доходными домами, правда, не такими респектабельными, как в центре. Во дворы таких домов попадали через арки-дуги проездов (подворотен). Над аркой обычно помещалась квартирка дворника с низким потолком. В домах имелись подвалы и полуподвалы, заполненные жильцами во время «уплотнения».

Отметим, что в послевоенное время люди в этих местах жили и в деревянных бараках, и даже на баржах, пришвартованных у берега Днепра. Воду для приготовления пищи живущие на баржах брали прямо из реки. Прокипятили – и порядок!

Двери многих домов выходили непосредственно на улицу. Проемы дверей завешивались марлей от назойливых мух, ос и комаров. Во дворах находились деревянные уборные, в которые жутко было войти. Здесь же стояли крытые толем сараи, в которых хранились дрова, уголь и т.д.

Скрашивали быт советских трудящихся, работавших в то время шесть дней в неделю, многочисленные деревянные киоски, располагавшиеся в конце каждого квар-

тала. Остекленные с трех сторон, они закрывались ставнями на металлических штабах. Наряду с невзрачным ассортиментом продуктовых товаров в них отпускалось бочковое пиво. Трубка с краником возвышалась над бочкой, а сбоку был прикреплен насос для подачи в бочку воздуха.

При легком нажатии на насос пиво поступало через открытый краник в подставляемую кружку. Еще в киоске находился чайник, в котором в холодное время подогревалось пиво на примусе, а позднее на электроплитке. Хозяин киоска знал вкус каждого своего покупателя и подавал пиво с индивидуальной температурой для каждого клиента. В народе каждый такой киоск имел свое название: «У Ханохи», «У Бродского», «У тети Паши», «У Сени» и т.д.

На углу с улицей Еленовской стоял дом № 62. Это был дом Шнаранта (фамилия бывшего хозяина). В нем торгаши снимали временное жилье.

Здесь заключались сделки при покупке-продаже оптовых партий товаров.

Всякого рода авантюристы останавливались в этом доме. Впоследствии слово «шнарант» (исконно киевское, как и слово «босяк») стало означать авантюриста, прохиндея, нечистого на руку дельца.

Когда дом Шнаранта сносили, рабочие обнаружили в подвале шкатулку с золотыми монетами.

В стенах дома находили тайники с деньгами, с расписками...

Вспоминается еще, что на Межигорской прямо из окон-прилавков продавалась газированная (зельтерская) вода с сиропом и без сиропа.

Другая сегодня Межигорская! Другие и люди! Раньше, несмотря на серые будни, радость и горе у людей были общие. Сейчас на лицах больше равнодушия, несмотря на внешне ставшую красочной жизнь, яркую рекламу и наполненные прилавки магазинов...

На Демиевке делали конфеты и устраивали выставки

В 1840 году в исторических документах появляется название – село Нижняя Лыбедь Демиевка. Эта местность (ныне жилой массив) расположена в Голосеевском районе Киева и еще со времен средневековья известна как Лыбедская земля, которая принадлежала Михайловскому Златоверхому монастырю. Она была получена от княгини Ирины (право на собственность подтверждено в 1576 году). В 1817 году фигурирует как поселение Верхняя Лыбедь, которое пребывало во владении Киево-Печерской лавры, и уже позднее – как два поселения: Верхняя Лыбедь и Нижняя Лыбедь, которая в 1840 г. впервые документально зафиксирована как село Нижняя Лыбедь Демиевка. С середины XIX века название Демиевка закрепляется уже за всей местностью.

В ту пору для въезда в Киев со стороны улицы Б. Васильковской приходилось останавливаться у шлагбаума, который находился в районе нынешней Бассарабки. Там проверяли паспорта приезжающих.

Хозяйственное развитие Демиевки началось с конца XIX – начала XX века.

В 1868 году здесь был сооружен сахаро-рафинадный завод, а в 1886 году основана кондитерская фабрика «Валентин Ефимов», на которой стали производить конфеты, карамель, мармелад, шоколад, пряники и т.д.

С начала XIX века на Демиевке работали небольшие пивоварни, а впоследствии здесь был построен мощный пивзавод Карла Шульца (сегодня это Киевский пивзавод № 1).

По описи 1900 года село Демиевка находилось в таких границах: с севера – земли селян, Киево-Печерской лавры и города Киева; с юга – земли Виты-Литовской, селян и Лавры; с запада – земли селян села Совки, населения Байковой горы и Лавры. Жили здесь в основном ремесленники и торговцы.

На Демиевке работало 115 лавок, 94 рундука, 2 шинка, 1 трактир, 2 погреба для продажи вина, 3 пивные, 4 казенных винных лавки, 6 постоянных дворов.

Кроме того, была одна чайная Товарищества народной трезвости и одна аптека.

Чтобы не сложилось впечатление, что здесь только пили и гуляли, сообщая, что работала 1 чугунолитейная мастерская, 3 кирпичных завода, 1 водяная мельница и множество мелких мастерских. Была также церковь и три еврейских молитвенных дома. И только после строительства железнодорожной станции Киев-II (теперь Киев-Московский) Демиевка постепенно превратилась в рабочий поселок.

Сталинка

С середины 1920-х и до начала 1960-х годов Демиевка имела официальное название Сталинка в честь «вождя народов». В течение 1958–1980 гг. была проведена капитальная ее реконструкция, ликвидирована большая часть исторической, преимущественно малоэтажной застройки. Сейчас здесь три многоэтажных жилых микрорайона. А остатки исторической застройки можно увидеть только на ул. Козацкой (между ул. Демиевской и переулком Майкопским), на проспекте Красноезвездном (по улице и переулку Балакирева и переулку Гулака-Артемовского), на улицах Фрометиевской и Ковельской и в начале Стратегического шоссе.

И все равно пожилые местные жители до сих пор с любовью вспоминают послевоенную Демиевку – дощатые домики, утопающие в пыльной сирени, огородики под окнами домов, белье, без стеснения вывешиваемое на всеобщее обозрение, сидящие здесь же на скамеечках жильцы...

Улица Красноармейская в то время изобиловала троллейбусными маршрутами: № 1 – площадь Сталина – клуб им. Фрунзе, № 11 – площадь Сталина – Ореховатские пруды, № 12 – площадь Сталина – Сельхозвыставка, № 10 – мост им. Патона – вокзал. Ходили на Сталинку и трамваи: с Контрактовой площади, с вокзала и Бес-сарабки. А от клуба им. Фрунзе ходили автобусы на Совки, в поселок Ширма, на Чапаевку, Пирогово, Корчеватое, Стратегическое шоссе.

Выставка

В 1958 году на Демиевке была торжественно открыта постоянно действующая Выставка достижений народного хозяйства УССР.

Расположившись на площади в 337 га, она представляла собой комплекс павильонов и открытых площадок для показа экспонатов с ресторанами, кинотеатром, гастрономом, универмагом, Зеленым театром, почтой, сберкассой и т.д. И уже в 1959 году здесь была организована Чехословацкая промышленная выставка. Своей неординарностью она произвела на киевлян неизгладимое впечатление. Это были не просто павильоны с экспонатами, а целый городок, куда входили луна-парк, рестораны и летние кафе с продуктами из Чехословакии, в том числе пивом, сосисками, специфическими солеными булочками. Булочки были такие вкусные, что мальчишки, перепрыгивая через ограждение летнего кафе, воровали их прямо со столов. Впрочем, без обиды со стороны чехословацких официантов, которые затем специально для детей приносили все новые и новые булочки...

При входе на выставку каждый посетитель получал значок и рекламные проспекты. Во множестве маленьких магазинчиков-лавочек продавались сладости, жвачки, культовые товары, бижутерия, парфюмерия и т.д. Поражало все: необычный вкус продуктов, оригинальность упаковки...

А в Луна-парке киевляне впервые увидели цепную карусель, пещеру ужасов, призовой тир. Еще в парке за 10 рублей можно было поучаствовать в необычном аттракционе: выбрать из связки ключ, которым можно было бы открыть новенький автомобиль «Шкода». В этом случае автомобиль должен был перейти в собственность игрока.

Не обходилось и без курьезов. Так, например, мой дядя, отведав пива, решил выразить благодарность чехословацкому бармену и сказал, подняв вверх большой палец правой руки: «Чешское пиво – это класс!». В ответ бармен покраснел, возмутился и рявкнул: «То не чешське пиво, то пиво словацьке!».

Теперь уже смутился мой дядя. Кто бы мог подумать, что для бармена-словака это так важно и невежество посетителей будет так оскорбительно!

Ну а мы, дети, тогда впервые слегка усомнились в том, что все мировое человечество непрерывно равняется на нас. Оказывается, за рубежом тоже неплохо работают и отдыхают...

Загадки Набережного шоссе

В 1845 году была проложена дорога вдоль Днепра, соединившая Подол с Цепным мостом, который располагался в то время в районе нынешнего моста Метро.

Мост для отдыха

В XIX веке эта береговая часть Днепра была совершенно неблагоустроенной. Застроена она была мелкими предприятиями, складскими помещениями. Хаотически разбросанные, они делали проезд тесным и неудобным. Вдобавок здесь проходила железнодорожная линия, соединявшая Подол с Дарницей. После постройки в начале шоссе гавани (1899 г.) отдельные участки берега привели в порядок.

В начале XX века набережная реки подверглась коренной реконструкции.

▲ Днепровская набережная в районе Почтовой площади

Большинство строений было снято, вдоль Днепра соорудили широкую трассу с причалами и Речным вокзалом. В период 1935–1938 гг. часть Набережного шоссе одели в гранит, установили чугунную ограду, проложили широкие лестницы к воде (проект архитектора В. А. Осьмака). Наконец, в начале 50-х годов шоссе заасфальтировали.

В 1957–1961 гг. на Почтовой площади был построен новый Речной вокзал, на четырех этажах которого расположились кассовый зал, камеры хранения, почта, телеграф, гостиница, ресторан и т.д.

С 70-х годов работы по укреплению берега гранитом были продолжены.

Настоящим украшением набережной является сегодня Пешеходный мост, соединивший город с Трухановым островом. Сооруженный в 1956–1957 гг. мост полностью избавил киевлян от трудностей переправы через Днепр на роскошные песчаные пляжи Труханова острова. Длина моста около 400 м, ширина – 7 м; он поднят

над уровнем реки на 26 м, что обеспечивает проход под ним судов даже в период наивысшего подъема воды.

Известно, что польский кинорежиссер Людвиг Перский, снимавший фильм о Киеве, любясь красивыми переплетами Пешеходного моста, сказал: «Всюду в мире строят мосты. Они служат для связи, транспорта, стратегических целей. Но тут я впервые вижу мост, наверное, единственный в мире, построенный для того, чтобы люди могли лучше отдыхать!».

Памятник двум датам

Недалеко от Почтовой площади у склонов Днепра виднеется 180-метровая колонна тосканского ордена, поставленная на пьедестал с двумя симметричными полуарками. Памятник сооружен в 1802–1804 гг. (архитектор А. И. Меленский) на средства жителей города. Среди киевлян и в литературе о Киеве он имеет два названия. Первое – памятник Магдебургскому праву, поскольку в свое время Киев входил в состав Великого княжества Литовского, и киевляне получили Магдебургское право – освобождение от юрисдикции киевского воеводы и самоуправление.

Второе название – памятник Крещения Руси. В этом месте в 988 году в устье речушки Почайны, протекавшей по Крещатикской долине, при княжении Владимира Святославовича произошло массовое крещение киевлян. По преданию, Владимир крестил здесь также двенадцать своих сыновей.

Среди них – будущего великого князя Ярослава Мудрого и будущих первых канонизированных святых Бориса и Глеба. Поэтому колонну еще называют «нижним памятником Владимиру».

Сегодня в этом месте немногочленно. Замирает душа от величественности происшедшего события. Простота вокруг. Только тишина. Думается о бессмысленности жизненной суеты, которой нет конца. Какие мы счастливые, что именно здесь находится это святое место!

Однако вернемся к набережной. Практически во всех городах мира набережные используются для массовых гуляний людей. Вдоль набережной располагают торговые точки, аттракционы, кафе и т.д. А вот киевляне по Набережному шоссе, одетому в гранит, в большинстве своем не гуляют!

Да и основные развлечения-искушения всегда находились на верху Днепровских склонов: «Чертовое колесо», танцплощадка «Жаба», «Містечко розваг» и т.д. Вниз, к набережной, народ не спускался. Загадка?! А может, эти святые места просто не любят излишнего шума, праздности, сквернословия...

Хотя и выхлопные газы оживленного шоссе, трамвайные линии, неосвещенные окна нежилых зданий у склонов тоже не способствуют лирическим прогулкам.

И все-таки здесь танцевали... Сразу после войны на Набережном шоссе рядом с Почтовой площадью находились Трамвайно-тролейбусное управление, Художественный фонд, хозяйственные помещения Водоканала и, наконец, так называемый клуб Водоканала.

▲ Памятник Магдебургскому праву. 1970-1980-е гг.

В дневное время здесь проводились совещания работников коммунальной сферы, работали музыкальные кружки, изостудия, городской кино клуб и т.д.

Перед входом, в скверике, народ отдыхал, играя в шахматы, домино. А вечером в этом 2-этажном деревянном клубе устраивались танцы. Они проводились ежедневно – в будни под радиолу, а в субботу и воскресенье – под духовой оркестр Днепровской флотилии. Музыканты были одеты в матросскую форму и начинали вечер всегда с исполнения «Севастопольского вальса». Репертуар был здесь – для души! Инструкций-циркуляров, что исполнять, как на других киевских танцплощадках, здесь никогда не было.

Мужчины в гимнастерках и галифе, женщины в крепдешиновых платьях в мелкий горошек – все шло сюда. Танцы были бесплатными, только иногда по выходным дням ставили стеклянную банку, куда бросали мелочь для оркестрантов – кто сколько может!

Однако клуб продержался не слишком долго, стал трещать и разваливаться, электропроводка начала гореть, и наконец, не без помощи предписаний противопожарных служб, клуб закрыли навсегда.

Новый год в Киеве конца пятидесятих...

Сталин и елка

В первые послереволюционные годы традиции устанавливать елки еще сохранялись в неприкосновенности. Однако в 1929 году с введением пятидневки Рождество стало обычным рабочим днем. При непосредственном участии Сталина елка и все связанные с ней традиции были не только отменены, но и запрещены как «поповские обычаи».

Наступил 1937 год. За новогодним столом на даче у Сталина собрались его ближайшие соратники. В разгар застолья Сталин неожиданно оторвал от газеты десять полосок, свернул их в козьи ножки (таких самокруток вождь искурил немало в турханской ссылке, до того как перешел на трубку) и подозвал своего секретаря Поскребышева. Тот по его просьбе растопырил пальцы, Сталин надел на каждый по бумажному фунтику, а затем их поджег.

Маленькие огоньки пламени напомнили ему, бывшему семинаристу, свечи на рождественской елке: «Красивый все-таки был обычай, товарищи, устанавливать и наряжать елку. Напрасно мы его запретили! Надо вернуть его народу. Пусть в каждом доме радуются и взрослые и дети»...

Соратники Сталина восприняли сказанное как приказ и в начале 1937 года создали специальную комиссию. Елку разрешили, однако на верхушке постановили укреплять красную звезду. Да и саму елку из рождественского дерева превратили в новогоднее...

Советские люди снова стали мерзнуть на елочных базарах в ожидании привоза елок, а затем радостно копаться в хвойных пирамидах, мужественно перенося уколы в лицо...

Здравствуй, Дедушка Мороз! Празднование Нового года с елкой, неизменными Дедом Морозом и Снегурочкой прочно укоренилось в послевоенном Киеве. И если родословная Деда Мороза длинная и запутанная, то Снегурочка – героиня народных славянских сказок, поэтический образ вылепленной из снега и ожившей девушки – был ближе и роднее.

В Киеве возобновилась традиция украшать огромной елкой главные площади города. Впервые такую елку установили правее здания филармонии на смотровой площадке (к ней вели широкие лестницы) с видом на площадь Сталина (которая, кстати, затем получила название площади Ленинского комсомола). Сейчас это Европейская площадь.

Рядом с елкой располагались сборные деревянные киоски, украшенные разноцветными гирляндами, в которых продавались елочные игрушки и другие новогодние подарки. Елки поменьше устанавливались и в других местах. Например, на Подоле елку устанавливали на месте нынешней автостанции «Подол».

Но вот детям того послевоенного времени больше всего запомнились празднования Нового года по пригласительным билетам в Октябрьском дворце культуры, клубе «Пищевик», районных домах пионеров и школьников, в заводских клубах и т.д. По-

чему? Да потому что тогда, в отличие от времен нынешних феерических и лазерных сценических шоу, в указанных помещениях перед представлением и после него устраивалось множество детских игр, соревнований, конкурсов... Победители получали подарки. В качестве ведущих этих игр на все время зимних каникул приглашались учителя киевских школ. Было настолько интересно и весело, что дети просто умоляли родителей достать еще одно «запрошення» на такую новогоднюю елку.

Нынешние новогодние представления, конечно, более эффектные, но и более «холодные», без индивидуального подхода к детям. А жаль...

Святки, Рождество, Крещение...

Как известно, во время святок – от Рождества до Крещения – открываются небесные врата и на землю спускаются ангелы. Они могут исполнить самые заветные желания, если их хорошо попросить. Вот и украшают пушистую ель игрушками, орехами, конфетами и т.д. Повисев на ели – эквиваленте райского дерева, съестные «игрушки» становятся целебными. Однако тут важно не переборщить с украшением елки – Бог богатства никогда не любил. Зеленая хвоя должна быть хорошо видна.

Послевоенные киевские дети украшали елки самодельными игрушками, сделанными из скорлупы яиц, орехов или просто вешали конфеты... Заканчивается первая неделя января праздником Рождества. «Тихая ночь, дивная ночь» как бы подводит итоги прожитому году, завершает рождественский пост и открывает новогодние празднества – святки.

Эти дни ходят по домам, поют колядки, проводят посиделки, гадают... По традиции, исполнители колядок требуют плату и угощение. Заканчиваются святки Иорданью – водосвятием на Крещение (19 января). В эту ночь Богоявления небо полностью открывается, и о чем открытому небу помолишься, то и сбудется! Самый верный способ быть счастливым всю жизнь – креститься на Крещение. И испросить благополучия вы также сможете, если в Крещение искупаетесь в проруби. Боязно? Тогда хотя бы обрызгайтесь! Потом наберите воды и несите ее домой. Этой святой воде вы не раз скажете спасибо, когда понадобится избавиться от болезни, злобы, нечисти. Еще народ подмечал, что если на Рождество выпал снег – год будет урожайным. Если метель – пчелы хорошо роиться будут. Кстати, наиболее удачные договора заключаются в период от Рождества до Масленицы.

Киев – Оболонь

Иногда я смотрю кинокартины, виденные в детстве. Очень хочется вернуть ощущения того времени! Но удивительно другое – я замечаю, что не слежу за игрой актеров, развитием сюжета. Я вглядываюсь в улицы, дома, лица людей. Я вслушиваюсь в их манеру разговора, изучаю прически того времени и одежду...

Клод Руа однажды сказал: «Лучше всех те путешествия, которые совершаешь трижды. Первый раз – когда о них мечтаешь, второй раз – когда их совершаешь, и третий раз – когда о них вспоминаешь». Возвращаясь мысленно в прошлое, в котором был

▲ Площадь на пересечении проспекта Героев Днепра и
улицы Маршала Малиновского. 1991 г.

моложе и здоровее, так хочется совершить туда путешествие на машине времени хотя бы на очень короткий миг!

Послевоенный Киев

Когда я родился, моя семья жила на улице Саксаганского, в доме номер 66. В одной комнате большой многосемейной коммунальной квартиры жили мои дедушка с бабушкой – родители матери, а также мои папа с мамой и два маминых брата с женами. Спали на полу...

Сейчас мы с ужасом вспоминаем коммунальные квартиры, в которых жили по 5-6 семей. Однако там каждая семья имела свою комнату. А мои родители жили в 1948–1951 гг. в комнате, где жили еще три семьи, пусть даже и родственников!

Вот почему когда в 1951 году отец получил ордер на одну комнатку площадью девять квадратных метров в коммунальной квартире на Подоле, счастью родителей не было предела! Мы втроем переехали жить на Подол.

А в 1953 году мой дядя Алексей с женой тетей Ларисой и их дочкой Наташей – моей двоюродной сестрой тоже получили одну комнату площадью около десяти квадратных метров в коммунальной квартире по Старозабарскому переулку (нынешняя улица Полупанова). Дядя работал литейщиком на заводе «Ленинская кузница». И этот завод построил жилые трехэтажные дома для своих рабочих-передовиков

в районе киевской Приорки по Старозабарскому переулку. Сейчас эти дома по-прежнему можно увидеть в начале Оболони.

Хорошо помню, как в детстве я сначала с родителями, а потом и сам часто приезжал в гости к дяде Алексею. Ехал с Подола трамваем по улице Фрунзе, а затем Автозаводской до самого Старозабарского переулка мимо множества маленьких домиков с подслеповатыми окнами, мимо мелких заводиков и фабрик. Грязь и неустроенность были очевидны. Жалкие лачуги, гуляющие без присмотра дети...

Несколько еще дохрущевских трехэтажек по Старозабарскому переулку хорошо смотрелись среди маленьких домиков с геранью в окнах и садиками с укропом и мятой. Помню орех, который протянул свои ветки через дорогу, слышу лай собак, визг поросят. Вижу множество коз, шаткие заборы, кривые ворота. Голубятни с воркующими голубями, деревянные фонарные столбы. Во дворе – газета «За здоровый быт» и вырезки из «Огонька»... Места здесь были скучные, пыльные и всеми забытые. Пожалуй, только звон проезжающего трамвая вносил какое-то оживление.

Однако при взгляде с третьего этажа на синие оболонские просторы уже тогда щемило сердце... Туда уходили улочки Дачная, Луговая, Вербовая.

Там, за «полями орошения», и находилось это огромное таинственное пространство со множеством заливов и озер... Воздух, насыщенный настоем трав, был пронзительным и одновременно каким-то мягким, облегчающим дыхание.

Маленькие дети, мы боялись далеко уходить от жилья, но жужжанье пчел, стрекоз, цикад, подрагивающие бессмертники, дикие бальзамины, ромашки и лесные купавы звали нас к себе. Что же там, дальше, за непроходимыми зарослями, кочками, болотами? О том, что впереди поляна, мы узнавали по благоуханию свежескошенной травы и папоротника. Дуновение ветра доносило до нас запах прибрежных топей и Днепра. Болота дышали запахом мокрого мха, черных коряг. Тропинки здесь были километрами тишины и безветрия. Какое это было буйство красок природы и ее запахов!

А вот маленькие домики рыбаков, болота и озера, в которых хорошо ловится рыба. Берега, заросшие осокой и камышом, листья кувшинок на темной воде.

От реки тянуло сыростью, но хорошо дышалось пряной густой влажностью луговой земли. А как манили нас многочисленные песчаные косы у высоких берегов реки! Часами загорали мы на берегу, не замечая жаркого солнца, припекавшего затылки...

В исторических летописях эта местность с днепровскими сенокосными лугами, с заливами и озерами упоминается с 1096 года, когда хан Боняк напал на Киев.

Во все времена на Оболони происходили битвы с врагами Киева или междоусобные схватки великих князей. Еще в дохристианский период, во времена идолопоклонства киевлян, среди лугов стояли истуканы Волоса, а вокруг них паслись стада.

Ежегодные разливы Днепра препятствовали постройке в этой местности больших зданий. Проживали тут в основном беднота и казаки. А уже позднее эти места заселили мещане. На приусадебных участках они выращивали овощи и фрукты, превратив этот район в своеобразного поставщика на киевские рынки фруктов, ягод, овощей и прочего.

И снова я вижу те далекие пятидесятые годы и киевскую окраину – начало нынешней Оболони, тощие деревца, огороды под окнами трехэтажек Старозабарского переулка... Вспоминаю мою бедную маму, которой после смерти отца пришлось растить меня одной, экономить на всем и покупать мне вещи подешевле и на вырост. И я любил и продолжаю любить тех людей, переживших голод, войну и другие лихолетья, однако читавших книги, посещавших музеи и театры и всерьез думавших о смысле жизни.

Пасха в послевоенном Киеве

После 1917 года праздник Светлого Христова Воскресения стал враждебным социализму пережитком прошлого. И только в конце 50-х годов во время так называемой «хрущевской оттепели» религиозные праздники кое-как стали адаптироваться к условиям «социалистической действительности». В чем это выражалось?

Например, в период с 1929 по 1941 г. во Владимирском соборе не только молились Богу, но и размещался Музей антирелигиозной пропаганды. В годы оккупации в храме музей выставили и возобновились службы, но сразу после войны прекратились. Во времена правления Хрущева послевоенная ситуация восстановилась: по утрам и вечерам в храме проходили богослужения, а днем собор вновь превращался в упомянутый музей, по которому экскурсоводы вели посетителей. И все равно это было лучше, чем превращение церквей в склады. В одной из таких церквей – Николы Притиска на Подоле – мы, школьники, получали учебники и тетради.

Быть замеченным в то время на Пасху в церкви означало сорвать свое продвижение по службе, комсомольской и партийной линии. Простому люду было легче – терять было нечего! Народ выпекал пасхальные куличи, красил яйца... А мы, дети, очень любили играть в «цоканье» – битье пасхальных яиц.

Тот, кому удавалось разбить яйцо соперника, забирал его себе. В первое воскресенье после Пасхи все киевляне (верующие и неверующие) посещали могилы предков, на которых проводились как гражданские, так и церковные панихиды.

Наконец, после многолетнего господства воинствующего атеизма в 1990 году решением Верховной Рады Украины Пасха, Рождество и Троица были провозглашены официальными праздниками в Украине.

Тайны подольских двориков

После войны. Раньше двор в жизни людей значил куда больше, чем теперь. Двор был как бы продолжением квартиры и принадлежал тем, кто жил в придворовых домах. Особенно остро чувствовали это дети. К сверстникам, жившим не в этом дворе, местные относились настороженно и даже враждебно. Сейчас дворы утратили свою автономность, их поглотила улица.

▲ Подольский дворик

Они заасфальтированы, приведены в надлежащий вид. В них расположены офисы фирм, множество всяких организаций. Дворы доступны, хорошо освещены и прибраны от мусора. А вот в то далекое послевоенное время подольские дворики, в особенности вблизи Житнего рынка, тонули в грязи, несмотря на каждодневное шарканье дворничьих метел.

Вспоминаются ветхие строения из кирпича и дерева, дровяные сараи, голубятни, бельевые веревки... На вторые этажи бревенчатых домов вели скрипучие лестницы с расшатанными ступенями и хлипкими перилами.

До 1948 года не было природного газа, и квартиры отапливались дровами, углем, хранившимися в дровяных сараях. Еду готовили на примусах, доливая в него керосин и бережно покачивая, пока он не разгорится. С вводом газопровода Дашава – Киев жизнь преобразилась. Но дворики при базарных улочках (Олеговской, Глубочицкой, Ладоевской, Ярославской, Нижнего Валу, Фруктового переулка), расположенных вблизи подольских гор, не менялись. Как сейчас вижу

потоки слепящего солнца, освещающие дворовые бараки... Среди репейника, крапивы и лопухов бродят сонные куры. Лениво колышется на веревках белье, обдуваемое сухим, горячим ветром. Воркуют голуби, звенят осы и пахнет сиренью. Во дворах – клены, липы, акации, на клумбах – маргаритки, незабудки, гвоздика...

Тайны истории

При проведении земляных работ во время строительства крытого Житнего рынка нашли старинные деревянные водопроводные трубы. Это были остатки старинной системы водоснабжения известной с XVIII столетия.

Найденные трубы выдолблены и высверлены в толстых длинных сосновых колодах диаметром 35–40 см. Причем размер выдолбленного канала, по которому проходила вода, 10–11 см, а толщина стенок труб – 12–15 см.

Интересно, что направлены трубы к нынешней Контрактовой площади, где раньше стоял дом Магистрата – центра киевского городского самоуправления.

Техника такой системы водоснабжения была несложной. Воду брали из источников под горой на старом Подоле. На Контрактовой площади напротив ратуши был огромный колодец, от которого вода расходилась в приусадебные участки разных мест Подола, для чего и использовали деревянные трубы. Водопровод этот в XVIII веке соорудил Григорович-Барский – выдающийся архитектор тех времен.

Чугунные трубы появились в Киеве только во второй половине XIX века.

При раскопках одновременно были обнаружены и остатки деревянных мостков, покрывавших улицы. Найденны были и остатки круглых сосновых плах диаметром 18–20 см. Поверх таких плах настилались доски. Плахи плотно лежали по косой к Борисоглебской улице, указывая тем самым на другое, по сравнению с нынешним, направление улиц старого Подола.

Неприятной особенностью такой мостовой было то, что она горела во время пожаров. В 1811 году во время крупнейшего пожара на Подоле вместе с деревянными домами сгорела и эта мостовая. Далеко не все тайны Подола сегодня раскрыты!

Так, у подножья горы Щекавица, в Цимлянском переулке, при сносе одной из усадеб был найден склеп с четырьмястами человеческими скелетами – вероятно, со времен опустошения этой местности Менгли-Гиреем.

Где-то в этих местах спрятаны не найденные до сих пор сказочные богатства гетмана Мазепы... И в настоящее время здесь находят клады. В стене снесенного дома по упомянутому Цимлянскому переулку найдена жестяная баночка, битком набитая серебряными полтинниками, выпущенными в 1925 году.

Вокруг базара

Какие же тайны скрывали эти послевоенные дворики с дровяными сараями и ужасным букетом запахов жареной картошки, непроветренных постелей, прогорклого пива и помоев?

Сюда после захода солнца стекались люди так называемого «дна»: алкаши, блатные, залетные воры, картежники, аферисты, фармазонщики и всякого рода «деловые люди», которых не смущали крепкие запахи.

В то далекое послевоенное время страна медленно приходила в себя. Не хватало жилья для возвращающихся фронтовиков и беженцев. Не хватало рабочих рук для восстановления фабрик и заводов. Но уголовный мир работать не хотел... Здесь, в квартирах этих так называемых «босаяцких домов», где жили самогонщики, проститутки и сутенеры, обосновались места воровских малин, бандитских стрелок и сходок. Здесь заключались сделки, договаривались о проведении грабежей и краж. Вблизи находящихся рядом горок собирались группы ребят, которые играли в карты, пели блатные песни...

В такие компании просачивались настоящие блатные, ведь откуда-то нужно было черпать кадры будущих хулиганов. Неверно мнение, что уголовный мир – замкнутый мир со своими авторитетами, ворами в законе и сложной структурой. Наоборот, он всегда был в гуще событий, не чуждый своеобразной поэзии и любви. Во всяком случае, певцы в кепках с малыми козырьками часто довольно талантливо исполняли задушевные песни...

И вот к молодежи «присылали» опытных агитаторов. Проиграв в карты, пацаны становились в блатном мире «шестерками» – рабами своего господина, пока не отдадут долг или не отыграются. И то и другое сделать было практически невозможно. Сначала они из погребов воровали соленые огурцы, капусту и маринованные грибы, а потом шли и на более крупные «дела».

А страна постепенно восстанавливалась. Киевский завод радиоаппаратуры наладил выпуск телевизоров КВН-49 с толстой, заполненной глицерином линзой. Артели «Победа» и «Детский мир» стали выпускать детские игрушки: деревянные пирамидки, железные машинки. В продаже появились пластинки Гелены Великановой, Тамары Миансаровой и других популярных в то время исполнителей. Женщины стали надевать крепдешиновые платья в мелкий горошек и белые лаковые босоножки, приводя в волнение мужчин...

Жить стало веселей даже на пропахшей таранкой базарной площади, уставшей от говора биндюжников с Глубочицы.

Сегодня, слава Богу, то далекое время разрухи, нищеты и блатных «малин» вспоминается как кошмарный сон из детства, которое все равно было прекрасным.

Зимний отдых в Пуще-Водице

Более 100 лет тому назад в Пуще-Водице были построены первые лечебные санатории – противотуберкулезный и общесоматический. Сейчас здесь более 50 санаториев, профилакториев, домов отдыха, пансионатов, турбаз, детских оздоровительных лагерей и т.д.

История курорта. Киев всегда славился своими парками и зелеными зонами. Но, вероятно, самый живописный уголок города – Пуща-Водица, замыкающая зеленое

кольцо лесов вокруг Киева с северо-западной стороны. Свое название эта местность получила от слова «пуща», т.е. густой непроходимый лес, и «водица» – небольшая речушка. С XI века местность известна как «места княжеской охоты». А в 1724 году здесь было создано лесное хозяйство.

В 1890-х годах Городская дума основала здесь дачный поселок. Пуща-Водица сообщается с городом трамвайной линией, проложенной в 1904 году – 100 лет тому назад! 12 октября 1923 года решением Совнаркома УССР Пуща-Водица вошла в городскую черту.

Лес в Пуще приобрел характер природного парка. Природа создала здесь просто прекрасные условия для отдыха. Это признанный климатический курорт, который с каждым годом приобретает все большую популярность.

Высокую оценку лечебным свойствам массива дали выдающиеся отечественные медики – академики Ф. Г. Яновский и Н. Д. Стражеско. Воздух здесь буквально насыщен кислородом, озоном, животворно действующими на организм человека. Пуща-Водица – это гигантский нерукотворный ингаляторий. Среднегодовая температура здесь – +7 градусов. Более 150 дней в году – солнечные.

В 1982 году здесь построен госпиталь для инвалидов войны на 500 коек. Отдыхать и лечиться здесь можно и летом, и зимой. Из-под земли бьют ключи, и многие киевляне специально приезжают сюда за целебной родниковой водой. Например, один из таких источников на 14-й линии зовется «От Миколайчика». Местные жители готовят пищу на такой ключевой воде.

В свое время красотой Пущи-Водицы любовались Т. Г. Шевченко, Н. В. Гоголь, Л. Н. Толстой... Рисовали ее художники И. С. Ижакевич, Ф. З. Коновалюк. Великолепные ее пейзажи можно увидеть во многих кинофильмах, например, в «Педагогической поэме», «Драгоценном подарке» и других.

Лыжные прогулки

В качестве курорта общесоюзного значения Пуща-Водица начала функционировать во времена Советского Союза. Однако следует отметить, что Пуще-Водицкий парк, расположенный на 5-й линии, привлекал к себе не только отдыхающих, пациентов санаториев и диспансеров, но и многих киевлян, которые с удовольствием проводили здесь не только выходные дни, но и время отпусков. В парке работали городок аттракционов для взрослых и детей, танцплощадка, библиотека, бильярдная, летняя эстрада, буфет, столы для настольного тенниса, водная станция, которая в зимнее время превращалась в пункт проката лыж и санок.

Вдоль аллеи стояли стационарные скамейки с выгнутыми спинками, удачно были расположены скульптурные композиции пионеров, спортсменов с веслами, медведей...

В чудесные снежные зимние дни сотни киевлян направлялись на лыжную базу этого парка, а также на многие другие расположенные здесь базы киевских предприятий. И хотя лыжи были без ботинок и жестких креплений и надевались прямо на обувь, никто из прибывших не жаловался на качество инвентаря. Да и хороших спортивных костюмов народ в то время не имел.

Брюки, свитер, пиджак, на горле кашне – вот и вся экипировка! Как подметила писательница Виктория Токарева: «Народ на лыжне напоминал пленных немцев во время войны».

И вот, наконец, зимний лес и лыжня! Небольшой порывистый ветерок со снежинками в воздухе, тишина. Лыжники углубляются в лес, с ветерком спускаются с укатанных горок... А вокруг прекрасный лес Пущи-Водицы, который не полюбить просто нельзя! Тем более что ничто лучше не успокаивает нервную систему, чем здешние зимние запахи елки и сосны.

Из жизни отдыхающих...

В Пущу-Водицу по дешевым профсоюзным путевкам круглый год приезжали отдыхать трудящиеся со всего бывшего Советского Союза. Передовики производства, победители социалистических соревнований, ударники коммунистического труда и просто работники, сумевшие приобрести заветную путевку, знакомились здесь друг с другом и объединялись уже в коллективы отдыхающих.

Даже по улочкам и просекам Пущи ходили коллективно по 15–20 человек с массовиком-затейником впереди, хором исполняя при этом популярные в то время песни.

Кстати, сама программа пребывания в Доме отдыха была настолько насыщена мероприятиями (лыжные прогулки, библиотека, бильярдная, кинозал, танцы, настольный теннис), что на скуку времени просто не оставалось. Кинозалы были в каждой здравнице общесоюзного масштаба.

Вечера здесь посвящались «важнейшему их всех видов искусств» – крутили «Сердца четырех», «Иван Бровкин», «Моя любовь» и т.д. Колоссальный оптимизм и надежды вселяли в людей эти киноленты, заставляя забывать о неурядицах жизни и верить в светлое завтра.

Нельзя не сказать об общении людей. В то время было совсем мало навязчивой внешней информации, зато сколько личных впечатлений и встреч! Сейчас поощряется не общение, а крайний индивидуализм. Насколько это лучше или хуже, кто даст ответ? Может, и впрямь, если все время двигаться вместе со всеми, то никого никогда не обогнать?

Рассказ о простой улице

Пройдя сегодня метров пятьдесят по Ярославской от автостанции «Подол» в сторону набережной Днепра, вы попадете в начало моей родной улицы – Фрунзе. Переехала моя семья на улицу Фрунзе, в дом № 17 (фасад его выходит в Цимлянский переулок), когда мне было всего три года. И хотя родился я не там, но место, где сформировался как личность, где жили близкие тебе люди, где было очень хорошо, – это настоящая малая родина!

Правильно сказал Фатьянов в стихах к песне из кинофильма «Весна на Заречной улице»:

*На свете много улиц славных,
Но не сменяю адрес я.
В моей судьбе ты стала главной,
Родная улица моя!*

Если сегодня пройти по улице Фрунзе в сторону Куреневки, то уже первый квартал (с нечетными номерами домов) вызывает отчуждение у подолян, чье детство пришлось на послевоенные годы. Теперь это не их родной Подол!

Новые кирпичные здания в стиле классицизма, перила, решетки, выступающие на тротуар крыльца... Все это больше похоже на Англию, но где же теплота, уют и шарм старого киевского Подола? Ведь раньше здесь стояли двухэтажные дома Николаевской эпохи, окрашенные в канареечно-желтый цвет или просто беленые известкой. Маленькие арки вели в немощенные дворы с пышными палисадниками и неизменной сиренью...

В конце первого квартала видим с четной стороны рядом со школой № 17 то, что осталось от трапезной церкви Константина и Елены, – первый ярус трехъярусной колокольни, восстановленной в 1734 году во времена правления бургомистра Г. Минцевича. Фасад бывшей трапезной украшен пилястрами и сочной лепкой. Церковь была восстановлена на месте прежней, деревянной, которая сгорела в 1726 году. Церковь Константина и Елены пережила много событий в истории Киева, бесчисленные оккупации, а в 1959 году, во времена правления Хрущева, была закрыта и фактически уничтожена. Но самое кощунственное – то, что ее переоборудовали в школьный спортивный зал! Не раз, кстати, замечали, что во время занятий физкультурой в этом «спортзале» дети часто ломали себе руки и ноги.

В конце квартала к улице Фрунзе примыкает длиннющее взгорье, которое будет сопровождать ее до самой Куреневки. В давние времена взгорье было усеяно пещерами и земляными жилищами человека, появившегося здесь в послеледниковую эпоху, когда север страны находился еще подо льдами. Эти прочные и сухие жилища затем были разграблены кладоискателями. Кстати, в недавнее время в этих пещерах искали богатства гетмана Мазепы.

К сожалению, «благодаря» этим кладоискателям пропало много памятков так называемой Мадленской эпохи (современной мамонту). И только небольшую часть находок, добытых здесь исследователями, можно увидеть сегодня в Киевском историческом музее.

Тут, наверно, самое время вернуться к предыдущему названию улицы Фрунзе – Кирилловская. В памяти народа Кирилловская улица и ее пещеры – это места подвигов подвижника Кирилла, а также богатыря Кирилла Кожемяки, который постоянно поджидал в этих местах врагов древнего Киева, олицетворяя богатырскую бдительность и усилия по защите города.

В конце улицы расположилась местность Дорогожичи, т.к. в былые времена здесь сходились несколько путей, ведущих к Киеву. Эти места былых сражений политы кровью и связаны со множеством жертв. Для того, кто овладевал Дорогожичами,

путь к Подолу был открыт. В 1140 году правивший тогда Киевом князь Всеволод II Ольгович построил в этом месте Кирилловский монастырь.

Двигаясь дальше по улице, видим множество знакомых с детства названий улиц, берущих свое начало от улицы Фрунзе или пересекающих ее. Например – Юрковская, проходящая по месту бывшего ручья Юрковицы.

Или Оболонская, получившая свое название от местности Оболонь (Болонь), упоминающаяся еще в 1096 году по случаю нападения на Киев хана Боняка.

Чуть далее – Мыльный переулок, названный так в честь находящегося здесь мыловаренного завода. Вблизи Юрковской находится центр по производству кирпича, изготавливавшегося в Киеве с давних пор. Это кирпич желтовато-белого цвета, он характерен для многих киевских домов. Рядом расположена самая старая в Киеве заводская труба завода солодовых концентратов.

С XVII века по улице проходит путь, связывающий Подол с пригородными селами и поселками – Куреневкой, Приоркой, Вышгородом. Сначала улица называлась Плоской, и только в 1869 году ее переименовали в Кирилловскую (от названия церкви).

Нынешнее свое название улица получила в 1939 году в честь Михаила Васильевича Фрунзе (1885–1925), профессионального революционера и военного деятеля. В 1921 году он командовал войсками Красной Армии в Украине, в частности в Крыму. Бывал в Киеве, где выступал на заседаниях горсовета и встречался с рабочими на киевских заводах.

На улице Фрунзе расположено много промышленных предприятий и учреждений. Вот они, знакомые с детских лет названия, которые видел, проезжая по улице на трамвае: комбикормовый завод, завод молочной кислоты, завод «Эталон», пивоваренный завод № 2, комбинат асбоцементных изделий, фабрика художественной галантереи, химико-фармацевтический завод им. Ломоносова, хлебозавод № 7, стадион «Спартак», психиатрическая больница им. Павлова и многие другие.

Вспоминая улицу в послевоенные годы, не обойтись без упоминания о двухместных деревянных сапожных будках, примыкавших к подворотням, керосиновых лавках, существование которых в связи с наступившей всеобщей газификацией оказалось недолгим, продовольственных киосках на каждом углу, где можно было купить вкусное драже «Крокет» по пять копеек за огромную горошину из раскрытого картонного коробка. Здесь же предлагалось на разлив бочковое пиво, плавленые сырки на закуску и другие незамысловатые продукты питания.

Всплывают в памяти маленькие парикмахерские с застекленными витринами, в которых красуются фотопортреты улыбающихся красивых женщин с легкомысленным перманентом и снимки суровых мужчин с короткими стрижками «под бокс», усиленно смазанными бриолином.

Подольне-старожилы, наверное, помнят и гастроном со специфическим народным названием «Аполлоник», который находился на углу улиц Фрунзе и Юрковской, где продавали сок из конусообразных сосудов с маленькими бронзовыми краниками. То было время, когда в кондитерских отделах можно было купить настоящие шоколадные (а не соевые) конфеты: «Мишка», «Белочка», «Красный мак», «Кара-

Кум», «Лісова пісня». В 80-х годах с конфетами стало хуже, а в магазинах появились совершенно невкусные виды печенья – «Целинное» или «Старт».

Улица времен моего киевского послевоенного детства... Она и сейчас для меня теплая, уютная, домашняя. Любопытно, что и сейчас, через полвека, по улице Фрунзе ходят трамваи с теми же номерами: 11, 12, 19. Сейчас то время называют периодом застоя, скуки, тоски...

Да, по телевизору «КВН-49» с толстой, заполненной глицерином линзой, почти нечего было смотреть, кроме «Голубого огонька» и «Клуба кинопутешественников». Однако тогда люди в большей мере, чем сейчас, жили душой, сердцем, внутренней культурой и не считали, что деньги в жизни решают все.

Не поняв того, что было, не поймешь и того, что есть. Простая киевская улица, не раз менявшая свое название в результате зигзагов политики... Она наполнена воспоминаниями о своем детстве людей разных поколений.

А у каждого времени – свои приметы, свои созвучия, свои неповторимые мысли и краски эпохи...

Старый трамвай

Однажды я побывал в гостях у человека, который является специалистом по истории трамваев в Киеве и других украинских городах. Слава Богу, что есть такой человек! Признаюсь, даже не ожидал, что такое сильное впечатление произведут на меня фотографии трамваев на киевских улицах пятидесятих годов прошлого века – времени моего детства!

Вот они, милые трамвайчики моих счастливых юных лет с суховатым названием: трамвайные поезда из вагонов КТМ и КТП, трамваи КТВ, а затем трамвайные поезда КТВ/КТП.

В 1951 году в 3-х летнем возрасте меня водили в детский сад, который находился в верхней части улицы Тарасовской, во внутреннем дворе вблизи пожарной части. Каждое утро мама привозила меня с Подола трамваем маршрута № 9 в садик, а сама спускалась вниз по Тарасовской к себе на работу. Вечером мы пустились в обратный путь. Сидя в трамвае на маминых коленях, я изучал арифметику по номерам на табличках домов, мимо которых проезжал. Уже позднее я узнал историю этих зданий.

В конце XIX – начале XX веков, в период бурного развития капитализма, на центральных улицах Киева, в том числе и на улице Саксаганского, появились многоэтажные престижные доходные дома с декоративным оформлением фасадов: различными панно, барельефами и горельефами, оштукатуренными кирпичными стенами, разной формы балконами, лепными украшениями. Дома эти строились для состоятельных заказчиков, о чем свидетельствовало не только наружное, но и внутреннее оформление – огромные размеры квартир, высокие потолки, дифференциация функций помещений: кабинет, гостиная, столовая, спальня, будуар,

гардеробная, детская, кухня, комната для прислуги. В парадных комнатах имелись эркеры и балконы, формирующие ассиметричные композиции фасадов.

Специфика рельефа улицы (например, уклон) обусловила появление цокольных этажей для торговых точек и служебных помещений.

Прошедшие годы не тронули монументальной красоты этих зданий.

Маленьким мальчиком, глядя на них снизу вверх, я чувствовал себя подавленным изысканностью их холодных форм, таинственностью и неприступностью. «Что скрывается за этими стенами? – думал я. – Какие люди живут в домах, на фасадах которых висят мраморные мемориальные доски с фамилиями знаменитых в прошлом артистов, художников, ученых? Какие тайны хранятся за высокими арками дворовых проездов и коваными решетками ворот?»

Но вот трамвай пересекал широкую площадь Победы (бывший Еврейский базар, в просторечии Евбаз) и въезжал на улицу Менжинского (ныне Дмитриевская). Слева по ходу его движения в угловом двухэтажном здании находился гастрончик, который в народе называли «босяцким» вплоть до его закрытия в 80-х годах. Думаю, что название это связано было с тем, что магазин находился в непосредственной близости от Евбазы, а вблизи базара кого только не встретишь... Улица Менжинского, по которой трамвай следовал до Лукьяновки, была достаточно красивая, однако уже не такая шикарная, как Саксаганского. Дома здесь были преимущественно двух-трехэтажные, большинство из них – типичные постройки конца XIX века. Стены фасадов оформлялись пилястрами с рустовкой, в интерьере многих зданий использовалось художественное литье. Оригинальными были рисунки оград, детали ворот и калиток. Однако стены были не окрашены, входные двери подъездов потемнели от времени и потрескались. Материал стен – почерневший с годами киевский кирпич. Чувствовалось, что эта часть города строилась для менее зажиточных людей.

Наконец трамвай доезжал до Лукьяновки и мимо кинотеатра «Коммунар» спускался на улицу Глубочицкую, по которой следовал до начала улиц Верхний Вал – Нижний Вал, т.е. уже непосредственно до Подола.

А за окном трамвая все резко менялось. Появлялись старые, преимущественно двухэтажные, деревянные оштукатуренные дома, на стенах которых отчетливо виднелись прогнившие старые бревна, залатанные кусками фанеры и полосками жести. Вид у них был обшарпанный, заброшенный и неухоженный. Булыжная мостовая. Вокруг домов – репейник, крапива, лопухи и подорожник. Воню тянуло из грязных дворов, в которых сквозь арки подворотен просматривались некрашенные дощатые сараи.

Вблизи горы Щекавица (слева по ходу движения трамвая) возникал целый городок трущоб, прилепившихся к откосам оврагов, с голубятнями и верандами, с развешанными простынями и одеялами, с собаками и петухами.

Мелькали своими некрашеными заборами и проходными с вертушками многочисленные подольские послевоенные заводи (например, «Метиз»), артели «Борец», «Вперед», «Большевик». Чтобы полнее представить себе вид за окном, надо добавить обилие уныло-призывных партийных лозунгов. Кстати, в более

- ▲ Первый вагон электрического трамвая на Александровском спуске. 1892 г.
- ▼ Трехвагонный трамвайный поезд маршрута № 12 и его бригада

респектабельной части города таких лозунгов встречалось гораздо меньше. По-видимому, одной из их задач в этой части города было несколько замаскировать грязь и скрасить тоску.

Почему-то запомнились мне красочные щиты, стоявшие друг за другом через каждые десять метров, на которых стрелкой вверх показывалось увеличение по годам производства в нашей стране мяса, сахара, нефти, газа, стали и т.д. и т.п. Где-то на подходе к восьмидесятым годам стрелки поднимались в заоблачные выси. «Какая же потрясающая жизнь в полном изобилии материальных благ настанет в нашей стране!» – думал я.

А вот появлялось кирпичное здание, больше похожее на военный завод, с надписью: «Фабрика игрушек «Победа». Что за игрушки там выпускали, я так и не знаю до сих пор. Кондуктор объявлял остановки: Соляная, Кудрявский спуск, Новая и, наконец, Смирнова-Ласточкина – рядом с одноименной круто поднимающейся в гору улицей. Слева от начала подъема находилась «Пельменная», в которой всегда пахло чем-то тухлым, толкались в очереди работяги вперемишку с ворьем, жуликами и спекулянтами, стоял мат-перемат в густом облаке пьяного дыхания людей, распивавших «Біле міцне» по 1 руб. 22 коп. или «Плодово-ягодное» за 1 руб. 02 коп. «Дорогой» портвейн «Таврический» за 3 руб. 27 коп. здесь просто не продавался. И наконец, сразу от «Пельменной» трамвай сворачивал на улицу Верхний Вал – Нижний Вал, две части которой разделял сквер со скамейками.

Через двести метров сквер упирался в «Колос» – один из четырех кинотеатров («Жовтень», «Колос», «Буревестник» и клуба «Пишевик»), функционировавших в то время на Подоле. Он был самым неудобным из всех, лишенным самых элементарных удобств, но что было делать? Фильмы в то время шли в кинотеатрах по неделям. В «Жовтне» картина уже была просмотрена, а «кина» так хотелось еще, ведь развлечений в то время было ох как мало!

Построенный в 1930 году отдельно стоящий кирпичный кинотеатр «Жовтень» был несравнимо шикарнее. Чего стоили хотя бы выступления самодеятельных оркестров в фойе перед началом сеансов! В этот кинотеатр шли как на праздник. Здесь не только погружались в экранный мир грез, уводящий людей от унылого бытия, но и знакомились, общались, «показывали себя».

Кинотеатр «Буревестник», который находился на улице Жданова, был также построен еще до войны. Ранее это был магазин, встроенный в жилой дом. Затем магазин закрыли, сделали перепланировку, устроили фойе, кассы и зал на пятьдесят мест. Но прославился на весь Киев этот кинотеатр тем, что стал кинотеатром без контролера! Зрители сами отрывали от своего билета «контроль», бросали в специальную урну и проходили в кинотеатр.

Все киевские газеты написали об этом новшестве как о новом шаге советских людей от одной победы к другой.

Наверное, больше всего поразились такому нововведению мы, мальчишки! Это ломало все наши связанные с риском и страхом отработанные схемы безбилетного проникновения в зрительный зал! Думаю, что это новшество с отсутствием контролера объяснялось очень просто – кинотеатр был настолько мал (50 мест), а запол-

няемость его была так высока, что прошедшему без билета человеку просто негде было сесть, и он выявлялся как позорный безбилетник.

И наконец, четвертый подольский кинотеатр находился в клубе работников пищевой промышленности. Построенный в 1930 году архитектором Н. А. Шехониным, он имел театральный зал на 800 мест, кинозал на 200 мест, библиотеку, а также круглый зал, предназначенный, согласно проекту, для клубной работы, а фактически используемый как танцплощадка для тех, «кому за тридцать».

Несколько слов о библиотеке. Записывали туда только работников пищевой промышленности. Где-то в семидесятых годах я, не имеющий никакого отношения к данной промышленности, пришел записаться в эту библиотеку, и когда библиотекарша меня спросила, где я работаю, уверенно ответил: «На заводе молочной кислоты!». Этот заводик я запомнил, проезжая трамваем по улице Фрунзе. «Что вы там выпускаете, на этом заводе?» – ошарашила меня библиотекарша. «Да так, молоко окисляем!» – вяло ответил я. Женщина вздохнула, вопросов больше не задавала и записала меня в библиотеку с выдачей читательского билета.

Теперь о кинозале этого клуба. Более ужасного просмотра фильмов, чем в этом, находящемся в полуподвале кинозале, трудно было себе представить. Шипящая, постоянно ломающаяся аппаратура, плохой звук. Кресла, стоявшие так близко друг к другу, что просунуть ноги невозможно было даже нам – подросткам! Немудрено, что в этот кинозал почти никто не ходил.

Дальше трамвай останавливался на улице Константиновской.

Со стороны Верхнего Вала виднелся базар, еще с XV века известный как Житний. Вот зеленые галантерейные рундуки, которые удачно расположились вокруг базара по периметру! Хорошо помню моего соседа, продавца дядю Борю, который, подперев голову руками, часами дремал между огромных рулонов ситца, сатина, шерсти и других тканей. Он носил на ногах парусиновые тапочки, придавая им белый цвет зубным порошком...

Перейдя улицу Верхний Вал – Нижний Вал, мы направлялись домой по улице Константиновской. Вот на углу таинственная аптека с застекленными антикварными шкафчиками, запирающимися медными ключами. За аптекой – парикмахерская! Из раскрытой двери – густой запах парфюмерии. Внутри – огромная очередь к четырем мастерам-мужчинам, один из которых правит бритву на ремне.

Медленно тянется время, однако пребывание в парикмахерской было для нас, подростков, как ни странно, развлечением. В процессе работы мастера общались со своими клиентами, а также с постоянными клиентами из очереди. И несмотря на то, что в то время существовал еще достаточно репрессивный режим, мировые проблемы решались, кроме кухонь, как ни странно, и в парикмахерских, причем достаточно свободно, без опасения предполагаемых стукачей. Сколько же интересной информации почерпнул я в очереди к парикмахеру!

Тем, кто неплохо занимался в школе, преподаватели разрешали с пятого класса оставлять чубчик шириной в четыре пальца, остальные стриглись наголо.

Однажды после стрижки в парикмахерской я с таким чубчиком пришел в школу, и вдруг после контрольного замера оказалось, что чубчик у меня – шесть пальцев

вместо четырех! Я с позором был изгнан из школы на перестрижку! В парикмахерской раздраженный мастер отхватил мне волос вместо ширины в два пальца — целых пять, и получилась у меня стриженная под «нуль» голова и ободочек в один сантиметр спереди. Посмотрел я на себя в зеркало, ужаснулся и попросил парикмахера убрать этот ободочек совсем. И стал таким, как большинство в классе! Уже тогда, ребенком, глядя на окружающий меня взрослый мир, я начал задумываться, сколько же перенес наш народ страданий, войн, жестокости и подлости! Наверно, мы и впрямь великий народ, раз могли все это выдержать и сохранить в себе волю к жизни, благородство и даже юмор!

И вот снова передо мной фотографии трамваев на киевских улицах пятидесятих годов прошлого века... Мало было тогда троллейбусных и автобусных маршрутов. Это объяснялось отсутствием благоустроенных, асфальтированных дорог. А трамвай был вседорожным, он проезжал даже через огороды на Куреневке по пути к Пуше-Водице, разгонялся рядом с булыжной мостовой и делал выкрутасы на узеньких киевских улочках!

То было трудное время. Люди жили в подвалах и полуподвалах... На этих улочках, больше похожих на проселочные дороги, заросших крапивой, лопухами и подорожником, происходило становление нас — мальчишек послевоенных лет. Поэтому так волнует и вызывает вихрь воспоминаний снимок, на котором запечатлен этот старенький, родной киевский трамвайчик.

История киевской Татарки

В 1840 году здесь, в исторической местности, бывшей слободке, протянувшейся извилистым узким междугорьем между Подолом, Глубочицей, Щекавицей, Лукьяновкой, Юрковицей, Волчим и Репяховым ярами поселились в поисках лучшей жизни 60 семей нижегородских татар, основным занятием которых в то время были мыловарение и торговля.

Эта историческая местность, бывшая слободка, протянулась извилистым узким междугорьем между Подолом, Глубочицей, Щекавицей, Лукьяновкой, Юрковицей, Волчим и Репяховым ярами.

Уже в 1860 году одна из улочек этой местности была названа Татарской.

Впоследствии татары стали перемещать свое жилье ближе к горе Щекавица и к Житнему рынку. Сначала они развозили свой товар по селам и киевским улицам. Затем стали скупать и перепродавать старые вещи.

Здесь, на горе, в районе улицы Лукьяновской, они основали татарский базар «Шурум-Бурум». Этот рынок просуществовал до 1940 года. Купить здесь можно было кожаные куртки и сапоги, татарские шаровары. Из еды — традиционное для татар мясо конины, пирожки с мясом «перемечь», торты «Чак-чак», вареники на пару с луком и мясом — манты, сладости: пахлаву и рахат-лукум...

А вот водопровод сюда был подведен только в 1940 году. Первые поселения на Татарке возводили небогатые люди. Здесь было разрешено строить дома только тре-

тьего разряда – деревянные. Соответственно и улицам был присвоен третий разряд. В то время только на улицах первого и второго разрядов разрешалось строить каменные дома.

Лишь в конце 1930-х годов немного упорядочили дикий в то время Кмитов яр, а также яры по Багговутовской и Половецкой улицам. Привели в порядок также спуск в сторону Кирилловской (ныне Фрунзе) улицы. Про этот спуск газета «Пролетарська правда» в номере за 24 августа 1928 года напечатала следующее: «Шлях гадиюкою в'ється повз колишню цегельню Зайцева».

Более капитальной реконструкции Татарка подверглась в 1970-х годах. Здесь снесли много деревянных домов, проложили дороги, покрыли их асфальтом, простроили новые высотные дома.

Улицы Татарки

Удивительно устроен человек! С годами у него внезапно проявляется интерес к минувшему. Знакомые с детских лет названия улочек на Татарке – о чем они говорят? Улица Татарская, протянувшаяся от Глубочицкой до Нагорной. Впервые название ее зафиксировано в 1860 году в память о тех первых 60 татарских семьях, что искали на нашей земле лучшей доли, чем у себя на Родине.

Улица Багговутовская получила имя в честь одного из ее первых поселенцев – Леонтия Багговута (Баггоута) из рода знаменитых воевод, известна с 1843 года.

Улица Половецкая – от Нагорной до тупика Кмитов яр. Ранее называлась Загородная Лукьяновская. Однако в 1869 году по предложению известного киевского землемера Д. Таирова переименована на тюркский лад. Как и Печенеговская, которая возникла в 1860 году как безымянная улица, но в 1869 году благодаря все тому же Таирову получила имя собственное.

Улица Нижнеюрковская. Ранее была известна как Чикирдин спуск (чикирда – древний способ подачи воды на гору), а с 1837 года под нынешним названием стала продолжением Юрковской.

Улица Отто Шмидта (бывшая Верхнеюрковская). С 1940 года носит имя советского ученого, полярника. В 1905–1916 гг. он жил в этих краях, на Верхнеюрковской, 34. Дом снесли в 1980 году.

Улица Соляная. С XIX века известна как Волчий яр. Переименована в 1915 году по просьбе жителей. На ней было много колодцев с соленой водой.

В 1900 году улица с удивительным названием Черная грязь вблизи Житнего рынка также по просьбе жителей была переименована в Мирную.

А вот особый резонанс и известность Татарка приобрела в 1910 году связи с делом Бейлиса, который жил на улице Верхнеюрковской. Все связанные с ним дома были снесены.

Ностальгия по старой Татарке

Начиная с 1970-х годов одно-двухэтажную Татарку постепенно стали ликвидировать. Закончилось время деревянных домиков, голубятен и палисадных с марга-

▲ Старые кварталы на Татарке

ритками, незабудками, розами и сиренью, время обилия диких фруктовых садов с музыкой гудящих шмелей. В них росли беспризорные шелковица, дикая малина и райские яблочки. Уже не парят над ярами бумажные змеи...

А вот покосившиеся ворота входа на старое кладбище. Щекавицкое кладбище могло бы стать охраняемым некрополем, где похоронены знаменитые киевляне: Балабух, Барских, Войтенко, Романовский. В 1950-х годах здесь еще можно было увидеть надгробные плиты на могилах живописца М. С. Буряковского (1744–1812), исследователя Киева В. С. Иконникова, архитектора А. И. Меленского (1766–1834), композитора А. Л. Веделя и многих других.

Кмитов, Чмелив, Волчий и другие яры название свое брали в основном от фамилий живущих здесь землевладельцев, которые держали в этих лощинах сотни ульев. Пчеловодством занимались здесь многие. Зимой яры превращались в прекрасные горки для катания на санках.

На южном откосе горок Татарки ютилась беднота, а на северном откосе тек ручей Юрковица, по обеим сторонам которого тоже располагались жилища. Рядом находились кирпичные заводы, на которых делали изразцы и кирпич для печей.

Сегодня в районе бывшего рынка «Шурум-Бурум» функционирует татарская мечеть. Ухожено расположенное недалеко от мечети татарское кладбище.

Пусть же название Татарка останется как воспоминание о тех временах, когда гостеприимные киевляне приютили на своей земле татарские семьи.

Лето на Трухановом острове

Больше 135 лет тому назад (в 1875 году) Труханов остров начал осваиваться как место массового отдыха киевлян.

Немного истории. Расположен Труханов остров на левом берегу Днепра. Это одновременно и остров, и историческая местность, и зона отдыха в Днепропетровском районе города. Омывают его Днепр, его рукав Черторой и Долобский пролив (Долбичка). Южную часть острова почти пополам разделяют заливы Старик (Матвеевский залив) и Старуха. В центре находится Бабье озеро.

Название острова происходит, вероятно, от имени половецкого хана Тугоркана. В конце XI века здесь находилась летняя резиденция его дочери – жены киевского князя Святополка Изяславича, а ранее, во времена Киевской Руси – поселение Ольжиши, которое принадлежало княгине Ольге.

С начала XVI века Труханов стал предметом постоянных территориальных споров между Пустынно-Никольским монастырем и Киевским магистратом.

В 1534 году киевский воевода Андрей Нимирич даровал этому монастырю остров и рыбные промыслы на реке Черторой. Однако в 1698 году спорная территория была возвращена городу. В 1797 году остров отошел к Черниговской губернии, но фактически оставался в распоряжении киевских городских властей и до середины XIX века использовался в основном для заготовки сена. Однако после сооружения паровой мельницы (1856 год) и судоремонтных мастерских (1870 год) здесь возникла слободка.

В 1920–1930 гг. здесь жило около 4 тысяч человек, была церковь, около 20 улиц и переулков. Слободка была сожжена в 1943 году немецкими оккупантами, по-видимому, для обеспечения стратегического обзора во время обороны Киева от наступающей Красной Армии.

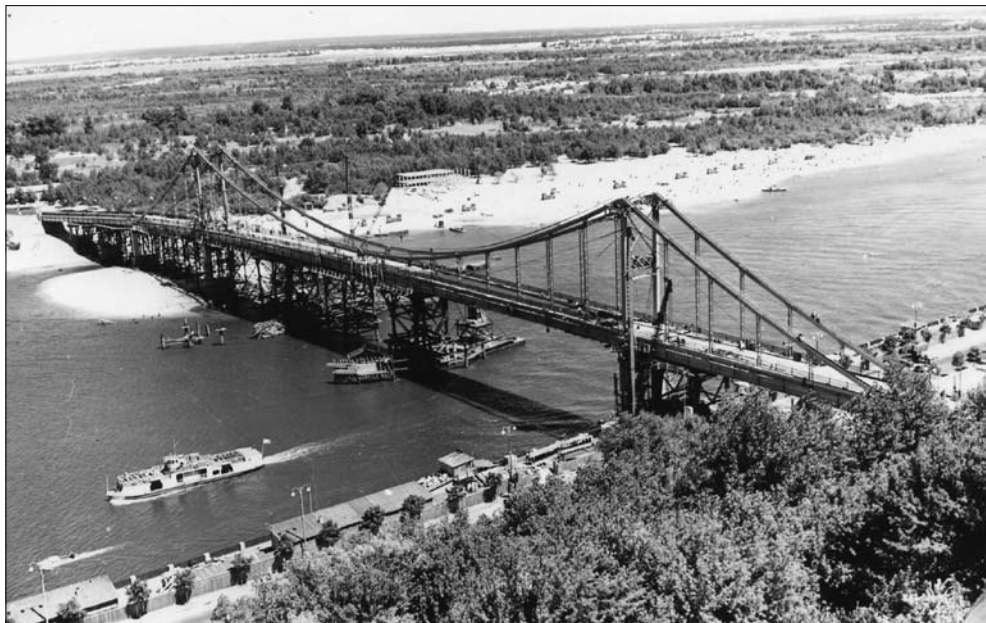
Зона отдыха. С 1875 года остров начинают осваивать как место массового отдыха киевлян. В период с 1880-го по 1910 год на острове находились парк «Эрмитаж» и ресторан «Босфор».

В 1898 году на открытие яхт-клуба прибыл император Николай II. В 1923 году остров Труханов был даже переименован в Алексеевский – в честь законного наследника российского престола, но название не прижилось.

С конца 1940-х годов остров восстанавливается как зона отдыха. Посажены десятки тысяч деревьев и кустов. Благоустраиваются пляжи, действуют водно-спортивные базы крупных киевских заводов и спортивных обществ.

На базах устанавливаются летние фанерные домики для служебного пользования. Выдаются на прокат лодки, скутера, яхты и т.д. На Матвеевском заливе, кстати, подготовлено немало чемпионов и призеров Олимпийских игр и других соревнований высокого ранга.

До 1957 года, то есть до сооружения Паркового моста между Набережным шоссе и Трухановым островом, существенным неудобством была переправа через Днепр на левобережные базы и песчаные пляжи. Но людей это не останавливало. Городскими

▲ Строительство Паркового пешеходного моста. 1957 г.

властями было организовано несколько переправ через Днепр с помощью катеров, прозванных в народе «лаптями», наверное, из-за их формы.

Например, на Подоле в воскресные дни самой оживленной была улица Героев Триполья, т.к. именно она вела к причалу переправы.

Выстояв длинную очередь, киевляне наконец переправлялись на Труханов остров на переполненных катерах. Теплый бархатистый песок пляжа, ветки плакучих ив, щедрое солнце и ласковая днепровская вода действовали на них так, что они сразу же забывали о неудобствах переправы. А если еще добавить прекрасный вид на днепровские кручи правобережья, на золотые купола церквей, то ясно, что умиротворение и покой надолго поселялись в душах.

Вместо пива пили молоко

С вводом Паркового моста отдых на Трухановом острове стал для киевлян и гостей города более комфортабельным. Наверно, не ошибусь, если скажу, что едва ли не половина населения Киева, прослушав утром в 9.15 по радиоприемнику оптимистическую передачу «С добрым утром!», сразу отправлялась на обширные в то время пляжи Труханова острова. Мост успешно выдерживал эти потоки людей.

А развивающиеся на мосту крепдешинные платяца в мелкий горошек и белые лаковые босоножки на молодых прекрасных киевлянках уже до пляжа вводили в легкое предынфарктное состояние мужчин всех возрастов.

В 60–70-е годы молодежь на Трухановом острове отдавала предпочтение здоровому времяпрепровождению: загорала, купалась, занималась спортом и, конечно, знакомилась, общалась... Несмотря на то что в зоне отдыха работали и рестораны и летние кафе, где продавались вино и пиво, посещение их не считалось главной целью приезда сюда.

Перейдя через мост, молодежь покупала молоко в пол-литровых треугольных бумажных пакетах по 12 копеек и бублики с маком по 5 копеек. А еще жажду утоляли из обычных питьевых фонтанчиков, которые стояли на пляже буквально через каждые 20 метров. Вещи обычно сдавались в гардероб, расположенный по правую сторону моста. Привязав к руке номерок, молодые ребята налегке выходили на пляж. Теперь можно было купаться, играть в мяч, знакомиться с девушками, просто ходить по пляжу в поисках знакомых. Девушки почему-то значительно реже сдавали свои вещи в гардероб...

Здесь, на Трухановом острове, в 60-х годах родился и пляжный футбол на знаменитой площадке, прозванной, как в Бразилии, «Маракана». Она находилась справа от моста, в глубине острова. Утрамбованное песчаное поле, деревянные ворота... Играли «шесть на шесть» с вратарями. Побеждала команда, первая забившая пять голов. Проигравшие выбывали, и на их место выходила новая команда в соответствии с подошедшей очередью. Непрерывный матч продолжался с утра до наступления темноты.

Попадались команды, которые могли обыграть 10–15 команд. Здесь были и свои футбольные «звезды», которые, не выбывая, играли «в кость», до крови...

Труханов остров позволял забыть на время о своих неудачах, о нелюбимой работе, о «хвостах» в институте...

Но вот заканчивается короткое киевское лето, и уже осенний знобящий ветерок дует с Днепра.

Возвращаясь однажды с «Мараканы» где-то в конце сентября, мы заметили человека, собирающего в песке оброненные пляжниками монетки. Иногда так находились и утерянные золотые колечки...

Улица Петлюры – привокзальная улица, с которой начинается Киев

156 лет тому назад (в 1855 году) улица Коминтерна (ныне Петлюры) впервые упомянута как Игнатьевская, связавшая железнодорожный вокзал с Бибиковским бульваром. Называлась она так в честь знаменитого киевского домовладельца. Однако уже в 1869 году была переименована в Безаковскую в честь Киевского, Подольского и Волынского генерал-губернатора Александра Павловича Безака (1801–1868). В период его губернаторства и благодаря непосредственному его участию было открыто движение по Курско-Киевской железной дороге и сооружен железнодорожный вокзал, к которому и была направлена улица от Бибиковского бульвара (ныне

бульвар Т. Шевченко). Название улица Коминтерна получила в 1919 году в связи с образованием Коммунистического Интернационала.

В начале XX века близость к вокзалу обуславливала и предназначение основных зданий улицы. Это были гостиницы «Бристоль», «Франция», «Либава», меблированные комнаты «Петроградские» и «Новая Россия». Своеобразна их архитектура – это стили модерн и эклектизм. В застройке принимали участие выдающиеся архитекторы В. Николаев, А. Хойнацкий, А. Краусе.

На пересечении с Бибикивским бульваром был сооружен памятник графу А. Бобринскому, который руководил строительством первой железной дороги к Киеву. В 1918 году он был снят, и только в 1954 году на его месте был установлен памятник Н. Щорсу.

На Безаковской, 25 (угол Жилянской) в 1908–1914 гг. была сооружена Ильинская церковь честь 800-летия Михайловского Златоверхого монастыря, которую разрушили в 1935 году. Интерес представляет и дом № 3/25 (архитектор А.Таций), как образец архитектуры 1930-х годов.

Своеобразен и дом № 11/106 на пересечении с улицей Саксаганского. На первом его этаже находится аптека. В начале XX века дом принадлежал фельдшеру Ю. Кощубе. Архитектура его выдержана в стиле неоренесанс.

Уже в послевоенные годы на улице были сооружены здания «Киевгипротранса» и Дома быта «Столичный».

В доме № 14 раньше печатался журнал «Киевская старина», а вот в доме № 12, в котором с 1890 года находилась водолечебница А. Успенского, в советское время располагались клуб и библиотека.

Ботанический сад

На пересечении с улицей Ветрова расположен основанный в 1839 году Ботанический сад им. академика А. Фомина площадью 22,5 га. Главный его вход – со стороны ул. Коминтерна.

Несколько слов об улице Ветрова (1886–1918). Названа она так в честь работника Главных железнодорожных мастерских, который погиб во время январского вооруженного восстания в Киеве. Возникла в 1830 году и называлась Макаровская. В 1871 году была переименована в Назарьевскую. На ней стоят дома – памятники архитектуры и истории градостроения. Среди них № 19 и № 21 – в стиле венского модерна (архитектор И. Ледоховский). Но вернемся к Ботаническому саду, который был заложен на пустыре с глубокими оврагами. По проекту А. Роговича была спланирована территория, проложены дорожки. Затем соорудили оранжерейный корпус, в котором разместились коллекции тропических и субтропических растений. В 1977 году здесь возвели климатрон высотой свыше 30 метров. В саду представлены более 10 тысяч видов и сортов растений, есть также группы ландшафтной архитектуры.

- ▲ Общий вид улицы Коминтерна (ныне С. Петлюры). 1960-е гг.
- ▼ Вестибюль станции метро «Университет» совмещенный со входом в Ботанический сад

В 1908–1913 гг. на территории сада существовал небольшой Зоологический парк, основанный Киевским товариществом любителей природы, который впоследствии был переведен на Брест-Литовский проспект, где он находится и теперь.

Во время войны сад приютил на своей территории тысячи беженцев. Здесь работали лазарет, пункты питания и временного пребывания людей. Уже в послевоенное время сад был настоящим лесом в центре города с буйством красок природы, с запахом трав, цветов, листьев и хвои. Дышалось здесь неимоверно легко. Из близлежащих детских садов сюда приводили гулять детей. И он был в то время общедоступным местом отдыха киевлян – меньше было по сравнению с нынешним временем металлических ограждений...

После войны

Привокзальная площадь. Одновременно это был и центральный вход в знаменитый Евбаз, который занимал в то время огромную территорию, включая нынешнюю площадь Победы, вплоть до Воздухофлотского моста. Здесь менялось и продавалось все! Почему этот базар назывался Еврейским? Потому что раньше здесь был огромный пустырь и обживать его стали именно евреи. Это был один из трех киевских районов, где губернатор разрешил им жить.

Сразу перед вокзалом на площади был расположен фонтан, в котором никогда не было воды. Вблизи него собирались компании калек и нищих – с перекошенными лицами, провалившимися носами... Вокруг фонтана ходили трамваи.

Привокзальная площадь всегда была забита народом. Справа от вокзала, если стоять к нему лицом, находились замызганные бараки, где военнослужащие получали пайки: консервы, брикеты гречневой, перловой, гороховой каши, громадные куски сахара-рафинада.

Слева, за туалетами, была насыпь и ТЭЦ. Вблизи насыпи обычно спали пьяные люди, бомжи и другой непонятный люд. Торговля начиналась здесь и шла дальше к Евбазу. Перед туалетами стояли лавки часовщиков и обувщиков. Выходившие из бараков военные меняли продукты на водку, спирт, зажигалки, авторучки, капроновые чулки...

Улица Петлюры (бывшая Коминтерна). Она, как и вокзал, всегда манила к себе пьяниц, бомжей, воров, спекулянтов и т.д. Как сделать, чтобы такие люди не портили вид города? Очень просто. Построили вокзал, напоминающий дворец, с мрамором, бронзой люстр, с уходящими в поднебесье высочайшими потолками... Задача у вокзала-дворца была истребить тяжкий дух людей привокзального «дна». Однако, кажется мне, полностью эта задача невыполнима и до сих пор.

Улица Сагайдачного – киевская улица без единого дерева

В 1955 году эта улица впервые была определена в нынешних границах, стала самостоятельной и получила наименование в честь А. А. Жданова – советского партийного и государственного деятеля.

Сегодня улица Сагайдачного связывает Почтовую площадь с Конtrakтовой. Начиная с XVIII века она последовательно звалась Мостовой, Большой Мостовой, Александровской, Революции, Кирова, Жданова и, наконец, Сагайдачного. Интересно, что до 1955 года в состав ее также входили нынешняя улица Грушевского и Владимирский спуск. Свою прямоту и ампириный характер построек улица приобрела по плану архитектора В. Гесте после пожара 1811 года, при этом, конечно, утратив первозданную легкость и красоту, но сохранив характер – на ней всегда размещались крупные торговые конторы.

Начинается улица с Почтовой площади, где можно увидеть восстановленную церковь Рождества Христова. Она была построена в 1810–1814 гг. по проекту А. Меленского и уничтожена большевиками в 1935 году. Церковь снесли несмотря на то, что именно в ней с 6 по 8 мая 1861 года по дороге в Канев, к месту захоронения, отпевали великого сына украинского народа поэта-революционера Тараса Шевченко. Тем символичнее то, что ныне она отстроена заново!

Улица Сагайдачного сегодня – одна из важнейших магистралей Подола – туристического центра столицы Украины. В 1989 году она переименована в честь национального героя Украины – гетмана Петра Конашевича-Сагайдачного, который был поборником православия и украинской культуры. В 1620 году он прославился победой казачьего войска над турецко-татарской армией под Хотинот. При его покровительстве упрочилось положение Братской школы. В 1622 году Сагайдачный скончался и был похоронен на подворье Братского монастыря (могила не сохранилась).

Сегодня в конце улицы можно увидеть бронзовое изображение гетмана и его герба (скульптор А. Куц).

Характер улицы как торговой, купеческой и прогрессивной определяется и тем, что именно по ней в 1896 году впервые в Российской империи был пущен электрический трамвай, соединивший центр города с Подолом. В 1977 году эта историческая трамвайная линия была демонтирована. В 1904 году вблизи дома № 3 был сооружен фуникулер, соединивший верхнюю часть города с Почтовой площадью.

Свой нынешний архитектурный облик улица приобрела в результате застройки в 30–40 гг. XIX века. Это смешение архитектурных деталей различных стилей, характерных для колорита торговой улицы XIX века.

«Дополнили» эту эклектику и наши современные зодчие, построив рядом со входом в фуникулер здание банка в современном стиле.

Куприн

В 1894 году, уйдя в отставку в чине поручика, в Киев прибыл тогда еще малоизвестный литератор Александр Куприн. Приехав в Киев, он попросил отвести его с вокзала в самые дешевые меблированные комнаты.

Ехали долго и наконец, спустившись с крутого спуска, оказались тут. Было утро. Оставив вещи в комнате, Куприн пошел к Днепру, где помог разгрузить баржу с арбузами и заработал полтора рубля. Этого хватило на обед и ужин.

Так началась киевская жизнь знаменитого писателя.

В конце XIX века в начале улицы находились дешевые гостиницы «Днепровская гавань» (дом №4) и «Сербия» (дом № 2, ныне снесенный).

В этих гостиницах в 1894–1896 гг. и жил Александр Куприн.

В номерах часто останавливались купцы, ремесленники, чиновники, студенты, артисты, инвалиды. Именно эти люди и стали героями рассказов Куприна в первой его книге «Киевские типы», а затем и в другой – «Миниатюры». На киевском материале написана и знаменитая его «Яма».

Интересно, что именно на этой улице находилась хорошо известная «Книжкова крамница» Должикова с библиотекой – «аптекой для души», «кабинетом для чтения» и т.д. «Крамницю» посещало в то время много известных людей.

Сухое варенье фабрики Балабухи

На углу улиц Сагайдачного и Андреевской сохранились дома №№ 27-а и 27-б. Они принадлежали семье знаменитых киевских кондитеров по фамилии Балабуха. Их наследники до самой революции имели в Киеве широко известную фабрику «сухого варенья».

А началось все в 1787 году. Киев посещала императрица Екатерина II, которую сопровождал придворный кондитер швейцарец Бальи. Сломав на Подоле ногу, он остался здесь на лечение. Поселившись на Приорке, где было много фруктовых садов, он пришел к выводу, что местные фрукты – непревзойденный материал для изготовления «сухого варенья», конфет и цукатов.

Киевлян (в том числе и Балабуху) он обучал своему ремеслу изготовления кондитерских изделий. Впоследствии знаменитое киевское варенье стали поставлять к императорскому столу. Испанский герцог Монпасье в 1888 году вывез из Киева несколько пудов балабуховского варенья. А в 1889 году парижские торговцы обратились к Балабухе с просьбой открыть во Франции фабрику «сухого варенья».

«Веселая улица»

В послевоенное время проблемы питейного характера решались на Сагайдачного просто. Угловой гастроном (дом № 41) считался центральным и лучшим на Подоле. Аквариумы из живых рыб, попадавших оттуда прямо в сумки покупателей, кетовая красная икра и осетровая черная, семга, шоколадное суфле, окорока, болгарские вина в оплетенных бутылках, а также золотомедальные «Негру де пуркар», «Фетяска», «Лидия»... В этом магазине никогда не пахло ничем тухлым и не стоял матперемат в облаке перегара у вино-водочных отделов. Не доходил сюда и зловонный запах Житнего базара...

Купив портвейн «Таврический» за 3 руб. 27 коп. (эра «Фруктово-ягодного» за 1 руб. 02 коп. еще не наступила) молодые люди направлялись по улице в сторону Почтовой площади. «Отвести душу» можно было и в магазинчике «Кулинария» (дом № 37), и в уютном кафе (дом № 14), и особенно – в летнем, заросшем диким виноградом, летнем кафе в доме № 2.

- ▲ Трамваи на улице Саксаганского. 1950-е гг.
- ▼ Трамвайные пути на улице Саксаганского. 1980-е гг.

Милой и родной остается и поныне эта улочка, которая после реконструкции лишилась деревьев – главной гордости киевских улиц. Но все равно ее всегда можно отличить от улиц без деревьев Москвы или Харькова – дух у нее киевский...

Улица Саксаганского

Панас Карпович Саксаганский (настоящая фамилия Тобилевич) родился 150 лет тому назад. Это был выдающийся украинский актер и режиссер, народный артист СССР.

Руководители Киева после смерти Панаса Саксаганского в 1940 году назвали его именем улицу Леонида Пятакова. Вообще же история переименований этой улицы, как, впрочем, и многих других, довольно скандальна.

В советское время многие улицы Киева неоднократно меняли свое название. Например, улица Ярославов Вал. Это название она получила в 1869 году в память о том, что в XI веке вдоль нее проходил оборонительный вал. Вот хронология ее переименований: 1923–1928 гг. – Раковского, 1928–1957 гг. – Ворошилова, 1957–1962 гг. – Полупанова, 1962–1975 гг. – Большая Подвальная и, наконец, с 1976 года – опять Ярославов Вал.

Великий артист

В конце XIX века все три брата Тобилевичи – Саксаганский, Садовский и Карпенко-Карый, славные корифеи украинского театра, после длительного перерыва стали работать в одной труппе в театре братьев Бергонье (теперешнее помещение Театра русской драмы им. Леси Украинки). Это было объединенное общество украинских артистов под руководством вышеупомянутых братьев. Игра их пользовалась огромным успехом. Интересно, что Саксаганский играл исключительно комедийные роли, например, Голохвастова из пьесы «За двумя зайцами», Омельяна Григорьевича из драмы «Бурлачка», Гераську из водевиля «По ревизии» и особенно доезжачего Харько из пьесы «Паливода XVIII столетия».

Жил артист на улице Жилянской (бывшая Жадановского), в доме № 96, на фасаде которого установлена мемориальная доска. На ней указаны киевские годы его жизни: 1912–1940.

Жилянская (Жадановского) расположена на расстоянии одного квартала от улицы Саксаганского и идет параллельно ей. Б. П. Жадановский был участником революции в Киеве в 1905–1907 гг., членом партии большевиков с 1917 года. Он погиб в 1918 году в Крыму, во время боевых действий.

Естественно, переименовывать улицу Жадановского, на которой жил и умер в 1940 году Саксаганский, никто бы тогда не посмел.

На старом плане Киева конца XIX века нынешняя Саксаганского называлась Большой Жандармской. Затем, по названию церкви, расположенной в усадьбе под номером 64 и освященной в 1893 году, – Мариино-Благовещенской. И уже после революции улица получила имя в честь погибшего в 1918 году большевика Леонида Пятакова. Киевляне стали ее называть улицей Пятакова. Но в 1937 году брат Пя-

такова Георгий был расстрелян как враг народа, и название уточнили: появились новые таблички: «улица Леонида Пятакова».

Когда в 1940 году умер знаменитый артист Панас Саксаганский, власти, чтобы не вызывать лишнего брожения в умах киевлян, решили всех Пятаковых предать забвению и назвать улицу именем Саксаганского. Это название она носит и поныне. А улица Жадановского, на которой прожил великий артист свои последние годы, ныне вернула свое дореволюционное название – Жилинская.

На Саксаганского произошли большие перемены. Киевляне, чье детство пришлось на далекие послевоенные годы, прекрасно помнят, что в 1950-1959 гг. так называемый Летний цирк успешно функционировал на пересечении улиц Саксаганского и Красноармейской. Но уже в 1960 году на площади Победы было сооружено стационарное кирпичное помещение цирка на 2000 мест (архитектор В. А. Жуков). Построенное на месте бывшего Еврейского базара (Евбаз), оно стало настоящим украшением города.

Помнят немолодые киевляне и уютный кинотеатр «Ракета», который находился в то время в конце Саксаганского, в доме № 102. Его вскоре закрыли, зато в начале улицы в 1974 году построили новое четырехэтажное здание Дома кино. Там имеется три кинозала (на 50, 150 и 720 мест), библиотека, кафе и т.д. Очень жалко, что отсюда убрали трамвайные пути – трамвай был неразрывно связан с улицей в памяти киевлян нескольких поколений.

Но вернемся еще раз в послевоенное прошлое улицы. Последний квартал. Нечетная сторона. Рядом – не закрытый еще Евбаз. Пленные немцы строят здание пенициллинового завода. Хмурое и серое, оно и поныне стоит здесь.

Долгие годы здесь пахло пенициллином – запахом детства для людей, которые выросли в этих местах.

Вспоминаются маленькие галантерейные магазинчики, где продавались пудры «Гвоздика» и «Красный мак», кремы «Молодость» и «Земляничный», духи «Серебристый ландыш» и «Красная Москва».

Вот детский сад во внутреннем дворе по улице Тарасовской (она пересекает ул. Саксаганского). Деревянный грибок, на красном фоне – белые кружки. Построенные из досок корабль «Аврора» и грузовой автомобиль зеленого цвета.

Дворики с корытами, тазами и развешенным бельем. Здесь все знали друг друга. Здесь люди всегда были вместе и в горе, и в радости...

Шел по Киеву трамвайчик...

*Более 120 лет тому назад (в 1890 году) на улицах
Киева началась укладка трамвайных линий.*

Трамвай как таковой появился в Киеве после того, как были опробованы все бытовавшие тогда в Европе виды общественного транспорта – омнибус, конка, локомотив. Ни один из них не выдержал испытания киевским рельефом.

Конкурс на строительство в Киеве городской железной дороги состоялся в 1886 году. Победителем стал известный военный инженер, генерал А. Е. Струве. Его идея пустить по городской железной дороге электрический трамвай вызвала в городе немало споров. Даже гласный Городской думы, инженер по образованию, Добрынин прилюдно доказывал, что электрический трамвай – химера и применение электричества для движения вагонов может иметь место только на столбах как игрушка. Возмущались проектом Струве и поставщики лошадей для конки, и чиновники почтового ведомства, которые доказывали, что такой трамвай будет плохо влиять на телеграфные и телефонные провода.

Так впоследствии и случилось, но внедрение трамвая остановить уже было невозможно. Несмотря на сильнейшее противодействие, Городская дума приняла предложение генерала. Пробный рейс по крутому Александровскому (ныне Владимирскому) спуску состоялся 4 мая 1892 года при огромном стечении народа. Интересно, что большинство из них были уверены, что трамвай свалится под откос, и пришли посмотреть на это. Однако проба, слава Богу, прошла успешно.

Начались обычные трамвайные будни. Да такие, что в вагоны, рассчитанные на 24 человека, набивалось до сотни людей! Трамваи были буквально забиты!

В феврале 1907 года Дума решила покончить с толкучкой в трамваях, применив чисто запретительные меры. Трамваи стали проезжать мимо остановок, если кондукторы выкрикивали: «Нет местов!».

Постепенно стали увеличивать количество вагонов и электрифицировали все трамвайные пути города. Но вот что интересно, и не все об этом знают – в начале XX века трамвайные линии были значительно длиннее современных.

В 1913 году трамвай ходил в Бровары. В том же году хотели пустить электрический трамвай до Житомира, но помешала начавшаяся Первая мировая война.

Интересные факты

Номера трамвайных маршрутов, как известно, исчезают после закрытия данного маршрута. Однако через определенное время уже в других городских районах появляются новые маршруты с такими же номерами.

Например, трамвай № 1 в 1911 году связывал Контрактовую и Лыбедскую площади. В 1955 году он ходил от Софиевской площади до площади Толстого, а в 1985 году – от улицы Булгакова до Дворца спорта. Есть маршруты-долгожители. Например, № 12 (Контрактовая площадь – Пуца-Водица) курсирует уже более 50 лет.

Интересно, что в довоенное и послевоенное время на этой линии, идущей через лес, использовались открытые прицепные вагоны-платформы со скамейками.

Не все знают, что раньше в Пуцу-Водицу от вокзала ходил еще трамвай № 25. Длина этого маршрута была 24,4 километра. Интервал движения составлял 166 минут, так как ходил всего один вагон. Исчез маршрут в начале 1980-х годов.

В 1960 году (50 лет тому назад) в Киеве впервые появились красные чехословацкие «Татры» Т-2, которые в течении 20 последующих лет вытеснили из обращения все советские вагоны. Очень жаль, что все они порезаны на металлолом.

- ▲ Новые трамвайные линии потянулись к киевским окраинам: Воскресенка
- ▼ Трамвай на жилом массиве Отрадный. 1960-е гг.

Серьезных трамвайных аварий в Киеве было две: в 1938 году на улице Круглоуниверситетской и в 1949 году на улице Толстого. В обоих случаях трамвай переверачивался после схода с рельсов. А вот в 1983 году на линии маршрута трамвая №№ 14,15 на улице Дехтяревской в районе Института газа, где трамваи шли под небольшим уклоном к Брест-Литовскому проспекту, произошел следующий случай. Вагоновожатая выпрыгнула из вагона на ходу, и неуправляемый трамвай понесся под уклон. К счастью, он был остановлен пассажиром, который забрался в кабину и сообразил, что надо сделать. А вагоновожатая, естественно, пошла под суд.

Трамвай нашего детства Кто сейчас знает о таком развлечении, как «езда на колбасе»? Колбасой называли сцепную балку, находящуюся сзади вагона.

На рижских трамваях МТВ-82 на задней стенке была лестница, ведущая на крышу, за которую мальчишки обычно держались, стоя на этой балке.

Конечно, так ездить было опасно, но повлиять на них было невозможно!

Начиная с 1960 года началась полоса успешных выступлений в чемпионате СССР по футболу киевского «Динамо». Во время проведения футбольных матчей на стадионе им. Хрущева трамваи шли туда битком набитые болельщиками. На подножках дверей висело до десяти человек!

В период с 1948 по 1966 год в Киеве ходили также и трамваи из двух вагончиков КТМ-1 – КТП-1 производства Усть-Катаевского машиностроительного завода. В такой трамвай, рассчитанный на 120 человек, вмещалось во время проведения футбола в Киеве до 500! В послевоенное время на улочках Киева можно было увидеть и деревянные трамваи (поезда Х+М), МАН «Пульман». Позднее и Киевский завод электротранспорта стал выпускать трамваи КТВ-55-2 с кабинами для вожатого с обеих сторон вагона.

Сейчас, к сожалению, уже ликвидированы многие городские трамвайные линии, и этот процесс продолжается. Однако киевляне никогда не забудут милые желтые трамвайчики их счастливых юных лет!

Из истории киевской рекламы

Знаете ли вы, что киевские создатели рекламы, мигающей, вспыхивающей, переливающейся, в плане творческого подхода к своему делу во все времена обгоняли своих коллег из других городов и стран? Вспомним семидесятые годы прошлого века. Ну где бы вы еще нашли рекламу в столь изысканной стихотворной форме: «Якості найкращі сконцентровані саме в ньому, цукрі рафінованім!», «Хто морозиво вживає, той квітучий вигляд має!», «Піаніно, баяни, бандури не треба шукати довго. Адреса точна – в магазинах Київкультторга!»? Это позднее мы узнали, что сахар – это белый яд, а мороженое – вредное сочетание сахара и молока! Что же касается пианино, баянов и бандур, то, кроме магазинов «Київкультторга», они нигде больше не продавались, поэтому и искать их в других местах было бы просто бесполезно. А кто помнит рекламный щит, висевший рядом со стадионом «Динамо» на высотном здании: «Столове біле – бадьорий настрій, апетіт, здоров'є!»?

Идущий на стадион для занятий спортом останавливался в нерешительности.
Что спорт! Еще ногу сломаешь... Не лучше ли будет пропустить стаканчик белого?
Полистав киевский журнал «Глобус» начала XX века, я понял – куда нам тягаться
со своим «цукром рафинованием» с нашими дедами и прадедами!

«Пить пиво – это значит быть здоровым!»

Культурная чайная, Еврейское мясо

Хлестаков: «Не правда ли, здесь вкусное пиво?». Городничий: «Совершенно верно!».

Галярня Макара Перегудька

«Ежедневно свежее мясо, зелень, фрукты и мозги!»

«Парикмахер Федосей – стрижка, брижка волосей!»

Баранова

«Фото: денн та н чн здн маня»

Акушерка Ф. М. Пронина: «Прошу вытирать ноги»

Граждане и гражданочки,

Миленькие дамочки,

Серьезные мужчины

и даже гаспадины!

У нас все дешево и сердито

Купить на полтинник –

Будет на год сыто!

Похоронная контора «Вечность»

Впечатляет, правда?

Ярославская улица

Гуляя сегодня по легендарному киевскому Подолу, история которого уходит в седую древность, вы обязательно попадете и на улицу Ярославскую. Названа она так в честь великого князя киевского Ярослава Мудрого. Более 990 лет прошло с начала его правления в Киеве (1019–1054 гг.). Сын князя Владимира, он был выдающимся государственным и политическим деятелем.

При нем было выполнено множество работ по укреплению границ Киевской Руси и по застройке Киева, издана «Киевская правда» – сборник законов государства. Так, в 1037 году сооружаются Софийский собор и Золотые ворота. В 1051 году основан Печерский монастырь в Берестове (ныне Киево-Печерская лавра).

Женился Ярослав Мудрый в 1019 году на дочери шведского короля Олафа Инггерде (в крещении Ирине). В ее честь Ярослав Мудрый основал Ирининский монастырь с одноименной церковью там, где ныне находится Ирининская улица.

Следует отметить, что в Киеве есть и другая улица, связанная с памятью о Ярославе Мудром, – Ярославов Вал. В 1869 году она официально получила это название в

память о том, что в XI веке вдоль нее проходил оборонительный вал, созданный для защиты Киева от непрошенных гостей.

В память о князе в исторических справочниках по истории Киева существует еще такое понятие, как Ярославов город. Это часть древнего Киева, построенная на Старокиевской горе во времена княжения Ярослава Мудрого.

Ярославов город располагался на площади около шестидесяти гектаров и был опоясан огромным рвом и валом.

Сейчас в Софийском соборе Киева находится саркофаг с прахом Ярослава Мудрого. Выполнен он из проконесского мрамора, привезенного из Византии, украшен резьбой с сюжетной древнехристианской символикой.

Однако вернемся к Ярославской улице. В этих местах прошли мои детские и юношеские годы. С XVI века улица была известна как Бискупская.

355 лет тому назад, в 1654 году, историческая местность Бискупщина между подольскими улицами Спасской, Ярославской и Житнеторгской были переданы от католического епископа (бискупа) Киевской православной митрополии.

В теперешнем виде и с нынешним названием Ярославская улица проложена после пожара 1811 года на Подоле. Тянется она прямо от подножья горы Щекавица до улицы Набережно-Крещатицкой.

Очень крут спуск с горы в начале улицы! Только смелые мальчишки съезжали на санках с этого спуска во времена моего детства.

Философы говорят, что история движется по кругу. Сейчас, как и сто лет назад, Ярославская – типичная улица для города, где бурно развивается предпринимательство. На улице снова полно гостиниц, офисов фирм, богатых магазинов, частных клиник и т.д.

В послевоенные времена было все иначе. Характер улицы обуславливался близостью Житнего базара. Галантерейные рундуки заканчивались как раз в начале улицы. На пыльном тротуаре валялись отбросы овощей, рыбы кишки, ржавые консервные банки. Пахло конским навозом и гнилыми арбузами. Бесперебойно действовал крупнейший на Подоле вытрезвитель по Ярославской, 13.

Вспоминается одна из старейших подольских аптек, которая и сейчас расположена по Ярославской, 5. В то время мало было готовых лекарств.

По рецептам врачей лекарства изготавливались непосредственно в аптеках.

У нас, мальчишек, аптека всегда вызывала робость и преклонение. Ведь фармацевты, как волшебники, лечат болезни таинственными порошками, тайну изготовления которых держат в секрете! Магическими выглядели таинственные шкафчики с латинскими названиями компонентов лекарств. Однажды я побывал внутри аптеки. Пахло душистыми травами, бальзамами... Таинственно посверкивали колбы для дистилляции воды, аппарат для удаления водяных паров из трав, цветов, устройство для получения эфирных масел...

В аптеке мы покупали гематоген за одиннадцать копеек и витамин С за шесть копеек (десять белых таблеток). Еще запомнился гастроном на углу Ярославской и Константиновской, в котором наш сосед по двору дядя Сеня много лет торговал газированной водой из высоко поднятого прилавка-окна, выходящего прямо на

улицу. Старожилы-подоляне помнят и встроенный в дом кинотеатр «Комета» по Ярославской, 10.

Первый квартал улицы (с четными номерами) представлял собой скопление ремонтных мастерских и мелких артелей, где ударно работали советские люди, неуклонно повышая производительность труда, экономя средства и материалы и используя внутренние резервы на фоне множества тянувших на зевоту уныло-призывных лозунгов и плакатов.

Но вернемся в нынешнее время. На Ярославской, 13 давно закрыт вытрезвитель. Минздрав, которому принадлежит помещение, похоже, на распутье: или снова открыть вытрезвитель, или сдать помещение в аренду!

На месте упомянутого углового гастронома функционирует престижный салон-магазин «Интерьер». Там, где был кинотеатр «Комета», сейчас находится магазин «Мир бильярда». И только по Ярославской, 5 до сих пор работает уже не аптека, а аптечный киоск. А сама улица по-прежнему олицетворяет собой лицо киевского Подола XIX века.

И в завершение снова о Ярославе Мудром. В 1936 году ученые вскрыли его саркофаг. В нем были обнаружены мужской и женский скелеты. Сопоставлением анатомо-рентгенологического исследования с данными летописей было установлено, что мужской скелет принадлежит Ярославу Мудрому, а женский – его жене Ирине (Индигерде). Скульптор-антрополог М. М. Герасимов воссоздал по черепу скульптурный портрет великого князя, который экспонируется в Софийском соборе Киева. Но жителям Украины, которые захотят увидеть лицо Ярослава Мудрого, не обязательно ехать в столицу. Надо просто взять денежную купюру достоинством в две гривни и посмотреть на портрет на ней...

Киевское метро

6 ноября 1960 года, в канун 43-й годовщины Октябрьской революции, на митинге перед станцией метро «Крещатик» был торжественно открыт киевский метрополитен имени В. И. Ленина.

Первый участок длиной 5,2 км соединил пять станций – от «Вокзальной» до «Днепра». Уже за первые два месяца работы метро было перевезено 4,6 млн пассажиров.

Работы по проектированию киевского метро начались сразу же после Великой Отечественной войны. Хочется вспомнить, что в сооружении третьего в СССР (после Москвы и Ленинграда) метрополитена принимало участие 120 предприятий бывшего Союза. Так, Москва и Ленинград поставляли эскалаторы и кабель, Урал – электрооборудование, Уфа – низковольтную аппаратуру, Харьков – моторы и генераторы, Днепропетровск и Запорожье – рельсы и металлоконструкции, Львов – глазурованную плитку и т. д. Тоннели делались из сборных тубингов киевского завода «Ленинская кузница».

В наземной части станции «Крещатик» были ресторан и кафе с открытой площадью. Здесь же работал недорогой бар. Для киевских студентов это стало одним из любимых мест времяпрепровождения. Став лицом к «Крещатику», слева можно было увидеть дешевую бульонную, справа – кафе, где продавалось горячее молоко с булочками. С левой стороны фасада станции в глубине двора работал магазин «Кулинария», а рядом находился бесплатный туалет. Что еще надо бедному студенту?

Воскресенская слободка

В 1961 году началось строительство одного из первых крупных жилых массивов киевского Левобережья – Воскресенского.

Днепр разделил киевлян на жителей Левобережья и Правобережья. Правый берег кажется более престижным, так как здесь расположены правительственные учреждения, посольства и т. д. Даже из 43 киевских музеев только один находится на левом берегу. Однако и левый берег никогда не был пасынком истории.

Земля Евстафиевская

Воскресенский жилой массив был построен в Днепровском районе Киева на месте бывшей Воскресенской слободки. В начале XX века это было небольшое село к северо-востоку от Дарницы. Слободка располагалась между Днепром и современным бульваром Перова. Известна с XVI века как «земля Евстафиевская», которая принадлежала кошевому атаману Запорожского казачества Евстафию Дашкевичу. Впоследствии он подарил эти земли Воскресенской церкви, которая находилась на Подоле и также была сооружена на средства Дашкевича. Отсюда и пошло название будущей слободки.

- ▲ Станция метро «Днепр»
- ▼ Трамвай на Воскресенке

В 1719 году распоряжением киевского губернатора Д. М. Голицына земля была изъята у Воскресенской церкви и под новым названием – Губернаторская слободка – превращена в ранговое поместье киевских губернаторов и комендантов Печерской крепости. В 1786 году она окончательно перешла в казенное ведение. 12 октября 1923 года решением Совнаркома УССР Воскресенская слободка вошла в городскую черту.

В 1961 году на месте бывшей Воскресенской слободки начинается интенсивное жилое строительство. Первая очередь застройки была в районе улиц Николая Кибальчича, Курнатовского и Валентина Серова. Главная планировочная ось массива – бульвар Перова, названный в честь русского художника.

Хрущевки-спасительницы

В послевоенные годы, несмотря на высокие темпы восстановительных работ, тысячи семей продолжали жить в перенаселенных коммунальных квартирах, в сырых подвальных и полуподвальных помещениях, в покосившихся аварийных бараках из почерневшего дерева...

С приходом к власти Хрущева в строительстве стали применяться кирпичные блоки. Со временем крупнопанельное домостроение широко распространилось. Воскресенский жилой массив – один из первых примеров перехода от разрозненного строительства к методу застройки целых жилых микрорайонов пятиэтажными домами, оборудованными центральным отоплением, водопроводом и канализацией.

Первые воскресенские хрущевки удачно вписались между домами частного сектора и общежитиями барачного типа работавших поблизости предприятий: завода «Гранит», Металлобазы, АТП, Ремзавода и других.

В течение 1960–1980 гг. старая Воскресенская слободка была почти полностью снесена. Сейчас только на улочке Марка Черемшины можно увидеть немного частных домов.

В 1963 году был открыт трамвайный маршрут № 21, связавший правый и левый берега Днепра.

В 1966 году в центре Воскресенского массива (бульвар Перова, 20) открылся широкоэкранный кинотеатр «Аврора» на 800 мест и парк площадью 5 га с площадками и декоративными бассейнами. Рядом расположился крытый рынок.

Лучшего места для отдыха не придумать: свежестью тянет с приднепровских озер, благоухают донник и тысячелистник, от елочек идет крепкий смолистый дух, жужжат шмели, манят к себе многочисленные песчаные дорожки и речные плесы... Дышится здесь легко!

Голубятни – примета времени

Тише люди, ради Бога, тише:

Голуби целуются на крыше,

Вот она, сама любовь, ликует,

Голубок с голубкою воркуют.

*Старики, задумавшись, не дышат,
Вспоминают молодость свою,
Вспоминают, как они когда-то
Говорили ласково «люблю».
(Из уличного фольклора)*

Еще библейский Ной выпустил эту птицу из своего ковчега на разведку и, увидев в ее клюве оливковую ветку, понял, что вода всемирного потопа стала отступать. ...Уже в восемь утра на Курневском птичьем базаре собираются киевские голубеводы. У этих людей как бы две жизни: одна – жизнь обычного гражданина, а вторая – связанная с голубями. Это счастливые люди, потому что они имеют страсть, которой отдаются полностью.

Подольские голубятни

Трудно представить себе послевоенный булыжный Подол без голубятен. Особенно много их было в убогих частных застройках на узеньких улочках, петляющих как ручейки по горной гряде, называемой Кирилловской, которая растянулась вдоль улицы Фрунзе до самой Курневки.

Почти в каждом подольском дворе стояли в то время деревянные голубятни, окрашенные в синий цвет, оттенки которого зависели от качества краски и времени нахождения на солнце. Голуби хорошо запоминают цвет своего дома и почему-то больше всего любят синий. Добротными были голубятни, на четырех столбах с высотой внутреннего помещения до шести метров!

Сегодня таких голубятен остались единицы. Впрочем, и самих старых немощных подольских двориков с ветхими строениями, деревянными сараями и пышными палисадниками почти не осталось... Дворы преобразились, покрылись асфальтом и приобрели презентабельный вид. И само понятие двора как замкнутого пространства пропало. Почти все дворы стали проходными.

Сегодня сложно сегодня получить разрешение на строительство голубятни. Настоящее голубеводство – теперь прерогатива людей с достатком. Но даже в 50-е годы пара декоративных турманов (эти голуби могут кувыряться в воздухе) стоила три месячные зарплат. Содержание голубя тоже недешево. Спасал в то время расположенный рядом со Спасским причалом подольский элеватор, над которым постоянно кружили тысячи непородистых городских голубей. Мешок ворованного зерна пшеницы можно было приобрести за бутылку самогона с закуской. При чем самогон гнали из того же зерна.

Голубеводы Подола

Любители голубей, не имевшие голубятен, держали птиц на чердаках домов. До сих пор на чердаках заброшенных домов можно найти тарелочки, поилки, кормушки и деревянные жердочки с мелкими насечками от коготков.

▲ Строительство панельных Хрущевок

Хотя еще в царские времена в Киеве существовали организованные «товарищества голубиноного спорта», в послевоенное время о таких обществах не было и речи. Голубеводством занимались любители-одиночки, а информацию о голубях получали от таких же любителей.

Голубей воровали: увидев, что на соседней улице поднялись голуби, голубевод прятал под рубашку несколько своих и бежал поближе к той улице. Выпустив птиц, возвращался домой и ждал, когда они вернутся и с собой чужих приведут. Например, поднялось двенадцать, а село тринадцать. Крылья чужого голубя связывал ниткой и держал так неделю-другую, пока он не привыкал к новому жилищу. Цена выкупа обычно составляла половину стоимости птицы.

На птичьем базаре, что на Кожемяках, голубей и обменивали, и продавали. Случалось такое, что проданный голубь возвращался домой. Неплохой способ заработка денег! В голодные послевоенные годы, купив голубей, люди радовались, как дети, хотя ради этой покупки экономили на одежде и еде.

Не последним человеком среди голубеводов был Андрей Степанович Кныш, имевший рост всего 110 сантиметров! Он умер в 2004 году на 85 году жизни. О своем друге детства вспоминает старейший киевский голубевод, инвалид войны, Михаил Иосифович Гофман.

«Андрей Кныш родился в 1920 году. Когда мальчику исполнилось 10 лет, стало ясно, что он больше не вырастет. Врачи поставили диагноз «гипофизарный нанизм». Люди с таким заболеванием обычно живут недолго, и очень удивительно, что Кныш прожил 84 года.

Голуби и канарейки были страстью всей его жизни и, возможно, в этом и был секрет его долголетия. Его голубятня находилась на пересечении улиц Фрунзе и Юрковской. Существует два понятия: «голубевод» и «голубятник». И если для второго голубь – это источник дохода, то голубевод – человек, вкладывающий всю душу в это дело. Он занимается селекцией, выводит новые породы, подбирает голубиные пары, выращивает потомство... Ради голубей он во многом себе отказывает. Таким был Андрей Степанович Кныш. Однажды его спросили, чем голуби похожи на людей. «Любовью», – ответил он. – Ведь не даром о хорошей, благополучной семье говорят: живут, как голубь с голубкой». Ведь привязанность в голубиных парах часто сохраняется на всю двадцатилетнюю птичью жизнь».

Гостиница «Лыбедь» – всегда домашний уют

Непростое строительство

Этот 17-этажный параллелепипед высотой почти 55 метров – архитектурная доминанта площади Победы в Киеве. Гостиница торжественно открылась 25 декабря 1970 года и получила имя «Лыбедь», которое было навеяно духом древнего Киева, по легенде основанного братьями Кием, Щеком, Хоривом и их сестрой Лыбедью. 2 мая 1964 года Киевский горисполком издал распоряжение о выделении места под строительство гостиницы с тогда еще рабочим названием «Интурист» на 500 мест. К работе приступили киевские архитекторы Чмутина, Анищенко, Стукалов, Чеканюк.

Трудности начались во время строительства. Место застройки находилось на плавунах. Непосредственно под ним были грунтовые воды, впадающие в реку Лыбедь. Для устройства фундамента было забито 250 двенадцатиметровых свай. Но произошло непредвиденное: сваи начали уходить в сторону и плыть. Чтобы дойти до твердого грунта, пришлось увеличить длину свай до 17 метров.

А вот настоящей проверкой прочности гостиницы стало землетрясение 1976 года силой 3–4 бала, эпицентр которого находился в Румынии. Здание с честью выдержало испытание.

Советский сервис

Входящая в структуру Всесоюзного акционерного общества «Интурист», гостиница «Лыбедь» была ориентирована в основном на прием иностранных граждан. В первые годы своей работы гостиница имела 208 жилых номеров, из которых было 14 люксов. Установили быстроходные финские лифты и финскую же сантехнику. Номера оборудовали немецкой мебелью, облицовка стен также была выполнена из немецких материалов.

Гостиница «Лыбедь».
1970-е гг.

В вестибюле здания размещались киоски по продаже сувениров и табачных изделий. «Союзпечать» продавала прессу, в том числе и капиталистических стран. Имелись пункты обмена валюты и валютный бар.

Специфика советского времени в полной мере ощущалась и в этой интуристской гостинице. Для борьбы с фарцовщиками и проститутками из числа сотрудников гостиницы создавались добровольные народные дружины.

В 1972 году во время проведения в Киеве футбольного матча СССР – Ирландия в гостинице поселилось много ирландских болельщиков. Больше всего они были удивлены низким ценам (по сравнению с ценами в Ирландии) на спиртное в гастрономе на углу с улицей Жадановского. Некоторые болельщики так напились, что валялись без памяти на площадке с тыльной стороны гостиницы.

А в феврале 1976 года температура воздуха была минус 25 градусов, и в районе улицы Коминтерна произошла авария магистральной теплотрассы. Прекратилась подача тепла в номера гостиницы. С аварией удалось оперативно справиться, но персонал гостиницы сильно перенервничал – такое тогда было время!

Видные гости

Иностранцы и советские граждане сразу полюбили гостиницу в центре города. В 70-х годах премьер-министр Канады Трюдо устроил здесь пресс-конференцию. Особенно много гостей из США и Канады были из числа этнических украинцев, приехавших увидеть родину своих предков.

Руководитель ансамбля «Виртуозы Москвы» Владимир Спиваков всегда останавливался в люксе № 1704 на 17 этаже. А режиссер Марк Захаров во время киевских гастролей театра «Ленком» предпочитал жить в номере № 1701.

Работники гостиницы вспоминают, как однажды из своего номера вышел с товарищем кинорежиссер Никита Михалков и увидел, как горничные передвигают тяжелый диван. Михалков засучил рукава, привлек к работе товарища, и они передвинули диван из одного конца коридора в другой.

Во время съемок в Киеве художественного фильма «Рассмешите клоуна» здесь длительное время проживала замечательная киноактриса Галина Польских, которую очень полюбили служащие гостиницы.

Интересно, что многие футболисты киевского «Динамо» времен чемпионата СССР праздновали здесь свои свадьбы.

В 1985 году гостиница была удостоена международной премии «Оскар».

Автор благодарит В. Б. Рутто за помощь в написании этой статьи.

Дворец спорта

Открытый в 1960 году киевский Дворец спорта (архитекторы М. Т. Гречина и А. И. Заваров) сразу стал одним из лучших спортивных сооружений Украины. Очень удачно расположившийся в центре города, он стал местом проведения спортивных соревнований самого высокого уровня – здесь проходили не только чемпионаты СССР, но и крупные международные соревнования по хоккею, баскетболу, гимнастике, борьбе, боксу.

Со временем городские власти стали успешно использовать Дворец и для других целей. В зависимости от вида зрелищных мероприятий трибуны его вмещают от 8,2 до 11,7 тысяч человек, а это большие доходы от продажи билетов. Здесь начали устраивать концерты, общественно-политические мероприятия, выставки, демонстрировать кинофильмы и т. д. Например, киевская премьера кинокомедии Л. Гайдая «Кавказская пленница» состоялась именно во Дворце спорта. В конце 60-х с его сцены покорила своими неординарными выступлениями киевлян (и особенно киевлянок) югославский эстрадный певец Джордже Марьянович. Яблоку негде было упасть во время его концертов! Любопытно, что впоследствии Марьянович женился на киевлянке.

В 70-х на сцене Дворца ежегодно проходило популярное в то время эстрадное шоу «Мелодии друзей» с участием артистов социалистических стран.

С тех пор здесь пели постоянно! А после успешного проведения здесь в 2005 году юбилейного международного конкурса «Евровидение» стало и вовсе непонятно, почему Дворец по-прежнему называется спортивным.

Сегодня хочется надеяться, что многочисленные выставки сантехники и ярмарки стройматериалов потеснятся и сюда смогут вернуться украинские спортсмены.

Улица Дмитриевская: от босяцкого магазина до кинотеатра «Коммунар»

Возникнув под именем Дмитриевской, улица, берущая свое начало от площади Победы, успешно сохраняла это название до 1939 года и вновь вернула его в 1993 году.

Полагают, что названа улица в честь киевского купца А. Дмитриева, который во второй половине XVII века поставлял из Киева в Москву местные зерно, грецкие орехи, яблоки, а также приобретенные им в европейских странах ткани, ювелирные изделия, оружие и другие товары. Проживал купец как раз в районе нынешней улицы Дмитриевской.

А вот в период с 1939 по 1993 гг. улица называлась именем Вячеслава Рудольфовича Менжинского, советского государственного и партийного деятеля. Интересно, что во время немецкой оккупации (1941–1943) улица носила имя украинского писателя Василя Стефаника.

XX век

Начинается улица с бывшей Галицкой площади. Раньше здесь гудел одноименный базар, названный впоследствии Еврейским (в дореволюционное время властями здесь было установлено одно из мест компактного поселения евреев), или коротко – Евбазом. Сейчас на этом месте находится киевский цирк. Заканчивается улица на Лукьяновской площади.

До 50-х годов прошлого века по Дмитриевской, 2 располагался очень красивый дом с мансардой, построенный в стиле венского ренессанса. На первом этаже был комиссионный магазин и аптека с французской надписью Pharmacie.

Когда-то здесь находилась Железная церковь (церковь Иоанна Златоуста), которая успешно пережила пожар 1884 года, однако после перевода в 1934 году столицы Украины из Харькова в Киев была снесена, как и многие другие храмы в то время.

В районе пересечения с улицей Павловской некогда находился колбасный цех фабрики Карла Бульона. Там же на пяточке работали популярные рыбный, мясной и овощной магазины.

На первом этаже дома по Дмитриевской, 1, принадлежавшего жене полковника Вере Колядко, в разгар Первой мировой войны (в мае 1916 года) был открыт

- ▲ Трамвайный вагон МТВ-82 на улице Дмитриевской
- ▼ Старая застройка на углу улиц Дмитриевской и Павловской. 1980-е гг.

Малый театр миниатюр. А после 1918-го здесь уже был кинозал, который вскоре переоборудовали под продовольственный магазин, прозванный в народе «босаяцким». Этот магазин просуществовал до 70-х годов. Сейчас здесь акционерное товарищество «Кий Авиа».

В послевоенное время в этих местах, в подвалах домов с проходными дворами, были места воровских малин, где находили себе пристанище уркаганы, залетные, блатные... Однажды милиция устроила здесь крупную облаву. Однако, проникнув в подвал, милиционеры сами оказались в ловушке: бандиты выбрались через люк, выходящий в одну из квартир на первом этаже, а затем закрыли вход в подвал снаружи здания огромным амбарным замком.

Сегодня в проходных дворах Дмитриевской под тенистыми ореховыми деревьями пенсионеры играют в домино.

На трамвае до «Коммунара»

Минуя здание почты на пересечении с Полтавской улицей, трамвай подъезжал к кинотеатру «Коммунар». Экономя три копейки на трамвайном билете, десятки детей из близлежащих районов каждое воскресенье спешили сюда на десятикопеечные детские сеансы. А благодаря сэкономленным копейкам перед сеансом можно было купить не водянистое молочное мороженое за 9 копеек, а вкуснейший пломбир с кремовыми розочками в вафельном стаканчике или шоколадное эскимо в блестящей серебряной фольге.

Сегодня на месте любимого когда-то детворой «Коммунара» возведен кинодворец «Киевская Русь». Но с ностальгической грустью вспоминается тот старый кинотеатр, в большом зале которого подпорные колоны мешали просмотру фильма, закрывая собой часть экрана, а в малом зале не был выполнен подъем пола, и кресла стояли не по диагонали, а одно за другим.

Европейская площадь

С начала XIX века площадь была известна под названием Конной: здесь размещалась конная ярмарка. А вот первый жилой дом на площади появился в 1805 году.

Когда по проекту архитектора А. Н. Меленского на месте нынешнего Украинского дома был построен первый Городской театр, площадь стала называться Театральной. В 1851 году вместо снесенного театра построили гостиницу «Европейская» (архитектор А. В. Беретти) – и площадь соответственно переименовали в Европейскую.

В 1880 году на месте нынешней гостиницы «Днепр» было построено здание Славянского собрания. А в 1882 году по проекту архитектора В. Н. Николаева возвели здание Купеческого собрания (ныне это филармония). В 1911 году площадь стала называться Царской: здесь был установлен памятник императору Александру II (итальянский скульптор Э. Ксименес). С приходом советской власти ее в очередной раз переименовали: она получила имя III Интернационала. В 1944 году она уже площадь Сталина, а с 1961 года – площадь Ленинского комсомола.

И только в 1991 году площади вернули название Европейская.

Неповторимость этого места связана с тем, что к площади примыкают расположенные на киевских склонах живописные парки. Первый парк здесь был заложен еще в 1741 году на территории около 20 га. В 1748 году в нем проложили регулярные аллеи и пешеходные дорожки. Со временем за счет благоустройства склонов территория парка расширилась до 50 га. А в 30-х годах XIX века в районе площади был заложен парк «Владимирская горка».

В 1982 году по улице Крещатик, 2 торжественно открыли переведенный с Владимирской, 57 музей В. И. Ленина (сегодня Украинский дом).

До 1977 года существовала трамвайная линия от площади до Подола. Трамвай, ходивший по ней в последние перед закрытием годы, имел номер 16. Это были желтые вагоны киевского производства, прозванные в народе «тяни-толкай». Конечная остановка трамвая была у здания филармонии, кольца здесь не было – был тупик, в котором эти двусторонние вагоны меняли направление движения (кабины водителя были с обеих сторон).

К зданию филармонии примыкало несколько телефонных будок, которые были любимым местом встреч молодежи в середине прошлого века.

Поднявшись в то время по ступенькам, расположенным левее здания филармонии, народ попадал на каштановую аллею, вдоль которой, как и на площади, стояли стенды с газетами на русском языке всех союзных республик. Эта аллея с удобными парковыми скамейками вела к старинной летней концертной площадке, на которой выступали артисты, музыканты, куплетисты, читались лекции о происках мирового империализма и о жизни на других планетах. Пройдя немного вперед, отдыхающие попадали на смотровую площадку, с которой открывался чудесный вид на Днепр и Подол. Пешеходные аллеи вели отсюда к ресторанам «Кукушка», «Ривьера», многочисленным летним кафе и просто столикам с выносной торговлей пивом, лимонадом, бутербродами и пирожными. Рядом со смотровой площадкой находилось летнее кафе с народным названием «Слоник» (по-видимому, из-за фигурки слона на клумбе). Особенно любили это кафе студенты. Небогатый народ, они обычно приходили сюда со своей выпивкой, купленной в ближайшем гастрономе. Мест за столиками всегда хватало, а пустые бутылки с удовольствием забирали работники кафе.

Чуть ниже располагался городок аттракционов «Містечко розваг» с качелями, каруселями, комнатой смеха, самолетами, делающими «мертвую петлю», площадками для настольного тенниса, колесом обоза и т. д.

Ниже городка аттракционов функционировала знаменитая киевская летняя танцплощадка, прозванная в народе «Жаба». Думаю, называлась она так потому, что ее деревянные конструкции были выкрашены зеленой краской и сама она как бы притаилась в овраге. На танцплощадке все мероприятия проводились согласно утвержденной инструкции. Так, за одним медленным танцем (фокстрот или танго) шли три бальных: краковяк или па-де-эспани.

Еще было чудесное летнее кафе в начале Владимирской горки, чуть выше которого функционировал летний кинотеатр. Стенд с рекламой фильмов находился на площади перед аллеей, ведущей на гору.

- ▲ Площадь Сталина (ныне Европейская). 1950-е гг.
- ▼ Автостанция около Житного крытого рынка на Подоле. 1980-е гг.

Запомнились посещения стереофонического кинотеатра «Днепр» в Пионерском парке, примыкающем к площади. Построен он в 1936–1937 гг. по проекту студентов архитектурного факультета Киевского художественного института под руководством профессора В. И. Заболотного. В кинотеатре по обе стороны экрана висели два громадных портрета вождей мирового пролетариата: Ленина и Сталина. А вблизи кинотеатра, на одной из аллей парка, по воскресеньям нелегально собирались вечно гонимые милицией филателисты и нумизматы. Как интересно было рассматривать красочные марки с тропическими животными и прекрасными заморскими пейзажами! Это были марки колоний: португальской Анголы, бельгийского Конго, французской Экваториальной Африки...

Каким же общедоступным был отдых в те времена! Атракционы, танцплощадки, кинотеатры работали за чисто символические деньги. Сейчас об этом приходится только мечтать.

Базарная площадь на Подоле

*Базарная площадь на Подоле
Серебрился серенький дымок,
Таял в золотых лучах заката.
Песенку принес мне ветерок,
Ту, что пела милая когда-то.
Город познакомил нас с тобой,
Лагерь нам принес печаль-разлуку.
Суд на наше счастье и покой
Поднял окровавленную руку.*

Уже с утра с тыльной стороны кинотеатра «Колос», который находился рядом с базаром, в 50-60-е годы прошлого века собирались на скамеечках пьяницы, венерики, воры, спекулянты и другой потрепанный жизнью люд. И звучали под гитару песни улиц, подобные этой, которые никогда не исполнялись в эфире или на эстраде, но все равно жили в народе.

Житний рынок на Подоле известен еще со времен Киевской Руси. Старинная река Глубочица делила площадь базара на две части. Ныне на месте реки проходят улицы Верхний и Нижний Вал, а Глубочица течет под ними, в подземном коллекторе, но уже в виде не реки, а ручейка.

Сломать легче, чем построить. Реконструкция старой части Подола повлекла за собой снос многих зданий, оказавшихся в границах прохождения подольской линии метрополитена (открыта в 1976 г.), и в месте открытого в 1980 году современного здания Житнего крытого рынка. Все это сильно изменило исторический облик местности, примыкающей к базару. Печально наблюдая за всем этим, коренные киевляне даже письменно обращались к властям в робкой надежде сохранить для потомков исторический облик этих мест. Со страниц газет власти отвечали народу, что незачем сохранять старые деревянные домики, несуразные в

архитектурном отношении: «Время безжалостно, они свое отжили и сегодня уже не представляют никакой исторической ценности!»

В 1977 году снесли и кинотеатр «Колос». Этот деревянный не отапливаемый в зимнее время кинотеатр был в свое время переделан из мануфактурного магазина. Находился он между двумя колеями трамвайных линий, впритык примыкавшими к стенам зрительного зала. Во время просмотра зрители часто вздрагивали от грохота проезжавших мимо трамваев. В кинотеатре не было не только буфета, но даже туалета. Ближайший туалет находился на Житнем базаре.

Кинотеатр страдал от пожаров. В первый раз он сгорел до фундамента в 1953 году, сразу после смерти Сталина, но был восстановлен. А вот после второго возгорания, не столь крупного, на кинотеатр махнули рукой и не стали восстанавливать, а просто снесли.

Больше чем рынок

Открытый в 1980 году Житний рынок – крупнейший в Европе. Он имеет 1350 торговых мест и еще 600 рядом на открытых площадках.

В послевоенное же время базары были основным источником существования киевлян. И Житний всегда являлся главным торговым центром города, чему способствовала близость речного порта. Немногие знают, что птичий рынок в послевоенное время находился рядом с Житним базаром в районе нынешних Кожемяк. А перед кинотеатром «Колос» гастролировал передвижной зоопарк, а также знаменитый аттракцион «Мотоцикл на вертикальной стене». Сначала аттракцион выполняли муж и жена Солошенко, а впоследствии АРВАС и братья Плетневы. Для самых маленьких работала детская карусель.

Во все времена был актуальным вопрос поддержания должного санитарного состояния города, особенно вблизи мест торговли. Интересно, что в послевоенные годы мусорные бачки хранились во дворах в закрытых (в отличие от нынешнего времени) помещениях – мусорных сараях. Ворота дворов на ночь дворники закрывали на цепь, оставляя щель для посетителей. Каждое утро в 5 часов дворник вывозил на улицу бачки – оцинкованные выварки с ручками. Подъезжала конка с высокими бортами и дворник вываливал в нее мусор. Затем завозил бачки на тачке во двор и промывал их водой. За чистотой зорко следила не только районная санэпидстанция, но и участковый милиционер. Сарай, где хранились мусорные бачки, регулярно мылся – не реже раза в неделю.

Когда в далеком 1947 году закрыли киевский Евбаз (Еврейский базар), то «темный» базарный люд разбрелся по другим рынкам, в том числе попав и на Житний. Благо близлежащие дома были отличным местом для сбора всякого рода блатных компаний. Выше располагались ночлежки, тайные притоны, а также хорошие места для ночевки под открытым небом для нищих и бродяг.

Разделенный надвое рынок представлял собой торговые ряды, окруженные деревянными галантерейными рундуками, внутри которых сочетание запахов мыла,

кремов и кожи создавало сложный, неповторимый и уникальный запах детства киевлян послевоенного времени.

Вокруг рынка было сосредоточено множество еще дореволюционных домов с обшарпанными фасадами и грязными, воняющими котами и гнилой капустой подъездами. На вторые этажи этих домов вели скрипучие деревянные лестницы. Однако радовала взгляд и своеобразная эстетика: в окна между рамами помещали вату, а на нее прикрепляли елочные игрушки, которые не убирались и в летнее время. На стороне базара, примыкающей к Фроловскому монастырю, был колхозный рынок, а со стороны горы Щекавицы – мелкие торговые лавочки и ремонтные мастерские. Сегодня мало стало ремонтных мастерских – сейчас легче выбросить сломанную вещь и купить новую.

А еще на базаре за 30 копеек можно было попробовать прекрасное молдавское вино прямо из бочки.

Несмотря на то что рядом с базаром, на Кожемяках, квартировалась конная милиция, базарное жулье успешно работало на Житнем. Были известны места сбыта ворованного и цены. Например, украденные часы стоили три рубля.

На Жилианской

Существует несколько версий о происхождении названия улицы: от имени языческой древнеславянской богини печали Жели (Жали); от древнегреческого, якобы жившего здесь, народа – гелонов («желонов» по-украински); от гипотетического стародавнего (до V века) названия Киева – Гелон; от древнеславянского «жал» – берег реки; от жилки – рыбки, плававшей в древней Лыбеди; от переселения сюда в XVII веке новых поселенцев, в результате чего местностью приобрела обжитой, «жилой» характер. А в летописях с 1093 по 1163 годах упоминается небольшая речка Желань (Жалина, Желяна). На этой территории обнаружены остатки курганов скифского периода и памятники культуры времен Киевской Руси.

Кроме Жилианской улицы в Киеве существует и Набережно-Жилианская. А нынешняя улица Эренбурга до 1974 года называлась Новожилианской.

Улица Жилианская в 1926 году была переименована в Жадановского (участник революции 1905–1907 гг. и гражданской войны) и только в 1993 году вернула себе историческое название.

Сегодня на Жилианской можно увидеть рестораны, салоны красоты, офисы коммерческих фирм. А вот в послевоенное время, когда трамваи еще не поворачивали к вокзалу по Старовокзальной, а шли до улицы Коминтерна, – предназначение большинства помещений было сугубо производственным. На улице интенсивно работали заводы – молочный, «Трансигнал», «Ленинская кузница», ТЭЦ-3, швейная фабрика имени Горького, всевозможные артели и склады. Несмотря на это, на Жилианской до настоящего времени сохранились прекрасные здания. Так, главный фасад дома № 120-а выполнен в стиле флорентийского ренессанса, за основу его архитектурного решения взят дворец великого князя Владимира Алек-

сандровича на Дворцовой набережной в Петербурге. Пятиэтажный дом № 41 построен в стиле неоклассики и модерна. А четырехэтажный дом № 96 со сложным рисунком балконных оград примечателен тем, что в 1912–1940 гг. здесь проживал выдающийся украинский актер, режиссер и театральный деятель Панас Карпович Саксаганский.

В 1935 году большевиками была разрушена прекрасная Ильинская церковь, которая располагалась на углу с улицей Коминтерна.

Оказавшись в послевоенное время на улице Жилинской в месте, где она встречается с нынешней Паньковской, вы попадали в стихию немощеных дворов с развешенным бельем, голубятнями, сараями, дощатыми дворовыми уборными и лужами у водоразборных колонок...

В доме № 55 когда-то был кооператив железнодорожников. В его огромном хозяйстве работало ремонтно-строительное управление с пилорамой и мастерскими. В доме № 53 находилась конюшня со множеством телег. Рядом работали угольный и дровяной склады. В доме № 51 была швейная артель глухонемых. А вот в доме № 41 гормолзавод имел великолепный клуб с кинозалом, где по средам, субботам и воскресеньям показывали для киевлян художественные фильмы. Кстати в клубе работал неплохой буфет с пирожными и лимонадом.

Напротив дома с аптекой (№ 55) находились усадьбы с палисадниками. В дореволюционное время киевские власти специальным указом разрешили заводить небольшие палисадники под окнами первых этажей зданий. Память сохранила воспоминание, как киевляне поливали из леек клумбы с ослепительно сверкающими от солнца и воды маргаритками, незабудками, гвоздиками, георгинами, ноготками, пионами...

Запомнилась улица и множеством пунктов приема стеклотары. Располагались они преимущественно в полуподвальных помещениях и собирали огромные очереди. Кстати, в то время принимались и пустые бутылки из-под шампанского. В них впоследствии заливалось плодово-ягодное вино. Стоимость пустой поллитровой бутылки была 12 копеек, а буханка черного хлеба стоила 14 копеек, сто граммов вареной колбасы – 21 копейку. Однако сдать бутылки было непросто: все время заканчивалась тара! Интересно, что в пунктах приема стеклотары рядом с объявлениями о стоимости посуды разных объемов можно было увидеть постановление партии и правительства о борьбе с пьянством и алкоголизмом, а также выразительные карикатуры на красноносых пьяниц, которые обычно заканчивались стихами типа:

*«Увидев безобразие,
Не проходите мимо!»
(В. Маяковский)*

Впрочем, посуду (от минералки, соков, молока) сдавали не только алкоголики, но и умеренно пьющие, и вовсе непьющие граждане.

▲ Каштаны на Крещатике. Начало 1990-х гг.

Хотя таких людей больше интересовали расположенные во дворах зеленые здания пунктов приема макулатуры, за несколько килограммов которой можно было приобрести раритеты, например, книгу У. Коллинза «Женщина в белом».

Символ Киева

Известный исследователь Киева М. Ф. Берлинский (1776–1848) в одной из своих рукописей отметил, что на киевском Подоле среди ореховых, абрикосовых и других фруктовых деревьев появилось красивое декоративное дерево – конский каштан, – цветущее бело-розовыми цветками пирамидальной формы. Завезено это дерево в Киев было предположительно из Венгрии. Осенью оно приносит плоды, которые, в отличие от плодов каштана обыкновенного, завезенного в западную Европу из Италии, несъедобны. Каштановое дерево полюбилось киевлянам из-за своей красоты. Интересно, что в старом (верхнем) Киеве каштановых деревьев в то время не было, т. к. в этих местах тогда не было садов. Только в 1839–1849 гг. по проекту архитектора В. И. Беретти был заложен Бибиковский бульвар (Д. Г. Бибилов в то время был генерал-губернатором Киева). Ныне это бульвар Тараса Шевченко. Сначала на бульваре высадили каштаны, однако царю Николаю I развесистые кроны деревьев не понравились. Тогда в течение ночи все каштаны были выкорчеваны и заменены пирамидальными тополями, что придало бульвару бо-

- ▲ МТБ-82 - знаменитый «синий троллейбус» на Крещатике
- ▼ Открытие маршрута № 18. Первые «Шкоды» 8Тр на Подольском спуске. 1960 г.

лее величественный вид. А выкорчеванные деревья киевляне подобрали и посадили во дворах своих домов. Это привело к распространению каштанов по всему Киеву, результат чего можно увидеть и сегодня.

В советское время соцветие каштана было основным элементом герба города. Оно и сегодня красуется на коробке киевского торта – «визитной карточки» Киева.

Синий троллейбус

*Когда мне невмочь пересилить беду,
когда подступает отчаянье,
я в синий троллейбус сажусь на ходу,
в последний, в случайный...*

Когда звучит эта песня Булата Окуджавы о синем троллейбусе, выручавшем из беды запоздалых пассажиров, немногие знают, что речь идет о конкретном типе троллейбусов, курсировавших по Киеву и другим городам бывшего Советского Союза с 1947 до начала 1970-х годов. В Киеве последний троллейбус этого типа был списан в 1974-м.

На просторной задней площадке таких машин молодежь устраивала импровизированное пение под гитару. Кстати, на подобной «эстраде» прошли и первые выступления самого Окуджавы. Вспомним кадры из фильма «Цепная реакция» о Московском международном фестивале молодежи и студентов в 1958 году: Булат Шалвович исполняет под гитару свои песни, сидя на задней площадке того самого синего троллейбуса.

В Киеве новые комфортабельные цельнометаллические троллейбусы появились в 1948 году. Это была первая послевоенная серийная марка троллейбусов, производство которых было налажено в СССР. Они отличались большой надежностью, но низкой вместимостью.

После списания в начале 70-х синий троллейбус продолжал служить людям в качестве складов и дачных бытовок.

Крутой маршрут

В 1960 году был открыт новый троллейбусный маршрут № 18, связавший центр города (площадь Калинина) и Курневку (ул. Сырецкая). Троллейбус, покрыв популярный маршрут № 4, делал маневр по Лукьяновским переулкам и следовал далее по Подольскому спуску. Этот спуск был не очень крутым, но затяжным.

Киевляне воспользовались опытом предприятия «Крымтроллейбус», имевшего дело с обслуживанием специфической крымской трассы. Крымчане закупили в Чехословакии машины фирмы «Шкода», которые отлично справлялись с горными уклонами. Это была первая марка импортных троллейбусов, поставляемых в СССР. С 1959 года они стали работать в Крыму, а с 1960 года – в Киеве на маршрутах № 18 и 20.

Этапы большого пути

От Майдана Незалежности до улицы Сошенко курсирует ныне троллейбус № 18. Как же менялось движение троллейбусов этого маршрута, начиная с 1960 года?

В июле 1960-го был открыт маршрут от площади Калинина (ныне Майдан Незалежности) до улицы Сырецкой. И сразу начались испытания!

13 марта 1961 года на Куреневке по ходу троллейбуса произошла авария дренажной системы, в результате чего несколько месяцев маршрут не работал, а затем был восстановлен.

В 1963 году маршрут продлен до Д/О Водников (площадь Т. Шевченко).

1971 год – на маршруте появились первые троллейбусы-поезда (два соединенных вагона), что значительно увеличило мощность пассажиропотока.

С 1972 года троллейбус начал ездить по улице Герцена. Ранее на ней располагалась дача Хрущева, который хоть и любил троллейбусы, но предпочитал, чтобы они не ездили мимо его окон. В конце 1971 года эта дача передана Министерству Здравоохранения.

1980 год принес новую трагедию. При подъеме на ул. Михайловскую сцепка двухвагонного поезда разорвалась, и оба вагона ударились о стену дома.

В 1981 году маршрут изменился: спуск от площади Октябрьской революции стал осуществляться по улице Софиевской, а подъем – по Малой Житомирской.

В 1998 году была изменена схема движения после подъема от Майдана Незалежности: от Малой Житомирской троллейбус следует по Владимирскому проезду, улице Владимирской и уже затем выезжает на Большую Житомирскую.

Поселение звалось Куреневкой

История

Эта местность, расположенная между Подолом, Оболонью, Приоркой и Сырцом, упоминается также как Куренивщина, Кореневка, Коренивщина, Коренювщина. Современное название произошло от «куренив», которые здесь ставил приграничный казачий гарнизон. В 1630 году эта местность впервые упоминается как поселение.

На Куреневке были обнаружены многочисленные памятники давних культур: пещеры общинно-родового периода, римские монеты начала I тысячелетия н. э.

В XVIII веке Куреневка уже принадлежала Киевскому магистрату, превратившись в один из пригородных районов огородничества и садоводства.

В начале XX века здесь разворачивается интенсивное промышленное строительство. Возводятся сахарный, кожевенный, кирпичный заводы, трамвайный парк, обувная фабрика и другие предприятия, строятся школа, поликлиника, предприятия бытового обслуживания. На месте старых кирпичных заводов закладывается парк, который до войны назывался парком имени Ежова. Развивается и один из

старейших в стране трамвайный парк имени Красина. У подножья Кирилловских высот сооружается стадион «Спартак».

Однако Куреневка еще долгое время оставалась поселением с небольшими домиками частного сектора.

Живописные места

Поднявшись на Кирилловский холм вблизи стадиона «Спартак», видим Кирилловскую церковь, стоящую на древних пещерах. Построена церковь в XII веке. В XII-XIII веках храм был княжеской усыпальницей. В 1194 году здесь похоронен князь Святослав Всеволодович, один из персонажей «Слова о полку Игореве». В 80-х годах XIX века в церкви проводились большие реставрационные работы. Их выполняли преподаватели и учащиеся Рисовальной школы Н. И. Мурашко, а также художник М. А. Врубель.

Куреневка во все времена привлекала к себе художников памятниками, старинными церквями, зелеными холмами, ярами и озерами... Эти места рисовали М. Сажин, Ф. Солнцев, С. Светославский, Ф. Красицкий.

Около птичьего рынка стоит замечательное здание школы, сооруженное в 1911–1914 гг. по проекту архитектора-художника В. Г. Кричевского в стиле украинского модерна. В довоенное время здесь размещалась трудовая школа № 14, где преподавал И. Ижакевич.

А вот история дома № 5 по улице Вышгородской связана с последним приездом в Киев Т. Г. Шевченко. Он жил здесь в семье С. Лободы. Шевченко рисовал Киев, причем не только его величественные сооружения, но и скромные уголки. Дом на Вышгородской, 5 отстроен в 1989 году к 175-летию со дня рождения великого Кобзаря.

После войны

Любимым местом развлечения местной молодежи был куреневский парк им. Ежова. В послевоенное время на месте парка находилась металлобаза, рельсосварочный завод. Здесь же проходила железная дорога, а рядом было множество ангаров и складов. Местные мальчишки воровали с этих складов яблоки.

В 1959 году парк восстановили, назвав именем М. В. Фрунзе. Оборудовали летнюю эстраду, игровую детскую площадку, где качели, карусели, горки были изготовлены из дерева. Открылись шахматный и танцевальный павильоны, площадка для настольного тенниса. Была построена и летняя танцплощадка, прозванная местным народом «Крокодилчик». Кстати, это название для Киева – уже своеобразная традиция: в центре в то же время работали танцплощадки «Жаба» и «Кукушка», а рядом функционировало летнее кафе «Слоник».

Не успев открыться, в 1961 году парк был разрушен вследствие техногенной катастрофы – прорыва дамбы в искусственном водоеме, что в 1950-х годах был намыт в верховьях Бабьего Яра. Катастрофа вошла в историю как Куреневская трагедия.

▲ ???
▼ ???

Но жизнь продолжается. Парк восстановили. На месте летней танцплощадки выросло здание клуба «Современник» (ныне это клуб «Голливуд»).

С улыбкой вспоминается, как в 70-х дружинники отлавливали в парке стилиг с длинными волосами и стригли их ножницами. В те времена в бутылки из-под шампанского на заводе заливались дешевые вина «Солнцедар», «Солнце в бокале» и другие. В народе эти напитки назывались «чернилом», или «бормотухой». На парковых скамейках молодежь «заряжалась» перед танцами этой «бытовой химией», закусывая обычно плавленым сырком «Дружба».

И все же почему-то хорошо вспоминается то время – время стихов, песен под гитару, комсомольских строек, выступлений коллективов художественной самодеятельности и многих других незамысловатых развлечений...

Новый 1955 год

Новогодний Подол

Глубоким снегом занесло покосившиеся деревянные домики. Виден дымок из трубы. Вокруг тишина и покой...

Сапожники, жестянщики и портные, в летнее время работающие на улице, с приходом холодов прятались в тесные с низкими потолками хибарки-пристройки. Эти хибарки строились из случайных материалов. Только дети, допоздна катавшиеся на санках, не боялись ветра, гнавшего в лица мелкую колючую снежную крупу. Во все времена дети подвижны и веселы. Они с нетерпением ждали Нового года, Деда Мороза со Снегурочкой и, конечно, подарков.

С многочисленных подольских горок, изрезанных оврагами, в преддверии каждого Нового года можно было видеть, как на огромных трубах ТЭЦ-2 электрическими лампочками высвечивали наступающий год, например «1955» – на каждой трубе по цифре высотой более 10 метров.

На Подоле большие нарядные елки устраивали в районе нынешней автостанции, а также на Красной (ныне Контрактовой) площади в скверике напротив Подольского универмага. Рядом с елкой сооружались киоски-городки из сборных деревянных конструкций, где продавали елочные игрушки, гирлянды, хлопушки. Детские новогодние утренники по пригласительным билетам проходили в клубе «Пищевик», а также в многочисленных заводских клубах и актовых залах предприятий. Сотни детишек в новых спортивных костюмах с начесом и в вельветовых костюмчиках на молниях участвовали в многочисленных играх, конкурсах, представлениях и радовались подаркам, в которых были конфеты и несколько мандаринок.

Для молодежи на стадионе «Спартак» заливали каток, который работал всю зиму.

31 декабря жители Подола, как и все киевляне, включали свои телевизоры марки «КВН-49» с толстой, заполненной глицерином линзой, и смотрели «Голубой огонек», причем в прямой трансляции: видеозаписи тогда еще не практиковались.

В борьбе за елку

Елочные базары за зелеными деревянными ограждениями работали и в послевоенное время. Однако тогда там продавались жалкие подобию пушистых елочек – палки. Хорошую елку покупали обычно с рук.

А вот любители срубить елочку в лесу подвергались риску встречи с милицией и дружинниками. И если милиционерам привычно было бороться с такими явлениями, то дружинники рисковали – нарушители ведь были с топориками! Браконьеры, срубив в лесу елочки, прятали их в целях конспирации в футляр из-под контрабаса и таким образом перевозили товар.

Зарабатывали на елках и по-крупному. Например, едет машина из какого-нибудь лесхоза с полным кузовом елок. В накладной указано: 1000 штук, а на самом деле – 1500. Но кто же будет их пересчитывать?

И вот елочка дома, украшенная бумажными гирляндами, орехами в фольге, шоколадными конфетами на ниточках: «Белочка», «Ананасные», «Мишка», «Красный мак»... Под елкой – тряпичный, обмазанный для блеска крахмалом Дед Мороз. После встречи Нового года дети ножницами срезали конфеты. Конфеты с елки почему-то были вкуснее!

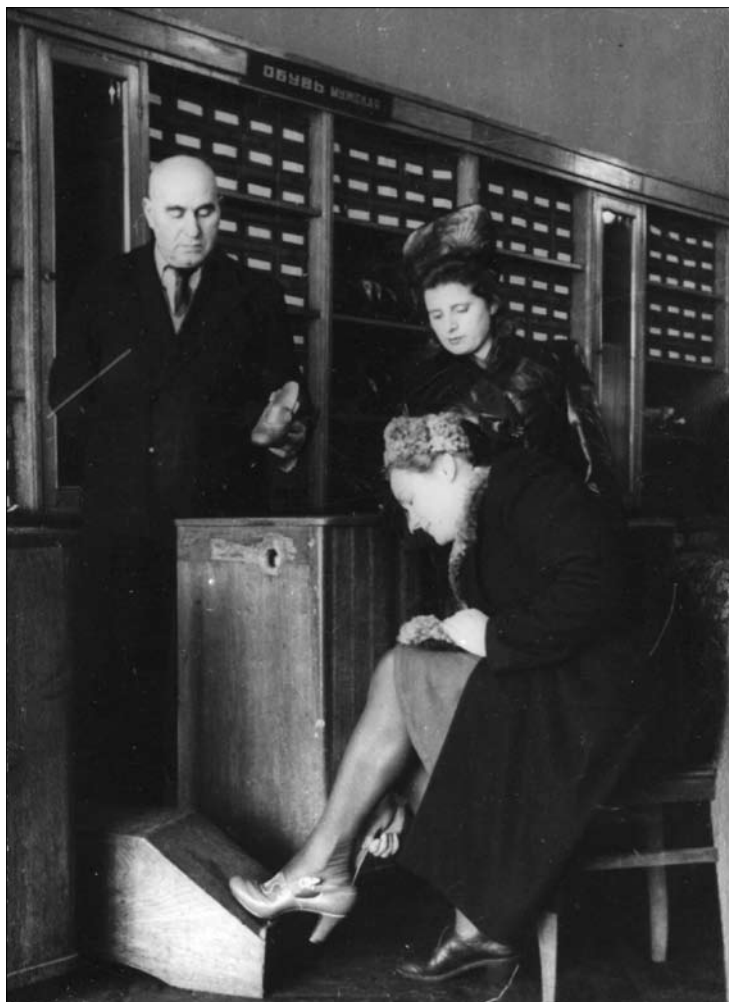
Приключения Дедов Морозов

В пятидесятые годы в Киеве стали практиковать выезды Деда Мороза со Снегурочкой на квартиры с новогодними подарками. Но в отличие от нынешних времен, когда такие заказы поступают в основном от коммерческих фирм и «новых украинцев», тогда эта работа проводилась по линии профсоюзов. На дому поздравляли передовиков производства, пенсионеров, инвалидов, больных, ветеранов.

А для поздравляющих такие поездки оборачивались непременно угощением со спиртными напитками. Посетив несколько квартир, Деда Морозы были уже «готовыми»: в шапках набекрень и со сползшими бородами. И снова появлялась работа для дружинников!

Одежда и еда – часть нашего бытия

Посреди Контрактовой площади и сейчас можно увидеть построенное в 1828 году каменное здание, составляющее Киевский гостиный двор. Это прообраз нынешнего супермаркета с торговыми залами, подвалами, складами, внутренним двором для погрузочно-разгрузочных работ, швейными и ремонтными мастерскими... Там же в довоенное время находилась торговая точка «Сорабкапа» – Киевского

Примерка модель-
ной обуви. 1950-е гг.

центрального рабочего кооператива. «Сорабкоп» имел в Киеве более 200 магазинов – бакалейные, винные, гастрономические, мануфактурные, галантерейные, дровяные, хлебные, мясные и т. д.

Гастрономы и универмаги

«Сорабкопы» появились как государственные трудовые кооперативы в противовес нэпманским частным лавочкам. Товары здесь стоили гораздо дешевле, чем у частников, но продавались только по предъявлению трудовой книжки. Уже после войны подобные магазины получили прозаические названия: «Га-

строном», «Овощи и фрукты», «Хлеб», «Молоко». Товар в них преимущественно продавался на вес.

Интересно, как название хлеба менялось в зависимости от политической обстановки. Например, после войны «французская» булочка была переименована в «городскую», а «хала» (еврейское название булки) стала «плетенкой».

Продавались дунайская селедка и хамса из Одессы. Сейчас хамсу называют анчоусами. Растворимого кофе не было, только ячменное.

Первые бытовые холодильники появились у киевлян в начале 60-х годов. До их появления хозяйки покупали всего 200-300 грамм мяса. Из него варили бульон для борща или супа, затем перекручивали на мясорубке и делали макароны «по-флотски» на второе.

Обязательным блюдом был винегрет. «Шуба» и «оливье» появились значительно позднее. Ели много картошки. А запивали компотом и чаем с вареньем.

Водку было принято подавать в графинчиках, а не в бутылках.

Мирные трофеи

Для СССР война была первым непосредственным контактом с западным миром. В кинотеатрах стали демонстрироваться немецкие трофейные черно-белые и даже цветные фильмы: «Риголетто», «Флория Тоска», «Венская кровь», «Индийская гробница», «Ешнапурский тигр» и другие.

Советские женщины были поражены разнообразием фасонов импортной одежды, сложным кроем и затейливой отделкой. А трофейное женское белье напоминало вечерние туалеты. Вместо пуговиц, оставляющих на теле следы проехавшего трактора, на нижнем белье начали делать петельки и резинки. В город стало поступать китайское белье с начесом «Дружба». Появились домашние халаты и пижамы, которые заменили домашние костюмы. Но самое главное – цвет белья. Оно становится бежевым, голубым и сиреневым. В Киеве впервые появились цветные капроновые чулки без шва.

Народ начал заниматься поиском этих дефицитных эстетических товаров. Участились зарубежные поездки, из которых советские люди возвращались в стильных костюмах с зауженными брюками, в ярких рубашках, галстуках и носках. Местные портные также стали шить одежду, подобную западной.

В ответ правительство стало клеймить «инакоодевающихся» и обозвало их стилягами. Позднее, в основном по линии комсомола, развернулась широкая борьба со спекулянтами (вспоминаются стенды с карикатурами на киевских площадях), а позднее с фарцовщиками-перекупщиками тряпья у иностранцев.

Полвека за швейной машинкой

«В Киеве я живу с 1949 года. В возрасте 18 лет приехала сюда из Черниговской области и поселилась на Подоле на улице Ярославской. Приняла меня семья из трех

человек: муж, жена и ребенок. Я помогала по хозяйству, ухаживала за ребенком», – вспоминает ветеран труда Мария Тихоновна Фещук.

Важность прописки

Чтобы устроиться в послевоенное время на работу, необходимо было предъявить в отделе кадров паспорт с постоянной пропиской в Киеве или Киевской области. А сельскому жителю сначала надо было получить сам паспорт, который выдавался в райцентре. Для этой цели сначала надо было взять у председателя колхоза разрешение о выезде из села, а получить его было очень непросто.

С большим трудом получив паспорт, я приехала в Киев. Но на работу меня не брали, так как прописка была черниговская. Правдами и неправдами умудрилась временно прописаться в семье на Ярославской улице. Устроилась работать на швейную фабрику имени Смирнова-Ласточкина – «Ласточку», как ее нежно называли работники. Через год, по просьбе хозяина квартиры, я выписалась с Ярославской и прописалась в фабричном общежитии.

Послевоенный Подол

После войны люди жили скромно. В центре комнаты на улице Ярославской стоял стол, накрытый скатертью. Ближе к кухне была кирпичная печка. У окна в кадке росла пальма, на подоконнике стояли горшки бегонии. Около кровати висел коврик с изображением синего озера и двух плавающих лебедей. На стене были фотографии членов семьи с приколотым букетиком бессмертника. Вспоминается еще, что висели на стене вышитые из материи и вправленные в деревянную рамочку двое целующихся голубей. Икон не было, религия преследовалась властью, и их не выставляли.

Все жилые помещения были государственными. Плата за жилье была низкой и годами не повышалась, но никто не имел права ни продать, ни купить комнату или квартиру.

Жилья в послевоенное время не хватало. Люди ютились в подвалах, полуподвалах, в бараках и даже на баржах, пришвартованных к днепровским берегам.

Дома были обшарпанными, имели заброшенный и неухоженный вид. Нередко несколько семей жили в одной комнате. Пищу готовили на примусах. А вот отопление было печное: дрова и уголь покупали на специальных складах. Помню, однажды загорелся дровяной склад на Кожемяках. Затушив пожар, пожарные заодно залили подвальные помещения нескольких жилых домов.

Время строительства хрущевок еще не наступило, так как все силы в стране были брошены на восстановление разрушенных заводов и фабрик.

Однако санитарное состояние города поддерживалось на должном уровне. Во дворе на Ярославской, рядом с уборной, находилось две ямы: одна для помоев (ее периодически засыпали), другая – для сухого мусора, содержимое которой периодически сжигали.

Работа и отдых

На углу улиц Фрунзе и Шекавицкой, напротив церкви царя Константина, стоял пивной ларек. Тут проходили соревнования: кто больше выпьет за вечер пива. Говорят, однажды один биндюжник выпил 22 бокала! Опорожняться от выпитого домой не бегали, просто заходили за ларек.

По Ярославской ходили старьевщики, громко крича: «Старые вещи! Меняем старые вещи!» На них можно было выменять тетради, ручки, перья, карандаши... Ходили и слесари. Они ремонтировали ведра, паяли дырявые кастрюли, лудили их... С точильным станком ходили точильщики ножей и ножниц.

На швейной фабрике имени Смирнова-Ласточкина, где я работала, стали шить платья, костюмы, пальто, рубахи. Однако себе одежду работники покупали на толкучке, которая в то время находилась на Сталинке. Помню, однажды на фабрику поступил кремплен, из которого мы стали шить очень красивые женские платья. Работницы фабрики попросили администрацию разрешить им покупать эти платья. И вот на территории фабрики открыли киоск. Однако, купив кремпленовые платья, мы быстро в них разочаровались. Ведь этот красивый материал не пропускал воздух, и тело в нем не дышало. С тех пор я отказалась от кремплена раз и навсегда!

Кинофильмы мы смотрели в кинотеатрах «Жовтень» и «Колос». В выходные ходили гулять в Первомайский парк и на Петровскую аллею. В парках работали буфеты, где продавалось пиво, лимонад, пирожные. На открытых летних эстрадах играли духовые оркестры. А вот на танцплощадках «Кукушка» и «Жаба» оркестры играли только по воскресеньям. В будни здесь крутили пластинки на радиоле.

Это был короткий промежуток времени, когда наступило некоторое затишье и благополучие. В магазинах наконец появились разнообразные продукты и понемногу стали исчезать очереди. Каждый год первого апреля правительство снижало цены. Кстати, последнее снижение цен произошло 1 апреля 1953 года (уже при Н. С. Хрущеве).

В общежитии на Фроловской, куда я окончательно переехала с Ярославской, мы на жизнь не жаловались. Сбрасывались деньгами и по очереди готовили раз в неделю еду для всех. Из села привозили сало, буряк, морковь, картофель... Девочки из Молдавии угощали нас виноградом, яблоками. Пробовали и прекрасное молдавское вино.

После Фроловской мы с мужем некоторое время жили в общежитии по улице Галицкой, а в 1966 году получили отдельную квартиру на Ветряных горах по улице Межевой. Я перешла работать в ателье на улице Краснопольской.

Пятидесятые годы

Тоска по уюту

Великой победой закончилась война, оставив миллионы одиноких матерей, вдов, сирот. Но так уж устроен человек, что со временем даже большие несчастья отходят постепенно в прошлое.

С фронтов возвращались мужчины, которые после сырых окопов и землянок больше всего мечтали о домашнем уюте и встрече с любимой женщиной. Не имея собственного крова, они засматривались в чужие окна, где под зелеными абажурами люди пили чай с послевоенным пайковым хлебом...

В Киев вернулся так называемый мещанский вкус жизни. Люди стали стремиться к обустройству личного интимного существования, где на переднем плане – быт и семья.

Женские лица гримировались с особой решительностью. Галантерейные лавки предлагали для этих целей недорогие пудры, духи и кремы.

В начале пятидесятых народ стал постепенно избавляться от перелицованных пальто, замасленных гимнастеров и брюк галифе. Появилось импортное нижнее белье, цветные капроновые чулки. Бюстгалтеры и грации стали выпускать новых конструкций: вместо панталон на пуговицах – трусы с резинкой. Вообще исчезло крайне стыдливое отношение к нижнему белью: женщина в бюстгалтере и юбке вместе с мужем в семейных трусах и майке уже не только сажают картошку на огороде и развешивают белье во дворе, но и загорают на пляже.

Особым спросом пользовались домашние пижамы и халаты: китайские с вышитыми розовым шелком драконами, птицами и дуплистыми деревьями. Пижамы и халаты становятся обязательной одеждой для курортного отдыха.

На Подоле, на базаре...

В многочисленных галантерейных рундуках продаются вазочки, сундучки из слоновой кости, фарфоровые фигурки, разыгрывающие жеманные сцены, складные ширмы со сложными рисунками. Хорошо покупаются глиняные кошки-копилки и коврики, на которых изображены картины типа «Рассвет на озере», а также сюжеты с оленями и сценами из испанского средневековья.

В витринах многочисленных фотоателье вокруг Житнего базара – фотографии влюбленных парочек в рамках в виде трафаретных сердечек с неизменными голубками. У влюбленных головы прислонены одна к другой, руки сплетены, глаза полужакрыты.

Молодые люди тогда писали друг другу длинные письма, которые обычно заканчивались стихами собственного сочинения:

*«Из всех моих книжок
Напишу тебе стишок
Разорвись моя утроба
Я люблю тебя до гроба...»*

Или:

«На последнем сем листочке

*Пишу тебе четыре строчки
В знак памяти святой
Ставлю точку с запятой
Если точка та сопридется
Наша любовь разойдется»*

На берегах Днепра

Немного истории

Река Днепр со своими судоходными притоками – Припятью, Сожем, Березиной и Десной – всегда была важнейшим водным путем. С древних времен река соединяла народы севера и юга. Путь этот назывался «из варяг в греки» – из Балтийского в Черное море. С IX до начала XVIII века киевская гавань «Притока» находилась на берегу реки Почайны. Но вот в песчаной косе, отделяющей гавань от русла Днепра, прорыли канал, и Днепр, изменив направление потока, пошел по этому каналу. Днепр размыл песчаную косу и поглотил Почайну. При этом было подмыто и разрушено 300 дворов на набережной Подола.

С того времени на Подольской набережной правого берега Днепра на сравнительно небольшом участке береговой полосы и расположилась пристань, где стали проводиться перегрузочные работы. Скопление складов, наличие горючих материалов, близость стоянки судов и плотов (в том числе и с продуктами питания), заложенная здесь всасывающая труба киевского водопровода, наличие многотысячного отряда сезонных работников, которые одновременно и проживали здесь же на судах, представляли реальную опасность для города в санитарном и пожарном отношениях.

Только в середине XIX века здесь была построена настоящая пристань длиной 1770 метров. Нижняя часть этой пристани стала принимать пассажирские суда. И, наконец, в 1899 году была официально открыта гавань с линией причала 3156 метра. Она стала одной из крупнейших речных гаваней Европы. Большинство грузов доставлялись сюда баржами.

Места отдыха киевлян

Труханов остров во все времена славился своими прекрасными пляжами. В теплые летние дни сюда съезжалось пол-Киева. До войны народ переправлялся на левый берег на огромных баржах, которые отходили от нескольких причалов и никогда не пустовали. В послевоенное время вместо барж стали ходить вместительные катера. В народе такой катер получил название «лапоть».

В районе подольского элеватора находился Спасский причал. Выстояв длинную очередь, люди переправлялись через Днепр на «лапте» к теплому бархатному песку левого берега.

Парковый мост был открыт только в 1957 году, при этом много катерных переправ продолжало функционировать.

Колокол у Речного вокзала. 1978 г.

С того же Спасского причала катера, прозванные «речными трамваями», возили киевлян на Выгуровщину, Наталку, к устью Десны, к садовым участкам: Нижние сады, Русановские сады. С появлением водохранилищ и морей «речные трамваи» стали непригодными для судоходства, т. к. крупная волна захлестывала их. В итоге они пошли на металлолом.

Появились отечественные судна на подводных крыльях: «Ракеты» и «Метеоры». *Речной вокзал*

Ранней весной 1961 года в Киеве был торжественно открыт новый речной вокзал. Его стены облицованы инкерманским известняком, а цоколь сделан из полированного гранита. Башня на крыше завершается шпилем с каравеллой-флюгером. Ее мачты и парус сделаны из дюралюминия, покрытого золотом.

На торжественное открытие прибыли лидер КПУ П. Шелест и другие официальные лица. В присутствии курсантов Военно-политического морского училища, студентов речного техникума, пионеров школ, представителей трудовых коллективов под звуки оркестра речной вокзал был торжественно открыт.

Первые пассажиры получили памятные подарки. Вокзал, рассчитанный на одно-временное обслуживание 550 пассажиров, начал интенсивно функционировать. Огромные «колесные» пароходы работали здесь в первое время. Например, только до Херсона ежедневно ходило два парохода – один грузовой, другой пассажирский. Затем пароходы сменили судна на воздушных подушках – «ракеты» и «метеоры». Они ходили до Черкасс, Запорожья, Днепропетровска, Кременчуга, в Белоруссию – до Мозера, Гомеля.

Ветеран труда Григорий Лющенко, который принимал участие в строительстве речного вокзала и проработал здесь до ухода на пенсию, вспоминает, как однажды на вокзале появился знаменитый артист цирка и кино Юрий Никулин. В скромном костюме и кепочке, он ожидал катера в сторону Канева.

– Простите, вы товарищ Юрий Никулин? – спросили мы.

– Да, – улыбнулся артист.

Пассажиры и работники вокзала окружили его. Говорили о красотах Киева и Днепра, вспоминали тяжелые бои во время войны. В конце Никулин рассказал несколько смешных анекдотов.

А когда рядом с вокзалом снималась знаменитая кинокомедия «За двумя зайцами», в перерыве между съемками на вокзал полюбоваться видом на Днепр пришел знаменитый киевский актер театра и кино Н. Яковченко. Запомнилось почему-то, как остатком своего обеда он покормил местную дворняжку.

Малоллюдно сегодня на речном вокзале. Катера используются в основном для прогулок и экскурсий. Но все равно речной вокзал, напоминающий гигантский белый корабль, остается прекрасным. Кажется, что этот корабль только временно стал на якорь у днепровских берегов.

Родина-мать

На высоком правом берегу Днепра при въезде в Киев со стороны моста имени Е. О. Патона раскинулась обширная архитектурно-пластическая композиция мемориального комплекса «Национальный музей Великой Отечественной войны», доминантой которого является фигура Родины-матери.

9 мая 2006 года исполнилось 25 лет со дня открытия этого комплекса. Открытие памятника запомнилось киевлянам последним приездом в город на открытие комплекса Генерального секретаря КПСС Л. И. Брежнева.

Статуя Родины-матери входит в четверку самых высоких статуй мира: 102 метра от уровня земли (высота здания музея – 40 метров и высота самой статуи – 62 метра). Площадь перед зданием музея может вместить до 30 тысяч человек. Комплекс, занимающий площадь 20 га, удачно завершил систему городских парков,

▲ Строительство памятника Родина-мать и музейного комплекса

расположенных вдоль днепровских склонов от Подола до бульвара Дружбы народов. Мемориал создан по замыслу Е. В. Вучетича коллективом художников, скульпторов и архитекторов.

Следует отметить, что комплекс, посвященный величию подвига миллионов советских людей, защищавших свою Родину, начиная с 90-х годов, стал подвергаться критике. Это и дороговизна работ: только создание скульптуры и пьедестала обошлось в 12 миллионов рублей, а был выполнен, кроме того, и дорогостоящий объем противооползневых работ, и другие спецработы. Упоминалась еще и нежелательность соседства мемориала с гигантской скульптурой со святынями Киево-Печерской лавры. Однако кто в середине 70-х годов (комплекс начали строить в 1976 году) мог поспорить с решениями партии? Ведь даже состав творческих групп комплекса утверждался на заседаниях политбюро.

Любопытно, что еще при царе Александре II на этом месте было задумано построить колокольню высотой 160 метров. Земля эта принадлежала тогда Выдубицкому монастырю. Но монахи Киево-Печерской лавры были против. И только во времена правления Николая II были, наконец, завезены стройматериалы. Но начать строительство помешала Октябрьская революция. В 30-е годы прошлого

века здесь планировали разбить парк культуры и отдыха. Разработан был оригинальный проект, но началась Великая Отечественная война.

А вот исследователи геопатогенных зон Киева считают, что это одна из наиболее крупных таких зон (разлом в земной коре). Она доходит сюда от Зверинецкого кладбища. Археологи находили здесь остатки укреплений петровских времен.

Уже в послевоенное время было принято решение о переносе сюда экспозиций Музея Отечественной войны, находящихся ранее у Кловского сквера и в Пушкинском парке.

На трамвае к Святому лесу

Дачные места

Речь идет об исторической местности в Святошинском районе Киева. В состав Святошина входят Святошинские дачи, Авиагородок и Академгородок. А вот относительно происхождения названия существует несколько версий.

Бытовавшая ранее и наиболее достоверная: название произошло от имени черниговского князя Святослава (в монашестве – Николая Святоши), который якобы владел землями Борщаговки, граничащей со Святошиным. Однако четкого подтверждения о землях этого черниговского князя в летописях нет. По другой версии, в этих местах в старину существовал Святой лес, где было кладбище язычников, предки которых поклонялись своему божеству, а обряды проводили у огромного дуба.

А во времена Великого княжества литовского это была «земля Свенщинська». В письменном упоминании о Святошине в 1619 году эта территория – владение монастырей – грамотой польского короля Сигизмунда III передана киевским мещанам. С 1897 года это уже дачный поселок, разделенный на 450 участков и включающий 20 улиц и переулков, а также базарную площадь.

В 1910 году на территории нынешнего завода «Авиант» существовал аэродром, над которым пилот П. Нестеров в 1913 году впервые осуществил «мертвую петлю».

В границах Киева Святошин с 1923 года. В 1940 году здесь построен Авиагородок, а в 1950–1960 гг. – Академгородок. В 1971–1974 гг. на территории бывшего частного сектора возведен Святошинский жилой массив. Часть старого Святошина в 1988–1989 гг. поглощена новым жилым массивом Беличи.

В начале века сюда стали ходить конка, паровой, а затем и электрический трамвай, что значительно улучшило организацию летнего отдыха киевлян. Это позволило превратить Святошин с его прекрасным сосновым лесом и озерами в курортную зону. Здесь построили санатории, дома и базы отдыха.

На толкучку

В 60–70-х годах прошлого века киевляне с нетерпением ждали выходных дней для поездки в святошинском направлении. Знаете, куда они стремились? Они ехали на трамвае до конечной остановки или по железной дороге до станции «Но-

вобеличи», где работал вещевой рынок – по-народному «толкучка». Уже на подходе к ней были разложены на земле и продавались с рук товары, которые невозможно было найти больше нигде: подшивки дореволюционного журнала «Нива», пластинки-«сорокапятки» Элвиса Пресли (сорок пять оборотов в минуту – тогдашний зарубежный стандарт), книжные раритеты вперемежку с сантехникой, электротоварами, столярными изделиями и запчастями... А рядом – медовые пряники, жареная колбаса и соленые огурчики.

И, наконец, купив входной билет за 30 копеек, киевляне заходили на огражденную высоким деревянным забором территорию самой толкучки. Как там можно было что-то купить или продать – удивляюсь до сих пор. Неуправляемые массы народа, как могучие волны, бросало из стороны в сторону. Но одни, держа в руках товар, а это был в основном импортный ширпотреб (джинсы, батники, кофточки, зонтики, косметика, туфли), умудрялись в этом девятом валу что-то продать. А другие – купить, и даже успевали при этом поторговаться. Мой сосед по коммуналке приобрел здесь американские джинсы, а по приезде домой обнаружил, что они на четыре размера меньше брюк, который он носил.

Закрыли толкучку в самый разгар ее деятельности под предлогом борьбы со спекулянтами и перекупщиками, что, естественно, вызвало шок у киевлян. Ведь многие приходили сюда не только подзаработать на перепродаже, а просто окунуться в уникальный мир разнообразных вещей прошлого и настоящего, побывать на свободном рынке, который так не вписывался в тогдашнее государство, постоянно разоблачавшее происки мирового империализма.

Стадион «Динамо»

До 1695 года на месте нынешнего футбольного поля было озеро, сформировавшееся еще в древние времена в процессе образования рельефа местности. Из озера вытекал ручей, названный впоследствии Крещатиком. Во времена Киевской Руси в этом ручейке, протекающем через Хрещатий Яр, крестили детей великого киевского князя Владимира Святославовича, а в 988 году около места впадения ручья в реку Почайна произошло великое историческое крещение киевлян.

В конце XVII века озеро было засыпано, а ручей уничтожен. В 1863 году здесь, в части Царского сада, с помощью французов было открыто развлекательное заведение Шато-де-Флер (замок цветов). В 1868–1878 гг. по проекту архитектора М. П. Сомонова здесь были построены кафе с танцплощадками, недорогие рестораны, летние театры, оранжереи, сцены для клоунад.

Уже в период социалистического строительства (1934–1936 гг.) появилось сооружение нового типа – спорткомплекс «Динамо» (архитектор В. И. Беспалый).

Наибольший объект комплекса – спортивная арена с трибунами, для устройства которых были использованы естественные склоны Первомайского парка. Арена, спортивный корпус и площадки соединены аллеями с главным входом, оформленным в виде вогнутой колоннады с двумя пилонами, где размещены кассы.

В довоенное время, начиная с 1936 года – года первого чемпионата СССР по футболу, – на стадионе стали выступать футболисты киевского «Динамо». Во время немецкой оккупации стадион «Динамо» был переименован в «Дойче стадион». Над колоннадой немцы установили громкоговорители. После войны основной состав динамовцев стал выступать на Республиканском стадионе, а на стадионе «Динамо» при переполненных трибунах выступали игроки дублирующего состава. Здесь начинали свою спортивную карьеру заслуженные мастера спорта: О. Блохин, В. Онищенко, В. Мунтян, Е. Рудаков и многие другие.

В 1967 году на стадионе был сооружен первый в Украине открытый плавательный бассейн с подогревом воды. К сожалению, сейчас его уже нет.

В 1977–1980 гг. в процессе подготовки к Олимпиаде-80 стадион был реконструирован.

Сегодня стадион носит имя человека-легенды, замечательного футболиста и тренера В. В. Лобановского.

На трамвае через Днепр

В широком смысле Дарницей в середине XX века называли всю левобережную часть Киева. Название произошло от древнерусского «дарне» или «дарни» (что значит «в дар»). Существует версия, что земля эта во времена Киевской Руси была кому-то подарена.

Известно, что еще в начале XX века Дарница входила в состав Черниговской губернии, а Днепр был границей раздела Киевской и Черниговской губерний.

Интенсивное освоение Дарницы как жилого и промышленного региона началось после строительства железной дороги Киев – Курск в конце XIX века. В 1860 году возникло селение Старая Дарница, а в 1890 году – Новая Дарница. Здесь построили депо, на базе которого в 1930 году был создан Дарницкий вагоноремонтный завод (ДВРЗ). Появились шелковый и мясокомбинаты, химфармобъединение и множество других заводов и фабрик.

Еще в 1903 году был разработан проект электрической железной дороги из Киева в Предмостную и Никольскую слободки, Старую и Новую Дарницы и в Бровары. Предпринимателем Н. И. Матвеевым и Черниговским губернским ведомством было создано «Общество Киево-Броварского электрического трамвая с веткой в урочище Дарница». Общество обязалось построить новый мост через Русановскую протоку.

Движение трамваев открылось в 1912 году, правда, вначале на бензиновой тяге, а позднее на электрической. В 1913 году маршрут был продлен до Броваров, а это 19 верст!

В 1920 году отступающие польские войска взорвали Цепной мост. Движение через него трамваев, следующих от Почтовой площади, прекратилось. А пожар в депо на Никольской слободке уничтожил все вагоны. И только в конце 1925 года Цепной

- ▲ Коллонада при входе стадиона «Динамо». 1930-е гг.
- ▼ Первые мотовагоны Слободской трамвайной линии. 1914 г.

мост через Днепр и Русановский мост через Черторой были восстановлены, также было отстроено сгоревшее депо.

В 1926 году участок длиной семь километров – от Почтовой площади вдоль набережной Днепра по Цепному и Русановскому мостам до Никольской слободки – был электрифицирован.

Работы по дальнейшей электрификации левого берега приостановила Вторая мировая война. Отступавшая Красная армия в 1941 году взорвала мосты. Во время немецкой оккупации мостовые переходы были восстановлены, однако в 1943 году их взорвали уже отступавшие немцы. Левобережное депо и 68 вагонов сгорели, разобраны были все контактные сети и рельсы.

В 1953 году был введен в действие металлический цельносварной мост имени Е. О. Патона. Первый в мире сварной мост длиной 1543 метра соединил берега Днепра.

В 1959 году ввели в эксплуатацию Дарницкое трамвайное депо. В помощь уже работающим на маршрутах трамвайным вагончикам Усть-Катаевского машиностроительного завода из Чехословакии стали поступать вагоны Т-2 «Татра». В советских трамваях сиденья были мягкие коленкоровые, коричневого цвета. И в первых образцах чехословацких трамваев – тоже коленкоровые, но красные. А вот в начале 70-х годов в Киеве появились чехословацкие трамваи Т-3, сиденья которых уже были пластиковыми, красного и серого цветов, расположенные в шахматном порядке. Красиво, но зимой эти сиденья быстро остывали. Кроме того, сдвоенные ранее сиденья (что было неудобно для полных людей) теперь стали парой изолированных одинарных сидений.

В 2004 году трамвайные линии были сняты с моста Патона. Левый и правый берега больше не связаны трамвайными линиями.

История Межевой улицы, что на Ветряных Горах

Улица с таким названием возникла на карте Киева в 1945 году на месте межи (откуда и название) между частной застройкой и фруктовыми садами. Некоторое время улица была границей городской черты.

Начинается она от улицы Осиповского. В XIX веке на этом месте было расположено цветочное хозяйство обрусевшего немца Кристера. В начале XX века тут были пески (Песчаные Горы – старое название Ветряных Гор), глиняные карьеры, хаотично размещенные частные усадьбы с небольшими огородами. Находилось здесь и огромное озеро, от которого сегодня мало что осталось. С гор в направлении современной улицы Вышгородской стекали ручейки: на горах было множество источников. Ручьи стекали по месту современных улиц Осиповского, Галицкой, Мостицкой и других. В 50-х годах XX века здесь находилась огромная нелегальная городская свалка. Рядом с ней был глиняный карьер, в котором завод стройиндустрии испытывал свою новую технику.

Тогда эти места были выбраны многими киевскими предприятиями для строительства небольших двух-трехэтажных домов для своих работников. Так появились дома,

▲ Улица Межевая, жилищный массив Ветряные горы. Современное фото

в которых жили работники кожзавода, фабрики Смирнова-Ласточкина, заводов «Генератор», «Торгмаш», «Геофизприбор», института сверхтвердых материалов.

И, наконец, с 1961 года здесь начал расти жилой массив Ветряные Горы, который стал интенсивно застраиваться типовыми блочными пятиэтажками (хрущевками), где киевляне получали квартиры согласно очереди по линии райисполкомов.

Мало кто уже помнит, что до 70-х годов улица Межевая от хрущевок в районе современного проспекта Свободы плавно переходила в частный сектор и тянулась до конторы совхоза «Пуща-Водица», расположенного в районе современной улицы Белицкой.

Легенды Цимлянского переулка

Если плоская часть киевского Подола в начале XIX века стала застраиваться планомерно, то околицы Подола из-за своего рельефа застраивались стихийно. Так же стихийно за Житним рынком в яру под Щекавицким кладбищем возник переулочек, напоминающий сверху знак вопроса. Поселились там беднейшие киевляне.

▲ ???
▼

Вначале здесь было всего четыре усадьбы. Затем их количество выросло до двадцати. С каждым годом количество поселенцев увеличивалось, строились новые дома, которые по извилистым улочкам все больше углублялись в заросшие овраги. К другим домикам на откосах гор вели теряющиеся в зарослях деревянные лестницы. Узенькие улочки едва просматривались в нагромождении деревянных построек. Однако чистые окошки, вата с елочными игрушками между рамами, горшочки с красным перцем и бальзамино, маленькие палисадники и огородики, воркующие на крышах голуби и кудахтающие во дворах куры – все это создавало домашнюю атмосферу уюта.

Переулоч назвали Цыганкив, позднее – Цыганский. Почему? Вблизи яра останавливался цыганский табор. Переулоч продолжал застраиваться, и в конце концов места для табора не стало.

И вот киевские власти наложили запрет на стихийную застройку переулочка. В 1873 году по улице Кирилловской (ныне Фрунзе) товариществом по акциям был построен пивоваренный завод, работающий и сейчас. Именно этим товариществом для своих работников были закуплены многие усадьбы переулочка, а также построены новые.

...Это было в середине XIX века, когда еще не съехал последний цыганский табор. Молодой цыган полюбил девушку, которая жила в переулочке. Несмотря на противодействие родственников, причем с обеих сторон, они поженились. Муж зарабатывал на жизнь тем, что шил сапоги. Среди жителей переулочка он славился как лучший боец, храбро дерущийся при нападении хлопцев с Юрковской, которые часто крали у здешних жителей породистых голубей. Однажды юрковские подстерегли цыгана на Лысой горе, которая возвышается над переулочком. Их было шесть человек, а цыган один. Главарь подошел к цыгану, окруженному хлопцами, и, указав на край обрыва, сказал: «Хочешь остаться целым – прыгай». А до земли было более 10 метров. Цыган отказался и начал драться. Его побили и оставили лежать на земле. Вездесущие мальчишки нашли его, прибежали домой и сообщили взрослым о драке.

И тогда восстал весь переулоч! Мужчины, женщины, дети, старики пошли гурьбой на Юрковскую отомстить за цыгана. Надолго отбили они у юрковских охоту появляться в своем переулочке. А цыган отлежался, окреп и прожил со своей семьей до глубокой старости.

У подольских хлопцев же с тех пор появился своего рода кодекс чести: если драться, то «двор на двор». А если встречались две враждующие группировки, то сначала дрались между собой их главари. Причем на кулаках. Победитель обычно становился главарем уже объединенной группировки.

Дом № 15/1 в народе звался «босаяцким». По-видимому, из-за того, что наряду с обычными гражданами здесь жило много спекулянтов, торгашей и другого непонятного люда с Житного базара. Рядом с домом находился ларек по продаже керосина. Ближайший такой ларек находился рядом с судостроительным заводом имени Сталина.

Это было время, когда пищу готовили на примусах и керогазах. На Житнем базаре в галантерейных рундуках в бутылках по 0,5 литра продавалась жидкость фиолетового цвета – денатурат. На прилавке была табличка: «Денатурат, 98 % спирта, для разжигания примусов». А на бутылочной этикетке был нарисован череп с костяшками, а под ним крупная надпись: «яд». Стоил денатурат всего 87 копеек. В народе эта жидкость называлась «ханькой». Использовали его и в парикмахерских для дезинфекции инструментов, бритв и т. д. А вот во дворе вышеупомянутого «босаяцкого» дома можно было в то время увидеть потрепанных жизнью людей, распивающих «ханьку» на двоих. Поставив палец на предполагаемой черте – половине бутылки, – сначала один пил из горлышка свою дозу, а затем передавал бутылку с надписью «яд» другому. При этом люди оставались живы-здоровы. Особенно оживленным переулок был в зимнее время. С ближайших улиц и дети, и взрослые приходили сюда кататься на санках. Лучшей горки – и длинной, и в меру крутой – на Подоле не было!

В 50-х годах прошлого века городское управление культуры начало проводить массовое переименование названий киевских улиц и площадей. В результате Цыганский переулок стал Цимлянским. В постановлении указано, что это фамилия одного из бывших подольских землевладельцев.

Сегодня Цимлянский переулок изменился, но, к счастью, не утратил до сих пор своей неповторимости.

Школьные годы, ушедшая юность

Вспоминает киевлянин, бывший воин-десантник Сергей Григорьевич Лапицкий. В середине прошлого века он впервые переступил порог школы № 158, которая находилась в то время в Цимлянском переулке, 2, у подножия исторической горы Щекавицы.

В первые послевоенные годы немногочисленные детские сады были переполнены, поэтому большинство детей дошкольного возраста проводили дни во дворах. Девчонки играли в «классики», «скакалки». Мальчишки предпочитали «коца», «цурки-палки», «сыщики-разбойники», «ножик». Были и совместные игры: «гуси-гуси», «вожатый, подай пионера», «квач», «штандер» и другие. Иногда в своем дворе девочки устраивали импровизированные концерты, наряжались пожарче, пели, плясали... Мальчишки сначала посмеивались и улюлюкали в их адрес, но вскоре и их стал захватывать азарт выступления перед публикой. В конечном итоге они также стали участвовать в этих представлениях.

Сегодня, в эпоху телевизоров и компьютеров, дети почти перестали играть в подвижные игры. А ведь это были прекрасные физические тренировки на свежем воздухе. Домой дети прибегали мокрые, ели за двоих и спали как убитые!

Работающие шесть дней в неделю родители не занимались дошкольной подготовкой своих детей и полностью полагались в этом на школу. В первый класс ребенок приходил, не умея ни читать, ни писать. Интересно, что сама школьная программа

▲ Первое сентября – день знаний. 1950-е гг.

послевоенных лет предусматривала кропотливое и медленное обучение грамоте и письму. В первом классе был такой предмет, как чистописание. Целый год дети в специальной тетрадке, размеченной косыми и горизонтальными линиями, выписывали палочки, нолики... Писали деревянной ручкой со съёмным пером. На партах стояли чернильницы. К написанному аккуратно прикладывали листок промокашки. Так у детей вырабатывался замечательный почерк. Потом это пригодились в жизни не раз. Работая одно время чертежником, я не раз слышал в свой адрес похвалу от начальства за красивый почерк!

В то время у каждой киевской школы были шефы. Например, у находящейся неподалеку школы № 17 шефом был Житний рынок. Над школой № 158 шефствовал Киевский пивзавод № 2. Шефы помогали с ремонтом, а мы помогали им: иногда работали на заводе, сортировали пустые бутылки.

В классе учились дети с разницей в возрасте от 2 до 5 лет. Это были в основном остающиеся на второй год из-за плохой успеваемости переростки, а также дети из неблагополучных семей. Обделенные вниманием родителей, они были предоставлены улице и не хотели учиться. Собирали «беники» (окурки), обрабатывали их для курения и перепродавали. Играли гранатами, запалами, снарядами и минами, которые находили на горе, делали самопалы...

Однажды ребята нашего класса нашли на горе немецкий пистолет «Парабеллум» и стали стрелять из него по бутылкам и пустым консервным банкам. Следует от-

метить, что мы никогда не направляли оружие на человека. Кто-то рассказал об этом родителям, и пришлось отдать им пистолет, который прятали на чердаке. Родители утопили его в дворовой уборной.

Летом через луг ходили на Наталку, где ныряли с барж и ловили верховодку. Червяков собирали на городской свалке, мимо которой проходил путь. Иногда глушили рыбу гранатой и взрывчаткой. А вот футбол был менее популярным у мальчишек тех лет. Возможно, сказывалось отсутствие обычных дерматиновых надувных мячей. Поэтому гоняли не мяч, а голубей, запускали с гор воздушных бумажных змеев. В начале 50-х годов наконец заасфальтировали большинство подольских улочек, что позволило мальчишкам кататься на велосипедах.

Была у нас игра «в стеночку». Монетка кидалась о стену и отскакивала на землю. Другой пацан бил о стену своей монеткой. Затем между отскочившими от стенки монетками бросающий растягивал пальцы руки (от большого до указательного), чтобы накрыть ими обе монетки. Если это удавалось – монетка противника забиралась себе. А в игре «коца» ставился столбик из монет, все решками. Игроки по очереди бросали металлическую шайбу к столбику с определенного расстояния. Начинал игру тот, чья шайба оказывалась ближе к столбику. Игрок бил шайбой по монетам, и те, которые перевернулись вверх орлом, брал себе. Игра в «козла» заключалась в том, что один человек становился у стены, а другие запрыгивали к нему на спину. Примечательной была концовка игры в «цурки-палки». Проигравший обязан был «маяться»: победитель бил большой палкой, которую держал в правой руке, по малой палке, которую слегка придерживал вытянутой левой рукой. Малая палка отлетала на приличное расстояние. Проигравший обязан был добежать от места начала полета до места падения малой палки, схватить ее и принести обратно. А при этом ему полагалось, не прерываясь, кричать: «Цурки-палки, накувалки, на соломенные палки, на кули...»

В классах стояло три ряда парт, каждая для двух учеников. Покрыты парты были толстым слоем коричневой краски. Это делалось, чтобы закрасить матюки, которые глубоко вырезались ножиком и проступали через краску, как боевые шрамы. В послевоенное время директора школ и многие из учителей жили непосредственно в школьных зданиях. Вот и директор нашей школы, Иван Корнеевич Снисарь, жил со своей семьей на третьем этаже.

Добрым словом хочется вспомнить нашу первую учительницу Раису Григорьевну Чашину, здравствующую и ныне. Долгих вам лет и здоровья, дорогая Раиса Григорьевна! Географию преподавал Василий Иванович Уваров, физкультуру – Петр Натанович Рабинович, а математику – Алексей Иванович Трещуков, который у нас был классным руководителем.

До 1953 года мальчики и девочки занимались в разных школах. Это была одна из форм борьбы за нравственность. Затем нас объединили. Девочки носили коричневые платья и черные передники, которые по праздникам менялись на белые. На мальчиках был китель с блестящими пуговицами, ремень и фуражка. Обязательным элементом школьной формы был белый воротничок. Каждое утро

школьники-санитары в присутствии учителя проверяли чистоту воротничка, рук и головы. Для не соблюдавших санитарных правил вход в школу был запрещен. Хочется отметить некоторые черты, которые существенно отличали нас от современной молодежи. Во-первых, наши мальчики никогда не бравировали успехами в отношениях с прекрасным полом. Девочки были для нас воплощением неприкасаемости и чистоты. Во-вторых, я никогда не слышал, чтобы кто-то из ребят посмел выругаться в присутствии девочек, хотя в своем мальчишеском кругу такое случалось. Конечно, с одной стороны, это неплохо, но с другой – девочки были иногда уж очень «закрытыми», ведь предполагалось, что даже громкий смех и веселый нрав – это тоже признаки плохого тона. Курить мальчики начинали даже в 10–12 лет, но уж совсем невозможно было представить, чтобы закурила девочка! А слова «наркотик» мы вообще не знали.

Одну нашу одноклассницу, помню, из-за вшивости постригли наголо, и она занималась в школе в косынке.

Кстати, мальчиков обязывали стричься наголо, и только начиная с пятого класса, при хорошем поведении и успеваемости, разрешали оставлять небольшой чубчик.

Сказать, что многие мои соученики бедствовали, было бы мало – частенько дети просто недоедали. У многих ребят не было отцов. Дети из более благополучных семей при участии учителей подкармливали бедных товарищей, приносили для них одежду, тетради, ручки...

Это тяжелое послевоенное время для меня определяется замечательным словом – порядочность.

Самая мрачная гора

«В послевоенное время мы, дети, на этой горе и картошку пекли, и змей запускали, и в игры играли, и пещеры рыли», – вспоминает сегодня местный житель Александр Валентинович Роганов, ветеран труда, с 1963 года до нынешнего времени работающий на киевском заводе им. Артема.

Время блатных и нищих

В середине прошлого века вблизи горы функционировали Житний и птичий рынки, а также татарский базар «Шурум-бурум». На горе жили не только торговцы, но и базарные жулики, залетные воры и блатные. Щекавица со своими петляющими улочками, заросшими крапивой, лопухом и подорожником, хорошо могла спрятать человека от посторонних глаз.

Патриархальностью веяло от ветхих скрытых сиренью строений, голубятен, сараев и немощеных дворов. Здесь росли беспризорные шелковица, дикая малина и райские яблочки. Время как будто остановилось. Как сейчас вижу прилепившиеся к откосам оврагов домики со спрятанными в листе верандами и деревянными лестницами, с собаками, петухами и убогим барахлом, развешенным на паутине бельевых веревок... Много жило здесь и босоты. Босота – взрослые ребята в надвинутых на глаза кепочках. Обычно они сидели на деревянных скамейках за такими же деревянными столи-

▲ Гора Щекавица. Старинная фотография

ками, а иногда и просто на траве, и играли потрепанными картами либо на деньги, либо на другой «интерес». Прохожих они сопровождали презрительными взглядами и короткими плевками. Девочки слышали в свой адрес обычно сальный хохот.

Но все равно здесь даже в жестокое послевоенное время витал ангел доброты и человечности. Живший рядом с нами босяк, знаменитый Виталик-Бомба, часто миролюбиво хлопывал мальчишек по плечу и говорил: «Смотрите, ребята, не пойдите по моему пути. Узнаю – убью!»

Рядом жила семья цыган: престарелые родители, два сына, Толик и Гарик, а также дочь Леля. Толик был брачным аферистом: на Житнем рынке познакомился с богатой торговкой и приглашал к себе жить. Жили вместе, пока у торговки были деньги, а когда они заканчивались, Толик выгонял женщину из дома.

А на улице Черная Грязь у подножия горы, ближе к птичьему рынку, после войны жили татары. Торговали изделиями из кожи, кониной и восточными сладостями.

Жили на горе и два брата – Николай и Леонид Колумбеты. Они стали велосипедистами мирового класса. Николай на XVI Олимпийских играх в Мельбурне занял 6-е место в шоссейной гонке. Леонид завоевал две бронзовые медали: одну в Риме (1960 г.), другую в Токио (1964 г.).

Чем еще знаменита гора? В 1905–1916 гг. по улице Верхне-Юрковской, 34 жил Отто Юрьевич Шмидт – знаменитый полярный исследователь.

От «Аполонника» до Верхнего Вала

Сладкая патока

«Для поколения киевлян довоенных, военных и первых послевоенных лет приход к власти Н. С. Хрущева в 1954 году (хрущевская оттепель) стал временем ожиданий и надежд. Новый генсек пообещал, что коммунизм наступит в 1980 году. Наконец-то исчезли талоны и огромные очереди за сахаром, маслом и мукой. Хлеб стал свободно продаваться в булочных. Люди начали лучше одеваться, ходить в кино, театры, покупать книги.

Сегодня главный критерий, по которому оценивают человека, – это его умение зарабатывать деньги. Такое теперь время! А что же ценилось в людях в послевоенные годы? Считаю, что просто умение быть счастливым и способность делать счастливыми других.

Помню, однажды на стыке улиц Еленовской и Фрунзе остановились два встречных переполненных трамвая. Водитель одного из них стал весело рассказывать водителю другого о своей свадьбе. Идет время, нарушается график, все «неправильно» – а водители смеются, пассажиры тоже хохочут. И всем легко и весело! А может, просто жизнь была тогда и теплее, и спокойнее, и медленнее...

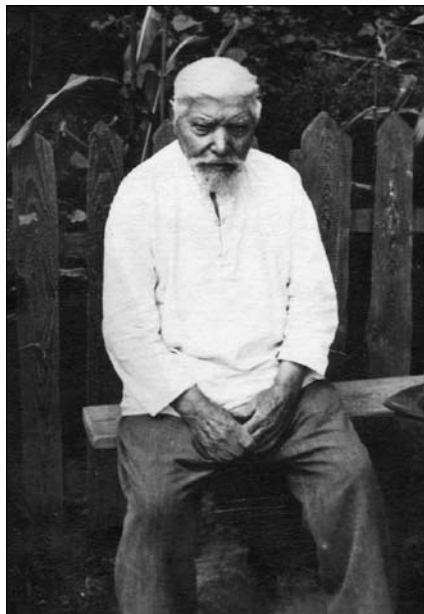
Думаю, что дети послевоенных лет были более самостоятельными. Наши родители работали шесть дней в неделю (суббота стала выходным только в 1966 году), и свободного времени у них почти не было. Дети сами записывались в библиотеки, кружки, спортивные секции, которых было множество при домах пионеров, заводских клубах и т.д. Причем все это было бесплатно! И в кино ходили без пап и мам, и самостоятельно ездили на городском транспорте по всему городу.

Так как о нашем досуге никто особенно не беспокоился, то и дворовые развлечения мы придумывали сами. Штандер, лапта, казаки-разбойники, классики, футбол, волейбол – всех игр не перечислить, но главное – все на открытом воздухе, с элементами физкультуры и смекалки.

На улице Фрунзе, 35 до сих пор находится здание бывшего завода солодовых экстрактов. В 1950-х гг. к заводским воротам в определенное время подъезжали машины-цистерны, в которые загружалась патока – бесцветная сладкая липкая жидкость, используемая в кондитерской промышленности. Какое-то время машина находилась у ворот. И мы, мальчишки, подбегали к ней и запускали руку по локоть в трубу, через которую подавалась в цистерну патока. А потом полчаса ее облизывали. Вкус запомнился на всю жизнь!

Полонник, Рабонник, Петух и другие...

На углу Фрунзе и Юрковской находился продуктовый магазин, которым в до-революционные времена владел хозяин по фамилии Полонник. Интересно, что немного видоизмененное народное название «Аполонник» магазин сохранял до своего сноса в 80-х годах прошлого века. Рядом с магазином была парикмахерская,

Кузьма Полонник

хозяином которой был некто Рабонник. Рядом с парикмахерской, на углу с улицей Оболонской, располагался небольшой заводик медаппаратуры. А напротив парикмахерской по улице Фрунзе находилась женская школа № 157, во внутреннем дворе которой стоял знаменитый дом домовладельца Петуха. Уже в советское время здесь продолжала проживать его дочь Елена, известный на Подоле врач-стоматолог. Но вернемся к парикмахерским. Их количество на послевоенном Подоле может сравниться разве что с сегодняшним обилием банков. Пожалуй, главная парикмахерская плоской части Подола находилась на улице Константиновской рядом с Верхним Валом. Сейчас это продуктовый магазин. Работал здесь известный парикмахер Марик Вассерман. К нему приходила интеллигентная публика даже не столько стричься-бриться, сколько поговорить о

жизни, обменяться книгами, излить душу... Парикмахерские невольно становились своеобразными центрами общения, так как очереди были длинными, а народ (повторюсь) в то время особенно никуда не спешил. В каждой парикмахерской непрерывно работала радиоточка, сладко пахло «Шипром» и мылом... В моде было три стрижки: полубокс, бокс и наголо.

Однажды напарник Марика Шурик Клейман пришел на работу в пьяном виде. Клиентом у него был знаменитый на Подоле боксер Фима Фенштейн. Шурик не расслышал, что ему сказал Фима, и вместо полубокса подстриг его наголо. Возмущенный Фима нокаутировал Шурика прямо на рабочем месте.

Многие клиенты предпочитали бриться в парикмахерских, что занимало дополнительное время и создавало очереди. Брились опасной бритвой, которую правили на ремне. При порезах для остановки крови мастер прикладывал кровеостанавливающий квасцовый камень. Только в 80-х годах, когда узнали о СПИДе, в парикмахерских запретили бриться опасной бритвой.

Аптека и ресторан

Наши вылазки из замкнутого дворового мира происходили мимо пропахших кислой капустой подъездов с деревянными шатающимися лестницами, мимо полуразрушенной церкви Константина и Елены к перекрестку Константиновская – Верхний Вал. Здесь, рядом с парикмахерской Марика, находилась центральная подольская аптека, поражавшая нас таинственными шкафчиками с латинскими

названиями лекарств. Готовых форм в то время в продаже было очень мало. По рецептам врачей препараты изготавливались непосредственно в аптеках. Клиент подавал в окошко свой рецепт, а взамен получал квитанцию, на которой указывались дата и время получения готового лекарства. К назначенному времени клиент являлся в аптеку и получал порошки, завернутые в пергаментную бумажку, или же бутылочку с жидкостью или мазью. Кстати, эти пустые медицинские бутылочки в 50-х годах аптеки принимали обратно за деньги. Впрочем, у населения успешно покупались и лекарственные травы. Мы же, дети, покупали обычно в аптеке или гематоген за 11 копеек, или витамин С за шесть копеек – десять белых таблеток.

По диагонали от аптеки, на углу Константиновской и Верхнего Вала, находился знаменитый подольский ресторан «Дніпро», окна которого были плотно занавешены драпированными шторами. Когда швейцар приоткрывал входную дверь, можно было услышать приглушенную музыку оркестра и певцов, исполнявших популярные в те годы шлягеры: «Брызги шампанского», «Мишка, Мишка, где твоя улыбка?», «Ландыши», песни из репертуара Утесова, Козина... Из ресторана к находящейся рядом стоянке такси выходили шикарные женщины в шляпках и капроновых чулках со швом сзади, благоухая запахами модных духов «Манон», «Пиковая дама» или «Лель». Их сопровождали уверенные в себе розовощекие, наполненные жизнью мужчины...

Вот так и жил послевоенный Подол, население которого было очень разношерстным: украинцы, русские, евреи, армяне, татары и другие... Интересно, что когда наступала еврейская Пасха, евреи выходили во двор и раздавали всем мацу, а на православную Пасху уже мы угощали их крашеными яйцами».

Мещанство по-советски

*Обветрилась лазурь майолики,
Узором лунных облаков
Стоят на полке счастья слоники,
Глядят в калейдоскоп веков.
(Я. Зорин)*

Первоначально слово «мещанин», заимствованное из польского языка и встречающееся в русских рукописях и книгах с XV века, означало «городской житель». В 1775–1917 гг. в Российской империи мещане – податное сословие, состоявшее из ремесленников, мелких торговцев и домовладельцев. После установления советской власти мещанство стали понимать как образ жизни обывателей – людей с ограниченным кругозором и небогатыми интересами. Мещанские представления о благополучии и семейном счастье «в интерьере» пережили годы нэпа, «трофейные» 40-е и относительно сытые 50-е и сохранились до XXI века. Следует от-

▲ Мещанство по-советски

▼ Коллективный просмотр телевизионной передачи. 1950-е гг.

метить, что сегодня мещанство превратилось в китч, реализуя фантазии «новых украинцев».

Каждое десятилетие XX века имело свою неповторимую особенность, аромат, если хотите! Думается, что 50-е годы прошлого века стали переломными в жизни Киева. В то десятилетие Киев в бытовой культуре еще отличался своеобразной патриархальностью и наивным романтизмом. А уже в 60-х годах стало чувствоваться агрессивное наступление эпохи урбанизации и типовых квартир с неизменной «стенкой» и югославским ковром на полу.

Постепенно слова «мещанин» и «обыватель» превратились в излюбленные ругательства пропагандистов советского времени. В 50-х власть не отличалась большим вниманием к благоустройству быта – главной задачей было восстановить промышленность.

Подростками мы заходили в гости друг к другу не стучась, просто открывали дверь, входили – и видели семь слоников на комод (саванной для них служила белая кружевная салфетка), глиняные копилки в виде умильных кошечек, фарфоровые фигурки уток, вазочки с бумажными маками на проволочных стебельках... Стены украшали коврики с лебедями на озере. Перегородками в комнате служили японские складные ширмы с вышитыми по шелку листьями. Уют создавала и печка, выложенная скользкими изразцами, с медной дверкой топки. На кровати лежали горкой подушки, на стенах висели репродукции из «Огонька» и приколотые веером открытки с изображением популярных в то время киноактеров. В книжных шкафах теснились красивые энциклопедии со множеством картинок под папиросной бумагой. Чирикали канарейки в клетке у окна, маняще светился шелковый оранжевый абажур... Креслица, пуфики, на валике дивана спит кошка... Да, это мещанство. Но почему было так тепло и уютно?

Телевизор

В те времена мы смотрели телевизор всего десять минут в день – когда показывали мультфильмы.

Телевизионный центр оторлся в Киеве в 1952 году. Киевский завод радиоаппаратуры наладил выпуск первых отечественных телевизоров – «КВН-49». Смотреть этот телевизор с заполненной глицерином толстой линзой перед экраном было сплошным мучением! Для начала надо было правильно расположить комнатную антенну: ее крутили во все стороны, даже ложились на пол и ставили ее себе на живот. Наконец изображение становилось более-менее сносным. И вдруг опять начиналось мельтешение на экране – это прыгало напряжение в сети! Теперь уже надо было следить за стрелкой огромного трансформатора и вручную регулировать напряжение. Во время просмотров комната всегда была заполнена соседями, у которых еще не было телевизора.

Все это здорово выматывало, но посмотреть «чудо» все равно хотелось! Хотя сами передачи были такими нудными, что и вспомнить особенно не о чем. Пожалуй, кроме выступлений Тарапуньки и Штепселя: всегда актуальные, смелые и смеш-

ные – сплошное попадание «в десятку»! Их выступления любили не только взрослые, но и дети, может, даже больше, чем мультики. Полюбили киевляне и свою первую очаровательную телеведущую Ольгу Даниленко. Запомнилось, что тогда были длинные перерывы между передачами (10–15 минут и более) – в это время весь экран заполнял театральный занавес.

Петушок на палочке

На Житнем базаре продавалось любимое лакомство детей – петушок на палочке с красивым красным хвостом. Эта сладость делалась не в заводских условиях. Сегодня такого уже не найти! Место петушков заняли чупа-чупсы.

Близ улицы Хоревой, а также у Ярославского переулка кустари развешивали на воротах и заборах свои изделия: нарисованные масляными красками на клеенке сюжеты с полнотелыми русалками, аляповатые изображения целующихся влюбленных и голубков, картинки с религиозной тематикой... Тут же продавались деревянные игрушки: курицы, поочередно клюющие невидимое зерно на дощечке, клоун-гимнаст, кувыркающийся через перекладину, медведи, пилящие бревно, мячики на резинках и т.д. и т.п.

Все-таки что-то безвозвратно исчезло из жизни вместе с тем романтическим «мещанским» временем.

Ностальгия по гастроному

*Я по утрам ходила в гастроном,
По праздникам пекла тебе ватрушки,
Я заводила ходики с кукушкой,
Тебя ждала из гор я с рюкзаком.
(К. Мусатова)*

Вкусный магазин

В советское время почти все киевские продовольственные магазины, кроме совсем небольших, носили название «Гастроном». А маленькие магазинчики назывались обычно «Продтовары», «Хлеб», «Молоко», «Овощи и фрукты».

Толковый словарь Ушакова дает слову «гастроном», состоящему из греческих *gasters* (желудок) и *nomos* (закон), такое определение: «Знаток и любитель вкусной еды». А среди толкований Даля есть «поварское искусство». Можно сделать вывод, что ассортимент гастрономов должен удовлетворять нужды людей, любящих именно вкусную, а не правильную, полезную или дешевую еду.

Предшественниками гастрономов в дореволюционном Киеве были так называемые лавки колониальных товаров, где продавались все новшества потребительского рынка того времени: чай, кофе, восточные сладости, специи и т. д. После

революции подавляющее большинство подобных лавок были закрыты. В появившихся затем магазинах рабочих кооперативов «Сорабкоп» ассортиментная политика настолько изменилась, что они превратились в обычные продовольственные магазины.

В СССР существовала система государственных стандартов по обеспечению жителей торговыми заведениями. Так, расстояние между двумя гастрономами не должно было превышать 500 метров. Гастрономы были хорошо освещены и имели наружную неоновую рекламу. Известно, что патент на неоновую рекламу был получен французом Клодом еще в 1911 году. И хотя идеи Клода добрались до Советского Союза в 30-х годах, в Киеве настоящее распространение неоновой рекламы пришлось только на конец 50-х – начало 60-х годов. Газосветные вывески «Гастроном» стали одним из первых ее применений в городе. Особенно красивыми были такие вывески на гастрономах Крещатика и вообще в центральных районах города.

Колбаса пахла мясом, и конфеты были вкуснее!

Если бы нынешний молодой киевлянин с помощью машины времени оказался в Киеве 50-х годов прошлого века и зашел в гастроном, он был бы поражен не только богатым ассортиментом товаров, но и запахами. Запах свежей докторской колбасы просто бил в нос! С момента своего рождения в 1936 году рецепт докторской был таков: в 100 кг колбасы содержалось 25 кг говядины высшего сорта, 70 кг полужирной свинины, 3 кг яиц и 2 кг коровьего молока. Колбаса предназначалась для людей с подорванным здоровьем. И эта рецептура оставалась неизменной до 60-х годов, когда начались эксперименты с откормом животных. Тогда докторская стала пахнуть то рыбой, то курами, то химзаводом по выпуску удобрений. Затем в колбасах стал появляться соевый и молочный белок, казеинат натрия и т. д. Появились так называемые субпродукты 1-й и 2-й категорий.

Однако вернемся в гастроном 50-х! Несколько сортов макарон и круп, сливочное и растительное масло, минтай, окунь, терпуг, селедка, красная рыба, консервы: салака и килька в томате... На полках пылились крымские вина: «Мускат белый красного камня», херес «Массандра», кагор «Южнобережный», «Черный доктор», мадера, портвейны. Удивительно, но большинство покупателей предпочитало этим винам «бормотуху» – крепленые вина на основе забродивших соков плодов и ягод. Они были дешевле.

То же самое происходило в кондитерских отделах: ирис «Фруктовый» или «Золотой ключик» покупали чаще качественного шоколада! На плитках шоколада «Гвардейский» была отчетливо видна пыль от многомесячного лежания.

Стояли гигантские аквариумы с живыми рыбами. На прилавках – стеклянные конусы разноцветных соков с маленькими бронзовыми краниками внизу.

Кетовая красная икра и осетровая черная, окорока, копченая и вяленая рыба, заливная осетрина, маринованные белые грибы, соленые грузди, шоколадное суфле... Коробки конфет: «Алеко», «Спартак», «Абрикосовые»... Бутылки крем-сода и сидро, пиво «Жигулевское», водка «Московская»...

Приобретая в гастрономе бутылку пива или водки, покупатель заворачивал ее в газету и клал в плетеную сетчатую авоську. Нести незавернутую бутылку в то вре-

▲ Гастроном на углу Крещатика и улицы Ленина (Б. Хмельницкого). 1980-е гг.

мя считалось неприличным. В 50-х торговля спиртным на розлив была запрещена, поэтому приходилось покупать целую бутылку и пить дома. Алкоголь тогда не поощрялся, была жесткая сталинская дисциплина. С 60-х кривая пьянства резко пошла вверх, что привело в итоге к постановлению Совета министров и ЦК КПСС «О мерах по усилению борьбы с пьянством и алкоголизмом».

Тогда, в 50-х, действительно произошло временное улучшение жизни советских граждан. Но за счет чего? За счет повышения цен в результате денежной реформы 1947 года, замораживания зарплат после внедрения государственных займов, поставок по репарациям из побежденных стран, закупок продукции в селе за бесценок, бесплатной работы огромной части населения в лагерях... Начиная с 60-х годов становилось все хуже и хуже. А в 80-х все перевернулось вверх дном, прилавки опустели, экономика почти перестала существовать. «Пусть не будет колбасы, лишь бы не было войны», – грустно шутили киевляне в 80-х. Тогда на пустых прилавках гастрономов стояли одни трехлитровые банки с зелеными помидорами. «Сладкие» 50-е быстро пролетели, оставив после себя в памяти краткий миг благополучия и счастья.

Дворы нашего детства

*Был месяц май,
Цвела сирень повсюду,
И вылезли коты
На солнышке погреться.
Я жду трамвай,
Как ожидают чуда,
Но только не идут
Трамваи в город детства.
(Людмила Чеботарева)*

Родные места

Почему человека тянет к тем местам, где прошло его детство? Какая сила в этих улочках, переулках, дворах? Почему сердце помнит и бережет эти воспоминания в своей глубине?

Для меня такие места – гора Щекавица, особенно та ее часть, в которую упирается Цимлянский переулок.

Этот горбатый, мощный круглым и гладким булыжником спуск Цимлянского переулка на улицу Фрунзе был в середине прошлого века самым лучшим местом на Подоле для зимнего катания с горы на санках. Мальчишки съезжали цепочкой – один за другим. Садись боком, управляя на поворотах и при торможении ногой. Спуск был крутым! А в районе школы № 158 – резкий поворот налево к улице Фрунзе. Высшим шиком считалось взлететь на этом повороте над небольшим утрамбованным трамплином! Санки подбрасывало вверх: краткий миг полета... Сердце замирало! Тормозили пацаны у самой трамвайной линии около зеленой будки, в которой много лет работал керосинщик по имени Балабус, а затем вновь поднимались на горку для очередного спуска – и так часами.

Дом

В моем четырехэтажном доме было по две коммунальные квартиры на каждом этаже. Построенный еще в конце XIX века, этот бывший доходный дом протянулся по Цимлянскому переулку от школы до улицы Фрунзе. Попасть в него можно было двумя путями: через парадное, со стороны переулка, и черный ходом, лестницы которого из кухонь выходили во внутренний двор. Названия «парадное» и «черный ход» сохранились еще с дореволюционных времен и предназначались соответственно для господ и прислуги.

В моей квартире № 7 на четвертом этаже проживало пять семей. Кухня была общей. Каждая хозяйка имела на кухне свой столик, за каждой семьей была закреплена одна конфорка на общей газовой плите. Ключи от комнат прятали в вы-

движной ящик своего кухонного стола, чтобы вернувшийся из школы ребенок мог открыть комнату.

Дверь из кухни на лестницу черного хода закрывалась на обычный крючок. Снаружи этот крючок было просто поддеть через дверной зазор лезвием карманного ножика и открыть дверь. Что мы, дети, и делали, возвращаясь домой со двора. Фактически обворовать можно было в любое время любую семью. Однако в то бедное, голодное и заплатанное время случаев грабежей квартир я не припоминаю! Порядочность и честность сохранили пережившие тяжкую войну фронтовики и женщины, рано состарившиеся в борьбе за кусок хлеба или ботинки для ребенка.

Двор

Жизнь в киевских дворах вся была на виду – со скандалами, драками, ссорами... «Университеты» мы проходили прямо по месту жительства. Например, существовал так называемый уличный кодекс чести послевоенного Подола: драться только до первой крови, лежачего не бить, ногам воли не давать. Представить себе, чтобы во время уличной драки кого-то пырнули ножом, было почти невозможно! Это в корне противоречило бы негласным дворовым нравственным принципам.

Что еще важно, «метелили» отнюдь не по этническим соображениям. Били за предательство, доноительство и другие нарушения законов дворового братства. Во дворе не было большего греха, чем одному втихаря съесть яблоко, пирожок или мороженое. По неписаным правилам таким деликатесом полагалось делиться с каждым желающим. Даже дворовый лидер, услышав от слабого, но нагловатого пацана слово «оставь», обязан был уступить ему последний сладкий кусочек. Двор учил мальчишек сноровке выживания: как пролезть без очереди и без билета, как продать ворованную сирень...

Важными элементами двора были и дровяные сараи. Количество дверей с навесными замками на них обычно соответствовало количеству квартир в доме. Кто-то хранил в них уголь и дрова, кто-то слесарил. Люди держали в них собак, кроликов и даже кабанчиков, хранили соленья в бочках, картошку, а также старые патефоны, пыльные картины, сломанную мебель... А дети очень любили залезать на хлипкую рубероидную крышу сараев и мечтать, лежа на спине.

Памяти Сливы

Несколько лет назад не стало лучшего моего друга.

В далекое послевоенное время дружба была священна, дороже ее не было ничего! Я никак не годился в дворовые лидеры. А вот Слива (под таким именем он был известен на Подоле) был настоящим лидером!

Однажды в школе ко мне привязался здоровенный парень из соседнего класса. Он был наглым и постоянно цеплялся ко мне, наслаждаясь моей слабостью. Я по дворовой традиции обратился к Сливе за помощью. На «стрелке» за сараями Слива крепко «поговорил» со здоровяком. Впоследствии тому даже в голову больше не приходило меня обижать.

Слива учил меня всему: ездить на велосипеде «Орленок» на месте нынешней улицы Новокозантиновской (тогда это было одно из немногих заасфальтированных мест Подола), играть в футбол, плавать, драться...

Однажды мы решили стать футболистами киевского «Динамо». В то время на спортивную базу на Нивках от стадиона «Динамо» мальчишек возил динамовский автобус. Любой пацан, взяв с собой кеды и спортивный костюм, мог показаться тренеру. Поехали и мы со Сливой. Началась тренировка, во время которой мы отжимались, наклонялись, бросали мяч, бегали, играли в футбол. В конце тренировки тренер выстроил нас, пальцем указал на нескольких ребят (в том числе и на меня) и сказал: «Вам рано еще серьезно заниматься футболом, походите на гимнастику, укрепите мышцы и приходите через год». А вот Слива не мог, конечно, попасть в список неудачников. Я жутко расстроился, а он меня успокаивал: «Ну его, этот футбол! Я ведь твой друг, и без тебя не буду ходить на тренировки». И не поехал больше туда.

Годы шли, потом побежали, полетели... Мы разъехались по разным концам города, перестали встречаться. Но узнав о его смерти, я вдруг почувствовал, что осиротел. Всегда буду помнить этого надежного человека, заменившего мне старшего брата, который преподавал мне настоящие уроки мужского поведения и характера.

Об истории трамвая № 27

*Маленький трамвайчик посреди ненастья,
Дороги билеты, короток маршрут.
Катится по жизни в направлении счастья
С вечным опозданием в несколько минут.
(Алексей Душин)*

В 1956 году на Подоле были проложены новые трамвайные линии и открыт маршрут № 27 от Контрактовой площади до ГЭС-2. Однако он просуществовал всего пять лет, до 1961 года.

Этот маршрут за 15 минут проезжал всего четыре остановки и пролегал по промзоне. За окном проплывали почерневшие заборы, товарные склады, ремесленные мастерские и деревянные бараки. Запахи олифы, визги циркулярной пилы, гвалт воронья... Пейзажи рабочей окраины явно не предназначались для упоминания в информационных и туристических справочниках города.

Почему же так быстро закрыли этот маршрут? Виной тому – страшная беда, пережитая киевлянами, Куреневская трагедия 1961 года, когда, прорвав земляную дамбу, из района Бабьего Яра на Куреневку устремилась огромная масса пульпы (глины с водой), сметая на своем пути все живое. В процессе проведения восстановительных работ на находящуюся рядом с промзоной Наталку с места трагедии это глиняное месиво круглосуточно вывозилось самосвалами. Их маршрут проходил по трамвайной колее 27-го маршрута. В результате разливов пульпы трам-

важные рельсы как бы ушли под землю. Так Курневская трагедия «похоронила» и один из трамвайных маршрутов.

Но деревянный 27-й навсегда останется трамваем детства для мальчишек послевоенного периода. Двери в нем открывались вручную, позволяя прыгивать на ходу, деревянные лавки были как будто отдельными закутками. На фоне сегодняшнего пластика тот трамвай был символом добротности и прочности. Мы садились на гладкую полированную лавку у раскрытого окна и клали локоть на деревянный бортик, дул встречный ветер, а ветки деревьев гнулись и попадали в окна...

Наталка

Немногие киевляне помнят сегодня об урочище Наталке – полосе дикой природы у берегов Днепра, которая начиналась от конечной трамвая № 27 и тянулась к зеленым лугам Оболони. Еще в XIX веке посещавшие эти места литераторы с восторгом отзывались о здешней природе. Чудесные виды, дешевые и удобные дачи, кумысное заведение, отличные фрукты, приносимые сюда садоводами Курневки... На здешние чистые озера и на берега Почайны и Днепра летом приезжали отдыхать тысячи киевлян. С собой брали даже самовары. Интересно, что в 1859 году Киевская громада устроила здесь пышное чествование Тараса Шевченко, во время которого гости отдыхали, читали стихи и пели песни.

В середине прошлого века сюда пришел «прогресс», превратив живописные места в индустриальный анклав. Работающая на угле ТЭЦ-2 начала коптить и сбрасывать технологические отходы в затоки, в которых дохла и всплывала вверх брюхом рыба. Рядом с трамвайным кольцом расположилась городская свалка и озеро Вонючка, куда сбрасывали отходы многие курневские предприятия. Чтобы искупаться, мальчишкам теперь Приходилось идти в сторону Оболони к более чистым озерам.

Их звали стилягами

Как вы думаете, за что правильные советские комсомольцы ненавидели стиляг, впервые появившихся в Киеве в начале 50-х годов прошлого века? За то, что стиляги стали выделяться из общей скромно одетой массы трудящихся. Пиджаки с широкими плечами, узкие брюки, куртки на молнии, туфли на высокой каучуковой подошве, галстуки с пальмами и обезьянами... Короче говоря, в Киеве появились люди с антисоветской внешностью. Шок вызывало даже их появление осенью без головного убора с прической кок. Глядя на них, трудящиеся в одинаковых фуражках-восьмиклинках с матерчатой пуговицей посередине и картонной вставкой для поддержки формы рычали от возмущения: «Идиоты!», «Западные извращенцы»!

- ▲ Ресторан “Троянда Закарпаття” на улице Красноармейской. 1970-е гг.
 ▼ Ресторан “Метро” на Крещатике. 1970-е гг.

Впрочем, представление, что стилиаги выделялись только одеждой, не совсем верно. Они были свободолюбивыми и радовались жизни: слушали джаз, танцевали буги-вуги, целовались на улице... Это, пожалуй, был первый открытый вызов советской ментальности, серости и единообразию. Власти всерьез стали опасаться стилиаг, ибо «вызов стилем» начал будить общество. Карикатуры на них в советской прессе по частоте появления стали конкурировать с карикатурами на империалистов. На Красной площади (ныне Контрактовой) напротив районной Доски почета появился стенд сатиры по линии комсомольского прожектора. Рядом с алкоголиками, тунеядцами и мелкими нарушителями видное место заняли стилиаги. Удивительным, однако, было то, что в подавляющем большинстве стилиагами становились интеллигентные ребята – студенты, молодые специалисты. Они успешно выполняли план, работая за станками и кульманами... А потом слушали джаз (чуждую и тлетворную музыку), читали Ремарка и Хемингуэя, балдели от ранних стихов Евтушенко, Вознесенского и Ахмадулиной, которые, кстати, и сами были стилиагами!

Этим молодым людям стали вредить: писать на работу, задерживать в милиции, исключать из ВЛКСМ. Комсомольские патрули резали им брюки, галстуки, портили прически... Грустно и смешно. Ведь это были нормальные ребята. Просто они не хотели, чтобы в патриоты их записывали силой. Стилиаги не стали ни антисоветчиками, ни диссидентами, ни пьяницами. Повзрослев и «нагрузившись» семейно-бытовыми проблемами, они сами в начале 60-х годов похоронили свое стилиажничество, которое, впрочем, нанесло первое тяжелое ранение советскому строю.

Как Крещатик стал Бродвеем

Киевские стилиаги начали с того, что сразу же переименовали Крещатик в Бродвей, он же Брод. Именно здесь они беззаботно шатались, знакомились с девчонками, рассказывали анекдоты – в общем, делали то, что обычно делают все молодые люди. Не брезговали и распитием спиртных напитков, тем более что заведений, предназначенных для этих целей, на Крещатике в то время хватало. Естественно, кафе с неоновой вывеской «Грот» (в начале улицы Ленина) стало «Мичиганом». Диетический гастроном с кафе на втором этаже превратился в «Ливерпуль». Летняя шашлычная рядом с театром оперетты стала «Барселоной», кафе «Чай-кофе» – «Чайханой», а вот за кафе «Север» в народе почему-то укрепилось название «Гадюшник». Известное еще с дореволюционных времен кафе «Маркиз», которое посещали А. Вертинский, К. Паустовский, М. Булгаков (нынешнее здание ресторана «Лейпциг»), получило название «Коктейль-холл» и стало любимым местом киевской богемы – артистов, поэтов, литераторов, художников... Здесь подавали необычный коктейль «Маяк» зеленого цвета – с ромом и яичным желтком. Говорят, что закрыли этот «Коктейль-холл» из-за того, что один его предприимчивый работник оборудовал в подвале комнаты для свиданий, которые были вскоре обнаружены милицией.

Безумной популярностью пользовалось и кафе «Півник» у входа на стадион «Динамо». В розлив здесь продавались прекрасные крымские мадера и херес. А вот на Красноармейской в магазинчике «Троянда Закарпаття» можно было отведать карпатские вина прямо из бочек.

С интересом встретили киевляне и открытие рядом с рестораном «Столичный» кафе «Крещатик», попасть куда можно было только по входным билетам, которые покупались за неделю. На билетах был указан номер столика. Здесь впервые в Киеве стали исполнять эстрадные номера, также можно было и потанцевать.

Сидели мы в баре в поздний час...

Бары как таковые работали в киевских гостиницах системы «Интурист» за иностранную валюту и, соответственно, только для иностранцев. И вдруг по Киеву прошел слух, что на улице Свердлова (ныне Прорезная) открылся первый киевский официальный бар «Хрещатий Яр». Народ повалил гурьбой, многие стояли у входа и ждали, пока освободится столик. Помещение было двухъярусным с отделкой фресками.

Позднее к упомянутому выше кафе «Крещатик» приклеился бар «Стекляшка». Открылся бар с выходом на балкон и на третьем этаже здания станции метро «Крещатик». Здесь наряду с другими подавался фирменный коктейль «Крещатик» за 1 рубль 15 копеек (водка, шампанское и лимонный сок).

На главной киевской улице открылось много небольших доступных кафе-баров: бульонных, молочных, булочных-кондитерских. Со временем бары стали появляться и на окраинах города. Так, на улице Вышгородской, около домика, где жил Т. Г. Шевченко, открылся бар «Березка».

Ну а с Крещатика стильная киевская молодежь обычно направлялась к Петровской аллее. Здесь, недалеко от ресторана «Кукушка», работала открытая летняя танцплощадка. И если в начале вечера согласно утвержденной инструкции танго сменялось вальсом, а вальс – фокстротом, то под конец ведущие шли на уступки: танцевали уже и рок, и твист, и буги-вуги...

Киевская коммунальная квартира

*Вы что же, милый, в туалете
не сполоснули унитаз?
И на общественном паркете
в дежурство ваше всюду грязь.
(Г. Горбовский)*

Звонить два раза

Существует мнение, что коммунальная квартира – уродливое порождение советского строя. Однако это мнение ошибочно. Совместное проживание нескольких

семей в одной квартире с общей кухней зафиксировано еще в XIX веке, когда хозяева доходных домов предлагали такое расселение для граждан, прибывавших в Киев на заработки.

Развеем еще один миф – коммуналки были не только у нас! Например, Бальзак в «Отце Горио» описывает пансион Воке. У Диккенса мисс Лирринер сдает меблированные комнаты. Много домов гостиничного типа имеется и в современной Германии. Во многих европейских странах одинокие люди, а то и семьи с целью экономии договариваются снимать вместе большую квартиру. Они сообща пользуются кухней, ванной, туалетом и делают уборку по графику дежурств. Правда, съезжаются эти люди по взаимному согласию, а не по воле чиновников...

Коммуналки советского типа появились в Киеве сразу после Октябрьской революции. Выполнялась программа уплотнения квартир богатых граждан. А богатыми в то время считались люди, имеющие отдельную комнату на человека. В 1919 году пролетарии ввели норму, по которой на одного человека полагалось 18 аршин, или 12 квадратных метров. Эта цифра была установлена при участии врачей-гигиенистов, которые выяснили, что минимальный объем воздуха на взрослого человека должен быть не менее 20 кубов. Позднее советские гигиенисты неожиданно пересмотрели эту норму, естественно, в сторону уменьшения. Оказывается, советскому человеку неплохо дышалось и на четырех квадратных метрах!

Стоит ли удивляться, что, живя в таких жутких условиях, люди иногда теряли человеческий облик, склоничали, сплетничали и писали друг на друга доносы. Однако нельзя не признать, что в этом общежитии складывалась и замечательная сплоченность соседей перед любыми испытаниями, возникала своеобразная форма родства.

Человек в коммуналке

В первое время урбанизация в СССР протекала при отсутствии массового жилищного строительства. Поэтому приток населения в города (в т.ч. и в Киев) проводил к катастрофическому ухудшению жилищных условий, к скученности и уплотнению. О санитарных нормах не было и речи. Жилищный фонд Киева в послевоенное время находился в состоянии, близком к критическому. Киевские семьи жили на баржах, в деревянных бараках, в дворовых сараях...

Хуже всего было, когда нескольким семьям приходилось жить в одной комнате, где перегородкой служила китайская раздвижная ширма. Без интриг и конфликтов не обходился ни один день. Все жильцы постоянно находились друг у друга на виду, словно жили в комнате со стеклянными стенами. Такие взаимоотношения, включая даже скандальные, превращали жителей коммуналки почти что в родственников. Дети без стука входили в комнаты соседей, коридоры были набиты рухлядью, держался стойкий запах уксуса и жареного лука...

Конечно, такое насильственное соединение разных людей в своеобразную коммуналку – все же уродливая организация человеческой жизни. Постоянная осведомленность о жизни друг друга нарушает границы приватного пространства человека.

Любопытно, что в послевоенном Киеве коммуналка была особо секретным объектом, куда не допускались иностранцы. Им могли показать атомный институт, но в коммуналку – ни ногой!

Коммунальные квартиры оказались обратной стороной державной мощи, жалкой изнанкой советских плакатов. Граждане страны, находившейся в зените славы, оказались униженными в повседневной жизни.

Ностальгия по большой семье

Жители коммуналок нередко вместе отмечали советские праздники, дни рождения, свадьбы и другие события. За праздничным столом в общем кругу вспоминали ужасы прошедшей войны, хором пели песни и поднимали бокалы за здоровье и мир.

Вспоминаю, как однажды ребенком я катался на санках около нашего дома на улице Фрунзе. Родителей дома не было. Вдруг кто-то закричал: «Пожар!» Я посмотрел наверх и ужаснулся: дым шел из моего окна на четвертом этаже! Позже выяснилось, что происходило плановое переключение сетевого напряжения с 127 на 220 вольт, при этом загорелся стоявший на окне маленький ламповый радиоприемник, и огонь перекинулся на занавеску. Я во мгновение взбежал на четвертый этаж и открыл комнату. К борьбе с огнем сразу же подключились все наши соседи. Сообща пожар был погашен. Соседи меня успокоили, накормили. А потом еще и помогли нашей семье материально. Главное, при этом сразу же были забыты все квартирные раздоры и недоразумения!

Прошли годы. Ушли в прошлое перенаселенные коммуналки. И хотя бывшие соседи переселились в изолированные хрущевки, отчуждения между людьми не наступило. Наоборот – в своих отдельных квартирах они стали скучать по общению.

Счастливое детство в Мыльном переулке

Своими воспоминаниями делится киевлянка Валентина Георгиевна Шарак. Она родилась в конце войны в Мыльном переулке на Подоле. Здесь прошли ее детские и юношеские годы. В 1960 году Валентина Георгиевна начала свою трудовую деятельность на ленто-ткацкой фабрике, где проработала 42 года.

«Мыльный переулок – небольшая горная терраса над улицей Фрунзе. Это одна из интереснейших древнекиевских местностей, протянувшаяся вдоль первого холма Кирилловской горной гряды. Вся Кирилловская гряда расположена от горы Щекавица до Кирилловского монастыря. С давних пор местность носила название Николо-Иорданской обители. Здесь еще во времена Киевской Руси был воздвигнут один из первых православных храмов в честь святителя Николая Чудотворца – самого любимого святого нашего народа. Развалины этого храма в 1832 году описал исследователь киевской старины К. Лохвицкий.

С XI века начинается монастырский период истории этой обители, временно прекратившей свое существование во время монголо-татарского нашествия 1240 года.

С 1616 года – это уже Николо-Иорданский женский монастырь, который просуществовал до 1884 года. Затем здесь была построена каменная приходская Иорданская церковь, уничтоженная большевиками в 1935 году.

Почему Иорданская? Согласно легенде, здешний источник (существующий и ныне) питается водами святой реки Иордан. В давние времена один киевский паломник, отправившись во Святую землю, уронил в воды реки Иордан свой серебряный ковшик оригинальной конструкции. Вернувшись в Киев, однажды в этих местах он захотел пить. И когда набирал воду ведром из источника, обнаружил свой утерянный за тысячи километров ковш. После этого события и источник, и храм, и древнее кладбище на горе, и переулочек (ныне Мыльный) стали называться Иорданскими».

Митькина гора

«Гору, на которой расположено Иорданское кладбище, мы называли Митькиной, – вспоминает Валентина Георгиевна. – Она, как ни странно, была лучшим местом для наших детских игр. Особенно любили мы играть в сыщики-разбойники.

Интересно, что за горой Юрковицей по направлению к Куреневке находится семь холмов – как и в Иерусалиме. От улицы Фрунзе, вдоль которой тянутся эти Кирилловские высоты, вверх поднимаются узенькие кривые мощенные булыжником улочки. Это были Цимлянский, Мыльный, Иорданский, Чернечный, Богуславский и другие переулки.

Если бы в начале XX века мы двигались по улице Кирилловской (ныне Фрунзе) по направлению к Куреневке, то сразу за нынешним пивзаводом в гору шел бы Мыльный переулок, а еще метров через 200 – Иорданский. При советской власти, когда начались гонения на религию, название «Иорданский» упразднили. А оба переулка соединились дугой на горной террасе и получили общее название – Мыльный, в честь небольшой мыловарни в районе горы Юрковицы.

Всего в переулке с конца XIX до начала XX века было построено 24 дома. Только один из них был трехэтажным. С переулка хорошо просматривались промзона Подола вдоль Луговой улицы (ныне Новоконстантиновской) и киевская гавань. Внутренние дворики были очень маленькими, поэтому детям приходилось играть в переулке. Местные жители, хоть и в тесноте, но умудрялись держать и кур, и кроликов, и кабанчиков.

В начале 60-х годов дома в плоской части переулка были снесены, а жителей расселили по всему Киеву. Интересно, что и сейчас в гористой части переулка сохранилось несколько жилых одноэтажных домов.

Дети войны

В первые послевоенные годы у детей было очень мало игрушек и развлечений. Да и почти все игры несли на себе отпечаток войны. Никто не хотел быть «немцем»! Играли мы палками, консервными банками. Как и все дети в то время, воровали

яблоки, ели немытые ягоды, а вишни – даже с косточками! Напиться воды бегали к единственной колонке, расположенной в центре переулка.

Еду дома готовили на керосине, который покупали в будках-керосинках.

Детских садов в то время было очень мало, и меня с трудом определили в садик от фабрики имени Смирнова-Ласточкина, который находился на Красной (ныне Контрактовой) площади. Дети жили в садике всю неделю, и только в воскресенье родители забирали нас домой. Вспоминаю, как однажды зимой (мне тогда было года четыре) воспитательница одела меня и вывела на площадку. А мне так сильно захотелось увидеть маму, что я сбежала: вышла из садика и пошла пешком домой. Чтобы не сбиться с пути, шла по трамвайным рельсам, а услышав шум трамвая, уступала ему дорогу. Так я дошла до переулка и подошла к своему дому. На стук открыла моя старенькая больная бабушка. Воскликнула: «Боже, как же ты одна пришла из садика?» А через некоторое время прибежала испуганная воспитательница.

Еще помню, что рядом с заводом молочной кислоты, находившимся внизу на Фрунзе, был цех, где делали ситро. Из открытого окна этого цеха нас, детей войны, работницы угощали сладкой тягучей патокой, которую мы намазывали на хлеб.

Уже позднее появились конфеты: подушечки с помадкой внутри, леденцы «монпансье»... А вот чтобы попить газированной воды с сиропом, приходилось ходить в район кинотеатра «Жовтень».

Иногда мы залезали через дыру в заборе на территорию фабрики офсетной печати (ныне нотная фабрика). Там можно было стащить бракованные открытки, которые мы очень любили собирать.

Постепенно жизнь стала налаживаться. Подросшие девочки из нашего переулка стали надевать приталенные платья, носочки и туфельки на широком каблучке. Мальчики внимательно и тактично относились к нам. Возможной причиной этого было то, что в школах еще существовало раздельное обучение.

Однажды поздно вечером меня провожал домой парень с Подола, кстати, мой будущий муж. Подходим к переулку, а на углу стоят человек пять парней с Мыльного. Они нас пропустили, а когда мой парень возвращался, ребята его подозвали и говорят: «Обидишь нашу Валу – убьем!»

Мы росли в своем переулке, несколько изолированном от города, как в замкнутом мире. И сейчас нет для меня никого роднее моих друзей детства.

Школа на месте церкви

В 1935 году на фундаментах разобранной Иорданской церкви построили школу, в которой в годы Великой Отечественной войны был фашистский концлагерь для советских военнопленных. В послевоенное время в этом помещении работала фабрика офсетной печати, а ныне это административное здание Киевской нотной фабрики.

До наших времен сохранился Иорданский источник, окруженный до недавнего времени свалкой. Совместными усилиями православных киевлян местность была

очищена. С 2002 года верующие проводят здесь водосвятные молебны, а 19 декабря 2004 года, в день памяти святителя Николая, была совершена первая литургия в восстановленном из праха в третий раз Николо-Иорданском храме».

На «Жабе» музыка играла...

Поколение «Солнцедара»

Для поколения 60-х «Солнцедар» – вино-символ, знак эпохи застоя. Главное – цена была по карману, что-то около рубля.

Впрочем, ностальгическую слезу можно пустить и при упоминании «Биомицина» («Біле міцне») – вина киевских студентов, – 1 руб. 22 коп. А если неожиданно появились лишние деньги – портвейн «Таврический» стоил 3,27, «Московская» – 2,87, «Столичная» – 3,07. Плюс плавленый сырок за 11 копеек. Классика!

«Чернил» и «огнетушителей» плодово-ягодного типа в то время хватало с избытком. Под стать напиткам были и места их употребления: буфеты, столовые, магазинчики «Кулинария». Но особый уют создавали заросшие диким виноградом кафе и летние буфеты со стойками при входе в парки культуры и отдыха.

Не секрет, что и студенты, и другая молодежь предпочитала перед посещением танцплощадки слегка «заправиться» – например, упомянутым выше «Солнцедаром». В Пионерском парке около смотровой площадки с видом на Подол находилось замечательное летнее кафе с народным названием «Слоник». Прозвище произошло от фигурки слоника на работающем вблизи кафе фонтане. Можно сказать, что это было культовое кафе для молодежи. Там можно было распить принесенную с собой бутылку за столиком, а не в подъезде или на скамейке (кстати, и те и другие были под усиленным контролем милиции). Работники кафе обеспечивали посетителей стаканами, а потом забирали пустую посуду. Закусывали тоже принесенными плавлеными сырками или вареной колбасой. Ритм работы кафе был сумасшедшим – здесь не принято было долго засиживаться, т. к. надо было освобождать место для следующей компании с таким же «набором». Поэтому застольных бесед не вели: за 15–20 минут приняли «дозу» и встали.

Теперь путь лежал к открытой танцплощадке со специфическим названием «Жаба», которая имела круглую форму и была огорожена зеленым деревянным частоколом с просветами. Эта зеленая «Жаба» как бы притаилась в овраге около одной из многочисленных аллей. А во время танцев она двигалась, как будто дышала. Аншлаг здесь был постоянно. На крытой сцене играл оркестр, а когда музыканты отдыхали, включались пластинки с популярными шлягерами тех лет.

И в зимнее время танцы в Пионерском парке не прекращались: они перемещались в крытый отапливаемый павильон «Червона троянда», который находился недалеко от стереокинотеатра «Дніпро». А вот кафе «Слоник» зимой не работало. Поэтому бутылки зачастую распивали в туалетных кабинках «Червонной троянды».

- ▲ Самодеятельность на “Жабе”. 1960-е гг.
▼ Кафе “Слоник” зимой. 1970-е гг.

Интересно, что официально все киевские летние танцплощадки назывались просто танцплощадками. Однако не обделенные чувством юмора киевляне придумали для каждой из них название: «Жаба», «Кукушка», «Крокодилчик» – какой-то специфический зоологический юмор! Вспомним еще и кафе «Слоник».

Летняя танцплощадка «Кукушка» была расположена в Первомайском парке на Петровской аллее вблизи так называемых Кукушкиных дач. «Кукушку» и «Жабу» закрыли в начале 70-х годов. Что касается еще одной киевской летней танцплощадки с зоологическим названием – «Крокодилчик», – то она успешно функционировала в парке имени М. В. Фрунзе на Куреневке до конца 70-х. Затем на ее месте был построен крытый танцевальный павильон «Современник», который впоследствии был переоборудован в клуб «Голливуд». А сегодня здесь уже казино Freedom.

С появлением первых дискотек закончилась эра танцплощадок с чисто символической ценой входных билетов – 30 копеек.

Каждому свое

В советские времена каждый районный парк, каждый заводской или фабричный клуб, каждое учебное заведение, организация и учреждение города проводили вечера отдыха и танцев, причем не только для своих коллективов, но для всех желающих. Немолодые киевляне посещали танцевальные вечера с условным названием «Кому за тридцать» в Доме офицеров или в клубе «Пищевик». Молодежь приходила на «Кукушку» и «Жабу», в Пушкинский парк, ездила даже в Пуцу-Водицу, где на пятой линии находилась великолепная открытая танцплощадка. Для каждой танцплощадки подбирался соответственный репертуар.

Наши родители, чья молодость пришлась на те далекие годы, и сейчас собираются в Гидропарке, чтобы пообщаться и потанцевать...

На трамвае в Пуцу-Водицу

Трамвай № 12 – самый старый киевский маршрут

Сегодняшнюю Пуцу-Водицу – пожалуй, самый живописный уголок Киева – трудно представить без трамвайного маршрута № 12.

Интересна его история. Еще в середине XIX века Пуца-Водича вошла в состав Киева, но только в 1898 году здесь был обустроен дачный поселок, состоявший из шести улиц, которые пересекали так называемые линии.

До 1900 года сюда было очень трудно добираться. Потом проложили рельсы, и из города в Пуцу стал ходить локомобиль (паровой трамвай). Дачники вздохнули с облегчением. А в 1904 году линия на Пуцу-Водицу, самая старая из ныне существующих в Киеве, была электрифицирована. До революции курсировало два трамвая (№ 19 и № 20), связывавших поселок соответственно с Подолом и

верхним городом. А 4 мая 1922 года появился маршрут № 12, ставший «монополистом» на долгие годы. Трамвай № 12 позволял попасть в Пущу и получить незабываемые впечатления от заповедного леса многим поколениям киевлян.

В Первую, и во Вторую мировые войны местные трамвайчики перевозили прямо на линию фронта бойцов, оружие, снаряды, а увозили в городские больницы раненых. А в холодные послевоенные годы из Пущи-Водицы трамвай привозил в город так необходимые дрова.

Похвала глупости

В 1954 году киевские власти издали распоряжение, обязав трамвайно-троллейбусное управление связать вокзал с отдаленными районами города беспересадочными маршрутами. По-видимому, в благие намерения властей входило устранение неудобств пассажиров, связанных с переносом багажа из одного вида транспорта в другой.

Во исполнение этого распоряжения осенью 1954 года был открыт трамвайный маршрут № 25 с рекордной длиной – 24,4 километра! От вокзала он шел до Красной (ныне Контрактовой) площади, где делал поворот на 90 градусов и далее через Подол и Куреневку ехал до 14 линии Пущи-Водицы. А на обратном пути он, не доезжая два квартала до Красной площади, поворачивал с улицы Константиновской на Верхний Вал и далее следовал до вокзала. На Константиновской, около угловой аптеки, водитель трамвая выходил из кабины и с помощью ломика переводил стрелку.

В 50-х годах на трамвайных остановках висели желтые таблички на проводах. Там было написано, что трамвай № 25 ходит только в утренние и вечерние часы с интервалом в 166 минут. Увидеть 25-й трамвай вживую было невозможно! Однажды в юношеском возрасте я оказался на вокзале. У приезжего увидел путевку в дом отдыха «Труд» в Пуще-Водице, где черным по белому было напечатано: «Ехать с вокзала трамваем № 25 до третьей линии». Хорошо, что нашлось кому объяснить человеку, что ждать этот трамвай пришлось бы целый день. «Лучше сесть на трамвай № 13, доехать до Красной площади, а затем пересесть на 12-й номер до Пущи».

Из истории киевских трамвайных ДТП

Известно, что до появления электрического трамвая в Киеве были опробованы все бытовавшие тогда в Европе виды общественного транспорта – омнибус, конка, локомобиль, – но ни один из них не выдержал испытания местным рельефом. И только трамвай известного киевского инженера генерала А. Е. Струве с 1892 года стал успешно ездить по достаточно крутому Александровскому (ныне Владимирскому) спуску до Контрактовой площади.

Интересно, что до войны трамвай спускался на Бессарабку по улице Кругло-Университетской. Сегодня я с ужасом смотрю на этот очень крутой уклон – как же здесь могли ходить трамваи? Ответ прост. В то время тщательно следили

за состоянием тормозов и строго выполняли нормативы движения по улицам с уклоном.

Пожалуй, кроме аварии 1949 года, когда на улице Толстого трамвай сошел с рельс и перевернулся (имелись человеческие жертвы), других крупных аварий в Киеве не было.

Вернемся к Пуще-Водице. Весной 1966 года Киев готовился к проведению XXIII съезда Компартии Украины. Рано утром по лесу ехал пустой трамвай-перевозчик работников трамвайного парка. В районе санатория им. Горького уставший водитель не притормозил на повороте, и трамвай, упав на бок, перегородил при этом встречный путь. Накануне съезда подобное ЧП могло получить неприятную огласку! Но благодаря оперативной работе аварийных служб – сначала они освободили путь, затем замаскировали вагон в лесу, а на следующий день ночью отправили его на платформе в депо – движение трамваев не было остановлено. За пределами парка об этой аварии никто даже не узнал.

Общепит

Есть хотелось в любую эпоху

Явление общественного питания впервые в истории было зафиксировано в письменности еще в 1800 г. до н. э. Кодекс законов Хаммурапи предусматривал смертную казнь за разбавление пива водой в заведениях тогдашнего общепита. Такие заведения были распространены и в Древнем Риме. Интересно, что древнеримские и древнегреческие таверны обычно располагались вблизи языческих храмов – им перепали животные, принесенные в жертву богам. Кроме мяса в меню там входили вино, сыр, сушеные овощи... Только на небольшой площади раскопанной Помпеи насчитали 118 таверн.

Хочется, однако, отметить, что выпивка в таких заведениях была приоритетом. И только в средние века стала превалировать еда. В ресторане Буланжера подавали бульон с целью «восстановления плачущих желудков». Интересно, что тогда питание вне дома было уделом одних только путешественников. А первая кофейня в Европе появилась в середине XVII века.

В XX веке общественное питание стало стремительно развиваться.

Общепит по-советски

В СССР общественному питанию отводилась важная роль – освобождение советских женщин из кухонного плена.

Советский общепит ввел свои понятия-символы: первое-второе-третье, комплексный обед, рыбный день, граненые стаканы... Радовало, что комплексный обед для рабочих стоил в производственной столовой 60 копеек, в то время как в ресторане – 1 рубль 20 копеек. В хрущевские времена хлеб в столовых был бесплатным.

Рыбный день (обычно четверг) появился в первой половине 1970-х годов. Это заметно уменьшало расход мяса, нехватка которого стала тогда ощущаться.

Трудно забыть грязные столы, серое окаменевшее содержимое солонок, вилки без зубцов, разбавленное пиво и сметану, подливу – коричневую субстанцию непонятного происхождения, поломанный кран умывальника и закрытый туалет. Кофе варили в огромных алюминиевых кастрюлях с написанными на боках грязно-синими инвентарными номерами. Подавали такой «эспрессо» в налитых до краев граненых стаканах. На вопрос, из чего делался этот напиток, работники столовой не отвечали.

А выстояв длинную очередь и наконец загрузив поднос едой, посетитель столовой долго не мог найти места в обеденном зале: все столы обычно были заняты...

Новый год и дети

Немытые мандарины

Новый год был единственным в СССР праздником, лишенным идеологических нагрузок. Он остается таким и поныне – семейным, личным и самым главным для детворы.

На киевском Подоле с многочисленных возвышенностей в канун каждого Нового года можно было увидеть на огромных, высотой более десяти метров, трубах ТЭЦ-2 обозначение электрическими лампочками наступающего года. На каждой трубе – по цифре: 1, 9, 5, 7...

На Рыбальском острове в канун праздника устраивали катание детей на запряженных лошадьми деревянных санях.

Сразу после войны центральную елку Подола устанавливали в районе нынешней автостанции «Подол». Затем стали ставить ее на Красной (ныне Контрактовой) площади в скверике напротив здания Подольского университета.

Кстати, и центральную киевскую елку в то время устраивали в другом месте – правее здания филармонии на смотровой площадке с видом на площадь Сталина (ныне Европейскую).

Рядом с городскими елками строились временные новогодние базары. Это были сборные деревянные киоски, украшенные разноцветными гирляндами, где продавались елочные игрушки, стеклянные бусы, хлопушки, гирлянды, подарки и многое другое.

Родители приносили домой со своих предприятий детские подарки: перевязанный тесемочкой бумажный кулек, в котором печенье и зефир лежали вперемешку с конфетами и мандаринами (думаю, немытыми). Наверное, сегодня это не соответствовало бы санитарным нормам. Но в то время, когда тысячи людей пили газировку из одного стакана и обходились без холодильников, такое было в порядке вещей. При этом никто не заболел!

▲ Покупка праздничных новогодних украшений. 1950-е гг.

Елочные игрушки

В первые послевоенные годы почти все елочные украшения были самодельными. В то голодное время их чаще всего делали в виде фруктов, ягод и овощей. Выручали и найденные в чердачных сундуках дореволюционные игрушки – кукольные ангелы, рождественские звезды, а также игрушки, привезенные из Германии. Были орешки в фольге, вырезанные из бумаги снежинки, стеклянные зайчики и белочки. Запомнился стеклянный светофор с разноцветными кнопками. Под елкой обычно укладывали вату, имитировавшую снег.

Затем появились стеклянные бусы, композиции из шариков, бус и палочек и бумажные гирлянды. Первыми электрическими гирляндами были разноцветные лампочки-шарики, присоединенные к проводу, который включался в розетку.

Как дань советскому времени изготавливались ракеты, спутники и даже кукурузные початки... На макушку елки водружалась пятиконечная звезда. Кстати, до революции на вершину елки цепляли солнышко из бумаги или соломы.

Детям после войны дарили леденцы из жженого сахара в бумажном пакетике, грецкие орехи, сушеные яблоки и груши. Подарок вручался малышу лично в руки.

К середине 50-х годов на елочку стали вешать самые дорогие в то время шоколадные конфеты: «Ласточка», «Мишка», «Ананасные»... После встречи Нового года малыши срезали их ножницами и ели. Конфеты с елки почему-то были вкуснее. Искусственных елок тогда не ставили – только настоящую и высокую!

Страсть к собирательству

Погибшая 1600 лет тому назад великая Александрийская библиотека была одним из семи чудес света. Она хранила тексты античного периода и труды блистательных ученых. Ясно, что и в древности уже были собиратели!

Мы все что-нибудь собираем: книги, кулинарные рецепты, марки... На смену собирательству приходит коллекционирование, а это ни с чем не сравнимая всепожирающая страсть, которая приносит волнения, радости, разочарования, бессонные ночи. Это капитальные знания и глубокое проникновение в сферу своего собирательства. И наконец, это неутолимый поиск, ибо пресыщенность коллекционера означает конец его увлечения.

Профессор Гумовский, еще в начале XX века написавший книгу о психологии коллекционера, предупреждал: «Господа, даже если это человек, с которым вы знакомы, друг вашей жизни, даже если это профессор, и ему 60 лет, и вы его хорошо знаете, – не оставляйте его наедине со своей коллекцией!» Эта страсть может как спасти, так и погубить человека.

Рассказывают, что во время немецкой оккупации один известный киевский филателист имел жену-еврейку. Он предложил немецкому офицеру, также филателисту, свою коллекцию в обмен на сохранение жизни его жены. Сделка состоялась. Фантики, марки, книги...

В 1949 году советская страна готовилась торжественно отметить семидесятилетие Сталина. Юбиляр пригласил к себе наркома Микояна и сказал: «Хотя конфеты и выпускаются промышленностью в достаточном количестве, однако населению поступают в неприглядном виде: в обыкновенных ящиках, словно гвозди или иная фурнитура. Это нехорошо!» Тотчас было проведено правительственное совещание с участием работников культуры, видных ученых и поэтов. Так была решена проблема конфетных фантиков. В разработке оберток для конфет приняли участие даже карикатуристы Кукрыниксы! Эти оригинальные фантики впоследствии стали большой редкостью.

У детей, преимущественно девочек, собирательство начиналось именно с таких конфетных оберток. А вот большинство мальчиков предпочитало собирать почтовые марки. В СССР по образцу царской России стали выпускать альбомы, в которых марки вклеивались на специальные места с рисованным изображением данной марки. Это были так называемые хронологические коллекции. Кляйсеры для тематических коллекций появились гораздо позднее.

Борьба со спекулянтами

Увидев красочные марки колоний с экзотическими названиями Бельгийское Конго, Португальская Ангола, Берег слоновой кости, Маврикий и другие, мальчишки «заражались» собирательством и начинали покупать марки и обмениваться. Первые такие «операции» производились на темных площадках у лифтов 3 и 4 этажей в помещении бывшего здания киевского Центрального почтамта (ныне снесенное

здание ресторана «Столичный») на площади Ленинского комсомола. Затем место встреч перебазировалось к магазину «Ноты» на улице Владимирской напротив Оперного театра. Потом была аллея Пионерского парка рядом с библиотекой КПСС. После аллеи – внутренний двор магазина «Филателия» на улице Красноармейской. Следующим местом был овраг в ботаническом саду имени академика Фомина (у входа со стороны улицы Тарасовской). В народе это место называлось «ямой», и в этой «яме» можно было купить или выменять редкие и дефицитные книги. Затем были Пушкинский парк, точка у метро «Нивки» и т. д.

Организованных коллекционеров в то время еще не было. Собиратели были под подозрением властей. Ведь к нумизматам могли попасть царские золотые монеты – а это уже чистый криминал. Филателисты тоже рисковали. Многие из них боялись показывать свои коллекции незнакомцам. Например, у человека имелись марки Португалии или Испании, а у СССР в то время не было никаких дипломатических отношений с этими странами. У такого филателиста компетентные органы могли спросить: «Откуда у вас эти марки?» Кроме того, в среду коллекционеров могли проникнуть и осведомители... Поэтому коллекционеры принимали меры конспирации, меняли места встреч.

Удивительно, что среди работников самих «органов» также были коллекционеры, которые в кругу своего увлечения скрывали, где они служат. Хочется отметить, что эти люди не раз выручали из беды попавших при облавах в милицию своих друзей-коллекционеров.

Нелегальные книжные рынки особенно ярко преследовались милицией. Однажды, когда книголюбы собрались под Воздухофлотским мостом, с моста упала и загорелась бочка с соляжкой. Испуганный народ прыгал в речку Лыбедь.

Книжные рынки стали перемещаться в сторону Святошина. Они стали работать вдоль трассы скоростного трамвая сначала в районе Политехнического института, а затем в районе улицы Полевой. Позднее книголюбов можно было увидеть в лесополосе вблизи железнодорожной станции «Борщаговка». Однажды в этой лесополосе один книголюб решил пошутить. Он вскочил на пенек и крикнул: «Всем оставаться на своих местах, вы окружены!» Испуганные люди бросились врассыпную...

Со временем рынок перебрался на Петровку, где долгое время продолжал оставаться нелегальным.

Однажды министерство торговли, которому подчинялись все магазины «Киев-книготорга», выпустило инструкцию: «Список авторов и наименований книг, не рекомендованных для продажи в советской книготорговле». Среди писателей были Аксенов, Гончар, Войнович, Евтушенко и другие. Однако получилось наоборот: список сразу пошел по рукам. А указанным в нем авторам сделали хорошую рекламу. Люди говорили: «Будем знать, что надо прочесть!»

70 лет родной школе

Раздельная школьная система обучения мальчиков и девочек существовала в дореволюционной России и в СССР (с 1942 по 1952 годы). В самый разгар войны, когда немцы подошли к Сталинграду, И. В. Сталин вдруг принимает решение о разделении школ на мужские и женские. Кстати, в 1943 году были возрождены суворовские и нахимовские училища. Раздельное обучение, воспринятое поначалу как недоразумение, впоследствии принесло и положительные плоды. По мнению психологов, развитие мальчиков и девочек происходит неравномерно. Мальчики поначалу отстают, что отрицательно сказывается на их психике и занижает самооценку. Девочки, как правило, раньше начинают писать и читать. Во многих зарубежных странах (Англии, Израиле и т. д.) раздельное обучение существует и ныне.

Когда-то в районах нынешних Куреневки и Приорки были огромные, застроенные редкими небольшими домиками просторы. Эти места хорошо просматривались со стороны Кирилловской обители. Затем здесь началась интенсивная застройка, и местность стала районом огородничества и садоводства – главным поставщиком овощей и фруктов для киевлян. А красота заросших склонов гор, озера и яры привлекали сюда художников и поэтов. В начале XX века в Пуцу-Водицу была проложена трамвайная линия, что позволило приблизить к центру эту прекрасную окраину.

Киевлянин Никита Яковлевич Павлик родился в далеком 1915 году в небольшом городке Яготин Киевской области. В 1936 году поступил в Киевский педагогический институт, решив стать преподавателем украинского языка. Однако этот путь оказался нелегким.

В 1940 году Никита Яковлевич стал жертвой сталинских репрессий и был сослан на Чукотские свинцовые рудники, где провел семь лет.

Вернувшись после реабилитации в Киев, сдал государственные экзамены и стал учителем украинского языка и литературы. В 1948 году получил направление в киевскую мужскую школу № 8 по улице Вышгородская, 6, где проработал 30 лет и вышел на заслуженный отдых. На пенсии Никита Яковлевич всерьез занялся своим вторым увлечением – пчеловодством.

Сегодня председатель Киевского союза пчеловодов «Оболонь» Н. Я. Павлик вспоминает о своей молодости и работе в киевской школе № 8 в далекие послевоенные годы.

«Шел 1937 год, я был студентом второго курса Педагогического института имени Горького и жил в институтском общежитии по улице Гоголя. В комнате нас было 12 человек. Питались плохо, так как на стипендию в 29 рублей, кроме хлеба, селедки и лукавицы, ничего не купишь! Случайно узнал, что бывший директор моей Яготинской школы, Николай Иванович Крамаренко, перебрался в Киев и устроился завучем в трудовую школу № 14, рядом с нынешним Куреневским рынком. Это сохранившееся до сих пор красивое здание было построено в начале XX века по проекту профессора В. Г. Кричевского. Мы, несколько студентов из Яготина, часто приезжали к Николаю Ивановичу, который всегда нас тепло встречал и угощал борщом или кашей.

Обычно после посещения 14-й школы мы трамваем ехали в Пущу-Водицу по улице Вышгородской. До войны трамвайные колеи были проложены именно по ней, а после войны они были перенесены на нынешнюю улицу Автозаводскую. Послевоенная улица Автозаводская сильно отличалась от современной. Трамвай шел словно по огородам, мимо частных домиков с подслеповатыми окнами, мимо ветхих деревянных построек, пугая сонных кур...

Вернемся, однако, в 1937 год. Проезжая на трамвае по Вышгородской, я обратил внимание на строительства большого здания, и узнал, что это будет школа. В то время я не предполагал, что через десять лет стану работать в этой школе № 8 учителем, и не расстанусь с ней 30 лет!

Школа № 8 торжественно открылась, а через четыре года началась Великая Отечественная война. Занятия прекратились, в 1942 году, в период немецкой оккупации, были восстановлены в уцелевших классах. Преподавали в школе некоторые из бывших школьных учителей, которые по разным причинам остались в Киеве. Учебники были тоже нашими, однако много страниц оказалось склеенными или с зачеркнутым текстом.

Однако занятия продолжались недолго. Немецкое командование издало указ, что дети, обучающиеся в школе, должны стать донорами крови для раненых немецких солдат. Узнав об этом, дети перестали ходить в школу. Родители их прятали, многих отправили в села.

После освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков занятия в школах постепенно возобновились. В 8-й школе это произошло лишь в 1945 году, так как в период 1943–1945 годов школьное здание было госпиталем для раненых бойцов Красной армии.

То, что в первые послевоенные годы люди бедствовали, – не новость. Немного легче было тем семьям, которые жили в частных домиках. Ведь это была местность с прекрасной землей и люди умели за ней ухаживать. Но и у них редиска или помидор с хлебом часто были и завтраком, и обедом, и ужином. А если удавалось кусок хлеба намазать подсолнечным маслом – то это уже был праздник»!

Автоматизация по-киевски

Идея заменить капризного и дорогостоящего продавца на круглосуточно работающую машину, не имеющую ни к кому никаких претензий, посетила человечество еще в XVIII–XIX веках.

Так появились первые запатентованные автоматы по продаже почтовых марок в Великобритании и по продаже конфет в США. Это были так называемые механические торговые автоматы – «вендоры». Они успешно продавали также и сигареты, жевательные резинки, почтовые конверты и т.д., а в середине 50-х годов XX века не только наливали сок и воду в стаканы, но и сами готовили чай и кофе.

Сегодня торговые автоматы широко распространены во всем мире. Только в странах ЕС их около 8 миллионов, в Японии – около 6, а в США – более 7 миллионов. Интерес к автоматической торговле в капиталистическом мире обусловлен прежде всего простотой организации такого бизнеса и его сверхрентабельностью. Владельцы предприятий после внедрения автоматов и сокращения в связи с этим огромного числа своих сотрудников стали получать серьезную прибыль.

Первые киевские автоматы. В конце 50-х годов прошлого века автоматизация стартовала и в Киеве, причем не только в торговле, но и на транспорте, в средствах связи, в быту ...

В Киеве появились даже кафе-автоматы с незатейливыми названиями типа «Воды-соки-пирожки». Удивленные жители столицы увидели трамваи, троллейбусы и автобусы без кондукторов, с автоматическими кассами.

В отличие от «загнивающей западной рыночной экономики», советская плановая экономика этой автоматизацией преследовала другие цели:

во-первых, упразднение профессий, которые стали терять престижность, – продавца, кондуктора и других. Во-вторых, показать всему человечеству рост технического прогресса при развитом социализме. А вот вопросы бизнеса и получения прибылей в то время не были определяющими, что в итоге и привело к тем казусам, о которых пойдет ниже.

Например, не прижились в Киеве автоматы по продаже газет, которые были установлены в 70-х годах прошлого века. Появились и быстро исчезли размещавшиеся преимущественно в туалетах автоматы-пульверизаторы, опрыскивавшие посетителей дешевым одеколоном типа «Шипр» или «Тройной», хотя и стоило такое удовольствие всего 15 копеек.

Говорят, сняли их потому, что они оказались идеальным опохмеляющим средством. С развалом СССР и началом гиперинфляции продажа товаров через автоматы стала приобретать и вовсе непонятные, уродливые формы. Например, автоматы, отпускавшие в подставленную покупателем бутылку подсолнечное масло, были переведены на жетоны. А их надо было предварительно покупать у специального продавца в том овощном магазине или гастрономе, где был установлен автомат.

Комичным выглядело иногда приобретение газированной воды с помощью автоматов, которые, кстати, собирались в Киеве... Первые такие автоматы были ненадежны-

▲ Первые автоматы для продажи газет

ми, часто портились и вели себя непредсказуемо. Отпускаемая вода разбрызгивалась во все стороны, в том числе и на покупателя. Часто можно было увидеть, как, бросив в щель монету и не дождавшись воды, покупатель с размаху бил кулаком по автомату. Удивительно, но вода при этом сразу же поступала в стакан!

Кстати, о стаканах. В автоматах была предусмотрена ниша, в которой покупатель мыл стакан. Он опрокидывал в такую мойку свой стакан и нажимал на его дно. Диск пружинил, опускался и из отверстий в нем выдавливались слабые фонтанчики воды. Понятно, что это не обеспечивало качественного мытья. Однако в те времена тысячи киевлян пили воду из и одного и того же «помытого» стакана и никто не брезговал! Впрочем, эту граненую «тару» из автоматов «Газ-вода» регулярно крали алкоголики и просто народ, не желавший пить «из горла». В связи с этим стаканы долго в автоматах не задерживались и периодически заменялись на новые.

Как киевляне выживали в подвалах и полуподвалах...

Многофункциональное назначение. В послевоенное время, когда население Киева стало резко увеличиваться, народ селился везде: в деревянных сараях, на верандах, в погребах, на чердаках и даже на баржах, пришвартованных к берегу Днепра. В этом списке подвалы и полуподвалы жилых зданий занимали далеко не последнее место по степени уюта.

Чем же они отличались друг от друга? В подвале – квартире с полутемными окнами, расположенной в подвальном помещении здания, окно располагалось ниже уровня земли и выходило в «прямую» – выкопанную вдоль дома «ямку», иногда закрытую решеткой или огороженную перилами.

В полуподвале же, хоть полы комнат и находились тоже ниже уровня земли, верхняя часть окон несколько поднималась над землей.

Следует отметить, что были и такие подвальные помещения, которые вовсе не имели окон. Не думаю, что первоначально они предназначались для жилья. По замыслу проектировщиков доходных домов конца XIX – начала XX веков подвальные помещения должны были выполнять другие функции.

Они могли служить централизованной кочегаркой, где работали истопники. Или великолепными естественными холодильными камерами для хранения продуктов питания, складскими помещениями и реже – производственными.

В военное время подвалы выполняли функции бомбоубежищ.

Для нас, послевоенных детей, подвал нашего дома был особенно привлекателен тем, что в пустующей темной комнате мы устроили «кинозал» для совместного просмотра диафильмов. На стену вешали белую простыню и часами смотрели прекрасные советские диафильмы тех лет, а кто-то из взрослых крутил ручку диапроектора и читал нам вслух текст под каждым кадром.

А в другой пустующей комнате подвала сосед-художник оборудовал мастерскую, которую мы любили посещать. Ведь следить за процессом творчества – одно наслаждение.

Борьба с холодом. Мне не пришлось жить в подвале, однако в середине прошлого века я очень часто заходил к своему школьному другу, который жил с мамой в маленькой подвальной комнатке. Его мама сама сложила маленькую печку из огнеупорного кирпича – «межигорки», который она купила на кирпичном заводе по улице Нижнеюрковской. Топка выходила в коридор, а «зеркало» печки, облицованное кафелем, – в комнату. Растопка печки была длительной и нелегкой процедурой. Сначала она очищалась от шлака, который оставался от предыдущей растопки. Шлак выносился во двор. Из сарая приносилось топливо, печка кое-как раскочегаривалась, и при хорошей тяге (это зависело от погоды) только через два часа в комнате начинало теплеть. При плохой тяге процесс затягивался, иногда комната наполнялась дымом.

И грустно, и смешно. В середине XX века отапливали свои дома киевляне тем, что удавалось достать. Кто был побогаче, топил дровами, углем. А если в семье были только мать да малолетний ребенок, все сильно усложнялось.

Дрова необходимо было не только купить, но и распилить, наколоть – и за все плати... Выкручивались как могли! Мама моего друга Славика работала на 4-й обувной фабрике, где получала обрезки резины, которые использовала для подогрева печи. А вот мой отец приносил из столярного цеха своего завода (где была пилорама) тырсу. Тырса легко сгорала, однако тепла давала куда меньше дров.

Когда мама Славика начинала топить обрезками резины, из дымохода валил черный дым с частичками сажи, да и запах был ужасный! Соседи выбегали во двор

и снимали с веревок недосохшее белье, которое могло мгновенно почернеть. Ругаться?! С кем? С вдовой, матерью-одиночкой, которая зарабатывала 50 рублей в месяц? Ни хороших дров, ни угля на такие деньги было не купить! Вот так и жил народ в своем подвале.

И только в конце 50-х – начале 60-х годов, когда в Киеве начались работы по проводке центрального отопления, печки стали уходить в историю.

С приходом к власти Хрущева началось интенсивное жилищное строительство. И Славик с мамой, и моя семья получили отдельные благоустроенные квартиры на жилом массиве «Ветряные горы». Сейчас эти дома с устаревшей некомфортной планировкой называют «хрущевками» и собираются их сносить. А в то время для нас это были настоящие дворцы.

В Пуще-Водице пятидесятих...

Граждане СССР имеют право на отдых. Так было написано в статье 119 Конституции СССР 1936 года. Далее там говорилось, что право на отдых обеспечивается сокращением рабочего дня для подавляющего большинства рабочих до 7 часов, установлением ежегодных отпусков рабочим и служащим с сохранением заработной платы, предоставлением трудящимся широкой сети санаториев, домов отдыха, клубов.

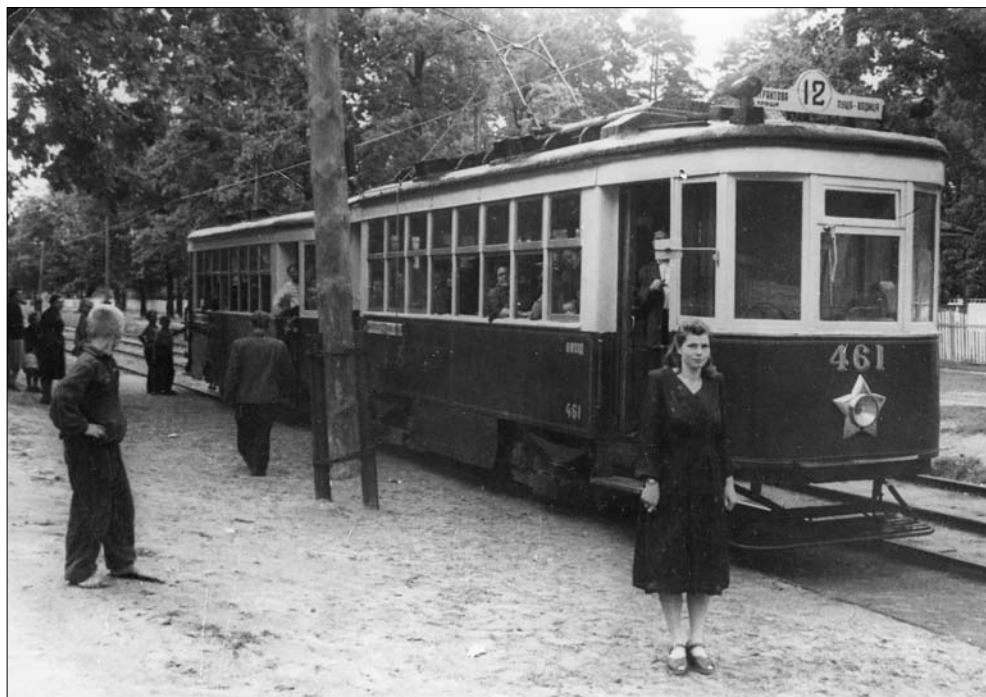
Исправно платя профсоюзные взносы, советский человек действительно рассчитывал получить заветную льготную 30% путевку в какой-либо санаторий, пансионат, дом отдыха «необъятной Родины своей».

Однако были проблемы. На отдел (цех, смену) заветные путевки выделялись в весьма ограниченном количестве. В первую очередь путевки получали передовики производства, победители соцсоревнований, ударники коммунистического труда, рационализаторы, дружинники, доноры, нуждающиеся в лечении... Реже путевками премировали или они просто разыгрывались в лотерею.

Получается, что такую путевку еще надо было заслужить! Да еще не каждый год отпуск выпадал на летнее время. Однако следует отметить, что в профкоме велся соответствующий учет. Работая на предприятии длительное время, советский человек не раз пользовался такими профсоюзными путевками, причем в холодное время путевку получить было проще.

Киев. Пуща-Водица. Более 100 лет тому назад в этом живописном уголке Киева появились первые лечебные санатории – противотуберкулезный и общесоматический. А в пятидесятые годы прошлого века здесь было уже более 50 санаториев, профилакториев, домов отдыха, турбаз, детских оздоровительных лагерей... Многие из них – союзного значения.

Добирались сюда из центра города на трамвае по самой старой из существующих ныне линий, проложенной еще в начале XX века. Уже сама поездка туда на трамвае через глушь заповедного леса оставляла незабываемые впечатления у приезжих.

▲ Трамвай в Пуще-Водице. 1950-е гг.

Коллективизм – это совсем не плохо. В то время люди еще не были помешаны на индивидуализме, охотно и радостно знакомились, проводили время вместе, заводили верных друзей. Совсем не считалось зазорным хором под баян массовика исполнять популярные на то время песни. И надо отметить, что руководство здравниц уделяло огромное внимание организации досуга отдыхающих. Зимой это были лыжные прогулки, летом – купание. Работали библиотеки, бильярдные, кинозалы, танцы, газетные киоски. Можно было сыграть в волейбол, настольный теннис, шашки, шахматы и другие игры. Выезжали и на экскурсии в Киев – на скуку просто не хватало времени.

Вечера отдыха проводились с вручением призов, подарков и грамот за активное участие в играх и конкурсах, особенно песенных.

Всех певцов объединяли популярные советские песни тех лет.

Увлекательным было и исполнение национальных песен и танцев. Вот массовик-затейник объявляет конкурс на лучшее исполнение народной песни. Выходит украинка и поет: «А на тому боці, де живе Марічка...», эстафету подхватывает грузинка: «Такой лазурный небосвод сияет только над тобой, Тбилиси мой любимый и родной...», а ее сменяет мужчина из Азербайджана: «Песня первой любви в душе до сих пор жива, в песне той о тебе все слова...». Вот такой была в то время дружба народов, причем на уровне простых тружеников. И люди этим гордились!

Первое, второе, третье, четвертое и даже пятое. Питание в послевоенных домах отдыха было четырехразовым и очень калорийным. Сегодня принято снижать свой вес. А в послевоенное время основным показателем хорошего отдыха было количество килограммов, на которое поправился отдыхающий. У медпункта висела стенгазета, где были сфотографированы шахтеры и указан их вес до прибытия на отдых и после него. Поправлялись в среднем на 5–7 килограммов.

Автору тоже довелось однажды провести отпуск в доме отдыха в Пуще-Водице. Помню, в столовой наш стол обслуживала местная девушка.

Думаю, что это была одна из самых красивых украинок, каких я только видел в тогдaшнем СССР. Мой товарищ по столу тоже заметил это. Что же было в ней такого необычного, в этой простой девушке из находящегося рядом с Пущей села Горенка? В ней поражало все: манера поведения, достоинство, плавность походки, прелестная улыбка и природная вежливость. У нее были точеные ручки, чудные зубки и ни капли пошлости, жеманства и угодливости!

Я тогда понял, что обслуживать людей можно, оказывается, с чувством собственного достоинства. Наблюдая сейчас в нынешних кафе и ресторанах нагловатый и одновременно угодливый обслуживающий персонал, я все время вспоминаю ту девушку из Пущи-Водицы далекого советского прошлого.

Встреча с кубинцами

Происшедшая на Кубе социалистическая революция, которая началась в 1958 году, закончилась победой революционеров над проамериканским правительством, которым руководил Батиста. Уже в феврале 1959 года лидер революции Фидель Кастро занял пост главы кубинского правительства. В 1960 году Куба, установив дружеские отношения с СССР, заявила о своей приверженности марксизму-ленинизму, что, естественно, сильно напугало США.

Киевляне видели Фиделя Кастро вживую дважды. Первый его визит состоялся в мае 1963 года. Второй раз он наведлся в Киев проездом в январе 1964 года, причем вместе с Никитой Хрущевым, который специально устроил здесь для него зимнюю охоту.

А вот нам, ученикам 6-го класса киевской школы № 158, которая находилась в то время на Подоле (Цимлянский переулок, 2), довелось встречать кубинскую делегацию в 1960 году благодаря учительнице французского языка Маргарите Исааковне Владимировой.

Эта, как сейчас бы сказали, «продвинутая» молодая женщина сильно выделялась среди других учителей нашей школы. Моднo и яркo одетая, прекрасно знавшая французский и испанский языки, она еще умудрялась вести переписку с иностранцами на международном языке эсперанто. Принося в класс интересные зарубежные иллюстрированные книги и журналы, она весьма нестандартно и потому интересно обучала нас французскому языку. Нам нравились ее уроки, обучение языку проходило интересно и весело.

▲ Встреча Фиделя Кастро в Киеве. 1963 г.

Наступил апрель шестидесятого. Первоапрельские школьные шутки типа «У тебя вся спина белая!» или «Тебя вызывает директор» вызывали оскомину.

Первого апреля 1960 года в наш класс вошла Маргарита Исааковна и сказала:

«Ребята, через три дня к нам приезжает кубинская делегация, и мы должны их приветствовать на испанском языке. Для этого вам надо изучить песни, стихи, приветствие по-испански». У кого-то из учеников невольно вырвалось: «Это что, первоапрельская шутка? Мы и французский-то толком еще не знаем!».

Но задача была поставлена, выданы испанские тексты, написанные по-русски, и в день прибытия кубинской делегации мы встречали ее исполнением гимна Кубы на испанском языке. Кроме того, каждый из нас, произнес по-испански свою часть длинного стихотворного приветствия, и все получилось великолепно! Кубинские революционеры подарили нам флажки, значки и буклеты о кубинской революции и рассказали (переводила Маргарита Исааковна) о сбежавшем под напором повстанцев диктаторе Батисте, о штурме казарм Монкада, о лидере революции Фиделе Кастро и о многом другом.

В завершение встречи мы вместе с ними дружно скандировали: «Куба – да, янки – нет!», «Родина или смерть!», «Да здравствует революционная Куба!» как на русском, так и на испанском языках.

Они нам хорошо запомнились, эти пятеро молодых мужчин в клетчатых рубашках. Некоторые из них были бородатые. Запомнились их обветренные океанским

ветром загорелые лица, горящие глаза, безумной силы вера в то дело, которое они совершили на Кубе, а также их пламенная любовь к своим вождям, особенно к Фиделю.

Танцплощадки шестидесятых

Николай Иванович Коновалов, ветеран завода «Торгмаш», сейчас на заслуженном отдыхе. А вот в шестидесятые годы ему довелось в составе духового оркестра играть попеременно на контрабасе и гитаре почти на всех танцплощадках Киева. Вот несколько эпизодов из его воспоминаний.

С завода на танцы. «После службы в армии я стал работать наладчиком на заводе «Торгмаш» и одновременно посещать секцию тяжелой атлетики в спортобществе «Спартак». Тренировочный зал находился в районе нынешней Контрактовой площади. Во время службы я был чемпионом Киевского военного округа в среднем весе: личный рекорд в толчке – 160 кг, в жиме – 130 кг.

Одновременно на любительском уровне я стал осваивать гитару. А вот мой товарищ по спорту Володя Хмелевский увлекся игрой на ударных инструментах. Однажды Володя мне сообщил, что при клубе «Пищевик» Михаил Израилевич Волинский создал коллектив «Цирк на сцене». Теперь он набирает музыкантов в духовой оркестр этого цирка. Мы с Володей стали участниками этого оркестра. Михаил Израилевич, будучи мастером разговорного жанра и конференсье, обучил нас нотной грамоте. Коллектив «Цирк на сцене» выступал не только в Киеве, но и гастролировал по всему бывшему Советскому Союзу.

Уволившись с работы, я стал ездить с оркестром по Крыму, Кавказу и т.д.

Однако когда познакомился в Киеве со своей будущей женой Соней, с цирком пришлось расстаться.

Женился, вернулся на завод, однако музыку не оставил. Познакомился с киевскими музыкантами, которые в вечернее время подрабатывали на танцах и зимой, и летом. Духовой оркестр обычно состоял из контрабаса, гитары, ударных, фортепьяно или аккордеона, двух саксофонов, двух труб и тромбона. Присутствовал на вечерах и конференсье.

Подменяя своих товарищей, я стал кочевать по Киеву с одной танцплощадки на другую. В летнее время это были Пушкинский парк, парк им. XX съезда КПСС, «Кукушка», «Жаба», «Крокодилчик», а зимой – «Пищевик», «Червона троянда», «Большевик». В Доме офицеров играл летом на летней площадке, зимой в зале. В «Пищевике» и Доме офицеров в то время практиковали танцы «Для тех, кому за тридцать».

Интересно, что в начале XX века киевский парикмахер Соломон Исаакович Шкляр открыл по месту своего жительства на Большой Васильковской, 10 школу танцев. Он обратил внимание, что многим киевлянам просто негде познакомиться с барышнями для серьезных отношений. И хотя подобные заведения уже суще-

ствовали в Киеве, школа Шкляра сразу же захватила пальму первенства за счет более низкой платы и приема желающих всех возрастов. Здесь сначала танцевали, затем знакомились и в завершение засылали сватов. Школа работала шесть дней в неделю, кроме субботы.

Во время Первой мировой войны Шкляр уехал в Америку. В 1900 году там благодаря неграм-рабам появился джаз – афро-испанская интерпретация классических полек, вальсов, гимнов... Может, это просто совпадение, но когда бывший киевлянин Шкляр объявился в Америке, там тоже начался танцевальный бум – уже среди белого населения».

Главное место встреч. «В послевоенное время, в отличие от нынешнего, когда познакомиться с противоположным полом можно не выходя из квартиры – достаточно только иметь компьютер с выходом в Интернет, танцплощадка очень активно выполняла роль флирт-вернисажа. Сколько знакомств здесь произошло – не счесть, а многие из них и к свадьбе привели!

Хотя, следует отметить, бывали на танцах и негативные моменты, когда тон, несмотря на дежуривших милицию и дружинников, задавала «блатота». Девушке за отказ танцевать с нагловатым незнакомцем случалось слышать в свой адрес откровенные угрозы. Ребята, не поделившие девушку, бывало, выясняли отношения с помощью ремней с пряжками. Однако все драки были «до первой крови», четко действовал принцип послевоенного времени – лежачего не бить, ногам воли не давать!

Музыкальный репертуар на танцах четко соответствовал утвержденной инструкции, по которой разрешалось играть вальсы, польки, падекатры, падеспани, падеграсы. Реже исполнялись полузапрещенные танго и фокстрот.

Несмотря на некоторые негативные моменты, танцплощадка обладала невероятной притягательной силой для молодых людей. Не было на девушках дорогих нарядов. Их заменяли газовые платочки, сатиновые, крепдешиновые или маркизетовые платица с пышными юбками-шестиклинками и рукавами-фонариками.

Характерными деталями мужской и женской одежды были подкладные плечи, именовавшиеся с среде портных «котлетами». Косметика была отечественная: духи «Розовый пион», «Красная Москва», «Серебристый ландыш»...

Правила танцев. «Вспоминается великолепный танцевальный зал на втором этаже клуба «Пищевик» с остекленным потолком. Мужчины стояли обычно возле входов в зал, женщины сидели в креслах. Всегда соблюдался этикет, по которому мужчина, приглашая даму на танец, обязательно спрашивал ее согласия. После танца отводил ее на место и благодарил.

Наблюдая сегодня «висящих» друг на друге партнеров, хочу напомнить о том, что не все сегодня знают. В классическом вальсе мужчина и женщина друг друга практически не касались! Мужчине разрешалось подставить ладонь для ладони партнерши, а внешней частью большого пальца другой руки чуть придерживать ее за спину в том месте, где находилась застежка лифа.

На Куреневке, в парке им. Фрунзе, находилась открытая танплощадка, прозванная в народе «Крокодилчиком». Помню, на деревянном киоске по продаже билетов на танцы висели «Правила поведения на танцевальных вечерах». Вот некоторые выдержки из них: «Танцевать в рабочей и спортивной одежде воспрещается!», «Танцевать в нетрезвом виде воспрещается!», «Женщина имеет право в учтивой форме выразить неудовольствие по поводу несоблюдения мужчиной положенного расстояния в три сантиметра и потребовать объяснения»...

Необычные любовные открытки, или О послевоенном киевском изобразительном самиздате

Шути любя, но не люби шутя. Любовные послевоенные советские открытки наивны и трогательны и, конечно, с позиций сегодняшнего дня представляют интерес. Контролировавшаяся цензурой тема любви в советском кино, книгах, официальных открытках и т.п. свободно и непосредственно отражалась в «народной открытке». Эта открытка, созданная для простых людей, многократно осмеянная и названная мещанской, оказалась чрезвычайно живучей. Ее наивные, бесхитростные мотивы резко отличались от скупой и сдержанной официальнойщины:

*Люби – любовь необходима,
Любовь ведь – это красота!
А кто не любит, тот скотина,
И жизнь его совсем пуста!*

Необычным было художественное оформление таких открыток: влюбленные на фоне самолетов, колхозных полей, ракет, пароходов и прочей атрибутики советской пропаганды. Они как бы извинялись за свои чувства на фоне индустриализации!

Открытки из Германии. В Киеве первые самодельные анонимные открытки появились в начале 1950-х годов и были явлением крайне необычным для того времени. Фактически это была бесцензурная полиграфическая продукция, которая в выходных данных не имела слов «Главлит», «Обллит» или «Горлит»... Вот такая открытка и стала недорогим и доступным видом массового искусства, удовлетворяя потребность народа в чем-то близком, понятном, душевном и приятном.

В последние годы войны люди посылали на фронт героико-патриотические открытки с призывами: «Смерть немецким оккупантам!», а с фронта в тыл шли необычные открытки из трофейного немецкого имущества с жеманными сценками и любовными парами. Именно этот немецкий китч, а также чудом сохранившиеся в бабушкиных сундуках дореволюционные любовные открытки и стали фундаментом для возникновения народной бесцензурной почтовой карточки.

Первое время эти самодельные фотооткрытки были предназначены для военнослужащих советских воинских частей, базировавшихся в основном на территории бывшей Восточной Германии. Однако очень скоро они распространились по тер-

▲ Самодельная открытка

ритории всего Советского Союза и стали не только дембельскими, но и выпускными, девичьими, религиозными, детскими, юмористическими, курортными и т.д. В послевоенном Киеве некоторое время развивалась промысловая кооперация. Входящие в нее фотографические заведения успешно начали свою деятельность. Интересно, что располагались они в основном вблизи рынков. На стене вывешивался задний фон с «лебединым озером», перед которым ставился стул для клиента. На треноге стоял деревянный старинный фотоаппарат «с птичкой». Бывало и так, что фотомастера выносили эту атрибутику в парки, вокзалы, на пляжи...

Фотомастера применяли в своем незатейливом искусстве примитивные методы перепечаток, т.е. постановочные фотографии, монтаж различных фигур с использованием открыток, в основном трофейных. Часто на снимках копировалась забытая дореволюционная живопись с эротическим уклоном. Такой черно-белый фотомонтаж раскрашивался, снабжался именами адресатов и примитивными текстами типа: «О любви моей тихой и скромной, милый друг, навеки помни!», «Как хорошо быть вместе!», «Вместо марки – поцелуй жаркий!».

Однако надо отметить, что часто открытка действительно поражала своей безвкусицей: «Из всех моих книжок напишу тебе стишок. Разорвись моя утроба, я люблю тебя до гроба». Или: «На последнем сем листочке пишу тебе четыре строчки, в знак памяти святой ставлю точку с запятой. Если точка та согрется, наша любовь разойдется!».

Дарите открытки любимым! С началом гонений на кооперацию в крупных городах производство бесцензурных открыток переместилось в южные курортные города. Однако уже с середины 1950-х годов в СССР началась повсеместная борьба против этой безвкусицы, пошлости и мещанства. Разгромные газетные статьи заканчивались словами: «Куда смотрят партия и правительство?», «Приближается IV фестиваль демократической молодежи и студентов. Какие сувениры увезут его гости и что скажут об этой безвкусице за рубежом?».

Но, оказывается, нет худа без добра! В преддверии фестиваля, начиная с 1957 года, в СССР вдруг резко улучшилось качество официальной открытки, появилась добротная полиграфия, доступней для народа стала тематика.

Таким образом, бесцензурная открытка была побеждена и в начале 1960-х годов почти полностью прекратила свое существование. Разве что в пригородных поездах и электричках еще некоторое время можно было увидеть, как такую «живопись» продавали инвалиды и глухонемые.

В сегодняшнее рыночное время эстетическая потребность народных масс в открытках удовлетворена полностью, тематика их – самая разнообразная, можно найти и так называемую «мещанскую». Лишь бы у людей сохранялась потребность поздравлять друг друга, причем в течение года, а не только по праздникам!

На Подольский пляж – на «лапте», на Выгуровщину – речным трамваем!

На Спасском причале

«В середине прошлого века, наверное, самой оживленной улицей Подола была улица Героев Триполья (ныне Спасская).

Тому есть две причины. Первая – в конце улицы (ближе к Днепру) находилась Центральная подольская баня, а вторая – улица вела к Спасскому речному причалу.

От этого причала отправлялись катера на пляж и в другие днепровские курортные места, ведь Пешеходный мост в то время еще не был открыт.

Хотя и после открытия моста еще много лет для сохранения удобств жителей Подола переправа продолжала функционировать.

Сейчас трудно поверить в то, что настоящая популярность киевских пляжей наступила только в начале 1950-х годов. Ведь в первые послевоенные годы жителям города приходилось и по выходным, и после рабочего дня разбирать завалы от бомбежек, восстанавливать заводы и мосты.

Что представлял собой расположенный на Подоле Спасский причал? Небольшое деревянное админздание, отдельно стоящие будки-кассы для продажи билетов, деревянные лестницы, ведущие к месту посадки на речные суда... Отсюда теплоходами «Москвич», или, как говорили в народе, речными трамваями, можно было попасть в урочища Выгуровщину и Наталку. С отдельного причала на судах, напо-

▲ Спасский причал на Подоле

минавших баржу и прозванных в народе «лаптями», можно было просто пересечь Днепр и попасть на Пионерский пляж, расположенный напротив Спасского причала. Здесь же располагалась водная станция «Локомотив», потому и билет продавался по маршруту: Спасский причал – «Локомотив». Пионерским пляж назывался потому, что здесь было оборудовано специальное деревянное, погруженное в воду ограждение для купания детей. Ниже по Днепру Пионерский пляж плавно переходил в Подольский и далее в Центральный.

В жаркие летние дни тысячи киевлян, в основном жителей Подола, скапливались в длиннющих очередях, чтобы переправиться на пляж. Расположенные у причала тележки-ларьки с газированной водой спасали от жажды. Мороженое продавалось из ящичков с сухим льдом: молочное, сливочное, пломбир, эскимо.

Выстояв длинную очередь, мы спускались по лестнице к причалу, чтобы попасть на «лапоть», вмещавший несметное количество людей. Бросалась в глаза надпись на причале «рыгать с причала запрещено!» – это какой-то юморист закрасил «П» – начальную букву текста. Самые шустрые пассажиры быстро занимали места на лавках по периметру «лаптя». В капитанской будке наверху в призывной позе стоял одетый в тельняшку рулевой, уверенно держась за большой деревянный руль с полированными рукоятками – спицами. Мы, послевоенные мальчишки, начитавшись книжек о дальних заморских странах, безумно завидовали капитану.

Из далекого детства запомнилось то, что, ступив на баржу, пассажиры сразу ощущали манящий запах речной влаги вперемешку с настоем расплавленной смолы, жгута от свернутых в буксы причальных канатов, выброшенных на берег разлагающихся водорослей и свежей рыбы в садках рыбаков, стоявших рядом с причалом.

Народ, вырвавшись из атмосферы душного города, глубоко вдыхал свежий днепровский ветерок. Катер плавно отходил от причала и все затихали, овеваемые романтическим речным бризом... Впереди нас ждали прекрасные пляжи Левобережья, славившиеся своим золотым песком и образцовой чистотой.

Отдых на Выгуровщине. По заросшей диким виноградом лестнице Спасского причала пассажиры спускались к другому причалу, от которого на речном трамвае можно было попасть в урочище Выгуровщина. В жаркие летние дни катера курсировали каждые 30 минут. Продолжительность поездки вверх по течению составляла 27 минут, а обратно – 20. В выходные и праздничные дни теплоходы отправлялись каждые 20 минут.

Что же такое Выгуровщина?

В начале XVI века возрождающиеся киевские церкви и монастыри стали получать в дар и выкупать левобережные земли. Крестьян, согласившихся поселиться и обрабатывать эти монастырские угодья, на 40 лет освобождали от оброка и повинностей. После объединения Литвы и Польши к разделу левобережных земель приобщились и польские шляхтичи. Так, свободное местечко Милославицы королевской грамотой было отдано пану Яну Выгуре, и при этом переименовано в Выгуровщину.

Во время восстания Богдана Хмельницкого жители левобережья повсеместно ушли «козаковать», а те, кто остался, стали требовать уменьшения податей.

Они захватили луга и поля, на которых отрабатывали панщину, и более 70 лет пользовались ими, никому ничего не выплачивая. Отказались даже выполнить два гетманских универсала, согласно которым их отдавали новому собственнику – Михайловскому Златоверхому монастырю.

Споры о Выгуровщине тянулись до времен Петра I, который подтвердил принадлежность Выгуровщины Михайловскому монастырю. Правда, для этого понадобилась крупная силовая акция, положившая конец крестьянскому бунтарству.

На Спасском причале можно было услышать слова: «Едем на Черторой», подразумевающие Выгуровщину. Почему так? Урочище Черторой начиналось сразу же за Петровским железнодорожным мостом. Известно оно было сильными водоворотами: Черторой – черт роет воду. В пятидесятых годах здесь пришлось специально потопить баржу с песком, и действительно – водовороты резко уменьшились!»

И отдыхали и знакомились... В послевоенное время урочище Выгуровщина с его прекрасными песчаными пляжами стало излюбленным местом отдыха киевлян. Здесь даже построили пансионат «Дніпрові хвилі». Завод «Ленинская кузница», как и другие предприятия, соорудил здесь целый лагерь разборных домиков с верандами. Оборудовали эти домики плитами, газовыми баллонами, кроватями,

посудой... На причале работал продовольственный киоск, где продавались хлеб, консервы, печенье, вода.

Работники «Ленкузни» в период с мая по октябрь могли арендовать эти домики для семейного отдыха по чисто символической цене – 10 рублей в месяц.

Каждое утро жители села Выгуровщина приносили в лагерь свежее молоко, творог, яйца, овощи, фрукты... Некоторые отдыхающие предпочитали сами ходить за продуктами в село. Под полом домика рыли небольшие погребки и сохраняли в них продукты, накладывая сверху поленья и ветки крапивы. Интересно, что случаев воровства не было.

Разнообразить свою пищу можно было с помощью рыбной ловли. В Днепре на «закидушки» ловили чехонь, на спиннинг попадались и сом, и язь...

Быстро проходили дни отдыха, наполненные прогулками к затокам, скрытым кустарником и плакучими ивами. Вечерами на пляже с золотым бархатным песком молодежь разжигала костры. Читали стихи, пели песни под гитару...

Купание с брызгами в Днепре, дурмящие запахи трав, теплый и чистый воздух сближали молодых... Здесь зарождались первые чувства любви, многих приведшие к созданию семей.

Прошли годы. После строительства Московского моста домики на Выгуровщине уничтожили. Однако прекрасные воспоминания об отдыхе в то далекое послевоенное время уничтожить невозможно.

Было «містечко», стал «мемориал»

В 1982 году по адресу Крещатик, 2 торжественно открыли переведенный сюда с улицы Владимирской, 57 киевский музей В. И. Ленина (ныне Украинский дом). Этим торжеством была завершена глобальная реконструкция всей парковой зоны, примыкающей к нынешней Европейской площади.

Построенный мемориальный комплекс успешно «похоронил» несколько любимых горожанами мест: кинотеатр «Летний», два кафе на открытом воздухе – «Владимирскую горку» и «Слоник», городок аттракционов «Містечко розваг» с колесом обозрения, цепной каруселью (подарок жителям столицы с чехословацкой выставки, которая работала на Киеве в 1959 году), комнатой смеха, качелями-лодочками, столами для игры в настольный теннис, аттракционом «Мертвая петля на самолете», пневматическим тиром и прочим.

Исчезли многолетние тенистые каштановые аллеи, ресторан «Ревьера». В мусорную свалку превратилась знаменитая летняя танцплощадка «Жаба», которую хорошо помнят немолодые киевляне...

В жутком состоянии находится сегодня лестница, ведущая к памятнику двум выдающимся событиям в жизни Киева: крещению Киевской Руси и возвращению городу Магдебургского права.

Закрылась историческая трамвайная линия от нынешней Европейской площади до Подола. Здесь в мае 1892 года при огромном стечении народа состоялся проб-

▲ Площадь Ленинского Комсомола (Европейская). Снос старинного дома для строительства Музея Ленина. 1981 г.

ный пуск первого в Российской империи электрического трамвая по крутому Александровскому (ныне Подольскому) спуску.

Конечно, ничего не бывает вечным, но все-таки обидно, когда исчезает место, где каждый вечер тысячи киевлян развлекались, знакомились, танцевали, пели песни и просто дышали прекрасным воздухом парка на склонах Днепра, а из паркового радиоузла постоянно неслась музыка – это крутили пластинки с популярными песнями тех лет.

Есть что вспомнить... У здания филармонии в шестидесятых годах прошлого века находилось несколько телефонных будок – это было место, где молодежь назначала встречи.

Поднявшись по ступенькам, расположенным левее филармонии, народ попадал на тенистую каштановую аллею, вдоль которой стояли стенды с газетами всех союзных республик. Эта аллея с удобными парковыми скамейками вела к старинной летней концертной площадке. На одной из скамеек часто можно было видеть художника, который с помощью ножниц вырезал силуэты желающих.

И вот мы на летней концертной площадке, с которой на зрителей смотрели скульптуры вождей пролетариата – Сталина и Ленина. На сцене выступали как профессиональные артисты, так и коллективы художественной самодеятельности, читались лекции о происках мирового империализма и возможности жизни на других планетах, весело выступали пародисты и куплетисты. Среди зрителей разыгрывались конкурсы с вручением призов.

▲ Парикмахерская на Нижнем Валу. 1979 г.

За порядком вместе с милицией следили ее добровольные помощники — члены Добровольных народных дружин.

Асфальтовые пешеходные аллеи вели отсюда к ресторанам «Кукушка» и «Ривьера». На аллеях находилось множество столиков с выносной торговлей пивом, лимонадом, бутербродами и пирожными.

Ох уж эти аттракционы! У входа в «Містечко розваг» сидел на табуретке немолодой мужчина в кепке. Он обслуживал аттракцион «Измерь свою силу!». Необходимо было с размаху молотом ударить по пяточку, и стела с прибором-индикатором подпрыгивала вверх. В случае, если индикатор доходил до цифры 5000, игрока ожидал приз — мужчина в кепке вручал ему чекушку водки. Интересно, что пробка у бутылки была залита сургучом.

Весело было, однако бывали и казусы. Например, однажды самолет аттракциона «Мертвая петля» застрял в «полете», и пассажир завис вниз головой. Оказалось, это обесточился электропит. Бросились искать электрика, а он куда-то пропал. Наконец нашли, он был уже слегка пьян, однако неисправность все-таки устранил.

Заканчивался день, аттракционы закрывались... Только рестораны еще продолжали работать, но до часу ночи, не более. Ночных заведений в то время не было — к завтрашнему трудовому дню народ должен был отдохнуть...

Парикмахерская на Подоле

«Наша парикмахерская № 2 находилась в первые послевоенные годы на Подоле, по улице Шолом-Алейхема, 14 (ныне Константиновской). Она занимала первый этаж двухэтажного жилого дома постройки конца XIX века. До революции здесь находилась колбасная лавка Кечкера», – вспоминает сегодня киевлянка Галина Иванова, ветеран труда, женский мастер-парикмахер.

Закончив в 1944 году двухмесячные курсы парикмахеров при киевском Горбыткомбинате, она проработала здесь, в этом здании, до своего выхода на заслуженный отдых.

Лихие годы. «Еще шла война, а в освобожденном Киеве начались работы по восстановлению разрушенного городского хозяйства. Нехватка продуктов питания (карточная система была отменена лишь в 1947 году), тяжелые условия труда, жизнь в бараках и неотапливаемых помещениях – многое пришлось нам пережить!

Но женщина всегда должна оставаться женщиной! Главной послевоенной «модой» была перелицовка старых вещей. Довоенные ткани отличались высоким качеством, что позволяло перелицовывать их по два раза. И даже когда ткани рвались, женщины придумывали из них комбинированную одежду.

А вот мужчины той поры вспоминаются только в военной форме – без погон, но в кителях, галифе и сапогах. Было такое ощущение, что невоевавших в Киеве просто не было. В то время при знакомстве спрашивали не как зовут, а «С какого фронта?».

Много было инвалидов. Без руки, без ноги... Как живые бюсты, безногие инвалиды войны передвигались на самодельных тележках с колесиками, отталкиваясь от земли деревянными дощечками с ручками, напоминающими те, которыми строители растирают по стене раствор.

Но мы, молодые девчонки, несмотря на все трудности, радовались, что приближается победный конец войны, что можно приносить пользу своей стране, что можно просто помогать людям...

В районе нынешнего моста Патона мы строили временный деревянный мост, чтобы поскорее могли пересечь Днепр эшелоны с ранеными бойцами. Работали мы и в Пуще-Водицком лесу на заготовках дров для Киева. Дрова везли в город на открытых трамвайных платформах. Ох как пригодились городу проложенные в Пущу еще в начале века трамвайные колеи! Первые послевоенные зимы в Киеве были снежными и холодными!

Вспоминается, что вечерами мы с подружками стали подрабатывать в расположенном на нынешней Контрактовой площади клубе «Пищевик».

Работали и уборщицами, и контролерами, и кассирами... В клубе выступали в то время артисты из ансамбля Киевского военного округа. Был постоянный аншлаг!

Все близлежащие школы, а также нынешнее помещение Киево-Могилянской академии были временно превращены в госпитали. Много раненых бойцов приходи-

ло на эти концерты. Здесь, в клубе, я впервые увидела молодых Ю.Тимошенко и Ю. Березина. Мало кто знает, что их первыми сценическими псевдонимами были не Тарапунька и Штепсель, а Галкин и Мочалкин.

В свободное от работы время мы успевали дежурить в госпиталях, ухаживали за ранеными: делали перевязки, писали письма, приносили подарки...

Курсы парикмахеров. Однажды в клубе «Пищевик» появилось объявление о том, что Горбыткомбинат объявляет набор на двухмесячные курсы парикмахеров. А мне так хотелось приобрести настоящую специальность! Придя в контору Горбыткомбината, которая находилась в то время в подвале на улице Трехсвятительской, я увидела два списка. Первый был большим, а второй маленьким. Большой список оказался группой подготовки мужских мастеров, а малый – женских. Мне предложили записаться в женские мастера, и я согласилась.

Начались занятия. Считаю, что очень повезло нам с преподавателем. Уроки мастерства давала нам специально направленная в Киев из Москвы Тамара Черепанова, которая работала парикмахером в Кремле. Ее учителем был знаменитый Симон Коридзе, личный парикмахер Ф. Шляпина. Клиентками его были также Анна Павлова, Айседора Дункан, Любовь Орлова, Галина Уланова... Тамара Ивановна учила нас не только парикмахерскому мастерству, но и этике: как обращаться с людьми, уважать посетителя, даже с какой стороны к нему подходить.

Еще парикмахер должен иметь стройную осанку – ведь неприятно смотреть, когда человек работает, согнувшись крючком. Искусство беседы с клиентом также имеет большое значение. Порой на одну прическу приходится тратить около часа. Что подумает клиент, если ты все время молчишь? Но болтать не в меру еще хуже – вдруг у клиентки плохое настроение и ей не до разговоров?

Не каждой женщине понравится запах табака от курящего мастера, как резкой парфюмерии. Раздражают клиентов и долгие переговоры с коллегами по залу, частые перерывы и хождения по комнате. Кстати, в парикмахерскую мы заходили с черного хода и обязательно переобувались. Еще на курсах мы изучали (конечно, не очень углубленно) химию, физику, истории грима, костюма, причесок...

Следует отметить, что в послевоенное время киевские парикмахерские совместно с банно-прачечными комбинатами находились в ведении Горбыткомбината. Это объяснялось тем, что после войны особое внимание уделяли санитарно-гигиеническому режиму города. Уже работая, мы сталкивались с тем, что многие посетители приходили завшивленными. Мы их не обслуживали, а предлагали пройти санобработку. В специальных косметических кабинетах в послевоенное время врачи-косметологи методом обжигания выводили оспинные знаки...

Любимая работа. Моим первым и, можно сказать, последним местом работы стала парикмахерская № 2 на улице Константиновской, 14, рядом с бойким перекрестком: Нижний Вал – Верхний Вал. К сожалению, во время прокладки метрополитена этот дом был снесен. Оживленным было это место на послевоенном Подоле! На углу с Нижним Валом – магазин «Оптика», рядом «Галантерея», фотосалон... Напротив находилось красивое здание с аптекой Бельского. Особенно запомнилась в этой аптеке прекрасная лепка на потолке.

Здесь же, уже на Верхнем Валу, «гудел» ресторан «Дніпро». Из-за тяжелых оконных гардин доносились звуки духового оркестра. А рядом с рестораном для удобства посетителей устроили стоянку такси.

Наша парикмахерская была немаленькая: четыре дамских кресла, семь мужских, два маникюрных стола, косметический кабинет. В предпраздничные дни мы устанавливали дополнительные места. Второй этаж здания был жилым, а вот подвальные помещения представляли собой естественные холодильные камеры с полутораметровыми стенами, в которых бывший владелец колбасной лавки Кечкер хранил свою мясную продукцию.

Однажды я стригла его внучку, которая вспоминала, что по понедельникам в лавке колбаса продавалась по более низкой цене. Это объяснялось тем, что для ее изготовления использовалось залежалое сало.

Когда я впервые вышла на работу, заведующим был Д. Биллер, затем его сменили Л. Коган и позже – М. Пархоменко, дочь которого Ольга великолепно играла на скрипке. Мы неоднократно ходили вместе с ней в госпитали, где она выступала перед ранеными со своими импровизированными скрипичными концертами.

Прибыла я на работу в качестве парикмахера, а оказалась направленной в урочище Наталка, что на Днепре. Горбыткомбинат имел свой транспорт – две телеги с лошадьми. На Наталке мы заготавливали сено для лошадей и отправляли его на лодке в Киев, вниз по Днепру. На телегах Горбыткомбинат развозил по своим точкам белье, мыло, одеколон...

Ностальгия. Часто вспоминаю свою родную парикмахерскую, которую покидала всего несколько раз в период ремонта. Это сейчас парикмахерские называются «Улыбка», «Чародейка» и т.д., а тогда были просто парикмахерские. На столиках стоял нехитрый инвентарь, в том числе бутылочка одеколона «Шипр» с грушей-пшикалкой. Мы, как хирурги, – в белых халатах, завязывающихся за спиной. На головах – белые шапочки.

Чем-то все это напоминало больницу.

Интересно, что в послевоенное время в парикмахерских работало много молодых девушек. Работали в две смены: первая – с 7 до 15, вторая – с 15 до 22 часов, и обязательно в праздничные дни! В зале – печка-буржуйка, уборная во дворе...

В 40-х годах в женской прическе была мода на крупные завитки, которые укладывались в сложные прически. Их делали с помощью специальных железных щипцов, нагретых на керогазе. Металл нагревался. Щипцами брали прядь и крутили, как макароны на зубцы вилки. В результате получался упругий завиток. Кстати, стоимость такой работы была всего 15 копеек.

С приходом эры химических завивок часть мастеров (в т.ч. болевших астмой) уволилась. Не каждый смог каждодневно вдыхать эту «химию».

Проходят годы. Меняются люди и стили. Но проходя сегодня мимо дорогих современных салонов красоты, я останавливаюсь, тщетно пытаюсь уловить щемящий сердце запах дешевой послевоенной советской парфюмерии – запах нашей послевоенной молодости...

Пьянство в социалистическом Киеве

После войны

Алкоголь в СССР не был частью пищи, как в других странах. Он был элементом государственной политики. Бедность и убожество жизни, психологические драмы, порожденные отчаянием, отсутствием нормальных условий быта и досуга, – вот основные причины пьянства людей.

Пережив неслыханные лишения, народ в послевоенное время рассуждал, что в пьяном виде жизнь станет красочнее и веселее. А государство умышленно поддерживало пьянство как средство отвлечения трудящихся от их тяжелой и мрачной жизни. Алкоголь везде свободно продавался. Вечера отдыха на предприятиях не обходились без алкоголя. В буфетах всегда был широкий ассортимент спиртного. Досуг заполнялся вечеринками, шумным застольем, а уж потом танцами...

По вечерам перед киевлянами открывались множество питейных заведений, в том числе рестораны «Ривьера», «Кукушка», «Абхазия», «Динамо», «Днепр», «Интурист», «Киев», «Спорт», «Театральный», «Кавказ». В этих недорогих ресторанах было весело и беззаботно! Играли эстрадные оркестры обычно в составе пианиста, скрипача, ударника и аккордеониста... Певцы исполняли лучшие песни тех лет... Можно было потанцевать. К столу подавались черная и красная икра, семга, осетрина – то, чего не было на прилавках магазинов.

Праздники на работе. Традиционными становились и выпивки на работе, в своем коллективе, без жен и мужей. Здесь отмечали праздничные даты, именины сотрудников, завершения определенного вида работ, новоселья, свадьбы, рождение детей, получение премий и тринадцатой зарплаты и т.д. и т.п. Закуску обычно приносили женщины, а выпивку – мужчины.

Приходит в коллектив новый сотрудник – с первой зарплаты должен «выставить», увольняется – тоже надо отметить! Круглые даты, дни рождения и завершения каких-либо работ отмечали особенно пышно – в арендованных банкетных залах и ресторанах.

В советское время обязательной была шефская помощь прикрепленным к предприятиям совхозам. Рабочие и служащие в те времена часто выезжали на автобусе за город на сельхозработы, где трудились обычно только до обеда.

Бутерброды и спиртное привозили с собой. На свежем воздухе приступали к трапезе всем коллективом, а если выпивки не хватало – покупали ее в местном сельмаге. И это так скрашивало серость повседневной жизни! Следует отметить, что в коллективах попадались люди, не имеющие физиологической склонности к алкоголю. Но они все-таки пили – не потому, что им было это приятно, а потому, что так было принято. Затем хором пели песни и продолжали пить и в автобусе во время возвращения в город. Только вот начинала болеть голова от употребления купленного в сельском магазине какого-нибудь суррогата типа «Яблочного крепкого» стоимостью 96 копеек за 0,5 литра.

▲ Под весенним солнцем. 1970-е гг.

В киевских гастрономах также продавались дешевые вина, которые изготавливались на основе плодовых и ягодных сброженных соков. Отличались эти вина низким качеством и, соответственно, низкой ценой, а очереди за ними были все равно длиннющие!

Где же счастье?

В начале шестидесятых мама моего школьного друга Сергея работала переводчицей в «Интуристе». В доме у него я впервые увидел американские журналы. Как-то с помощью мамы Сергея мы перевели одну статью. В ней журналист задал американскому юноше вопрос: «Много ли тебе нужно для счастья?». Ответ был таков: «Яхту, дорогой автомобиль, горные лыжи, трехэтажный дом с садом на берегу тихого озера, пару слуг для помощи по хозяйству». Юноша даже подсчитал – каких-то 20 миллионов долларов, неужели это так много? Помню, от этой статьи я просто опешил! И вдруг через некоторое время в школе на уроке литературы нам задают сочинение с таким же вопросом: «Что, по-вашему, нужно советскому человеку для счастья?». Вспомнив ответ американского юноши, я растерялся. Изгрыз кончик ручки в раздумьях о том, как ответить – безрезультатно! Ничего не придумав, встретил звонок об окончании урока с чистым тетрадным листком... Возле нашего гастронома стоял алкоголик и просил мелочь у прохожих. Прошло немного времени, и у него уже был рубль с копейками, чтобы купить бутылку вина и стать счастливым хотя бы на этот вечер...

Забывшие киевские рестораны

«Ривьера»

В начале XIX века в Киеве широкое распространение получил так называемый «трактирный промысел». Это было множество различных заведений: гостиницы, постоялые дворы, заезжие дома, корчмы, меблированные комнаты и подворья, отдаваемые со столом.

А вот к числу трактиров «без отдачи в наем покоев» причислялись харчевни, столовые, собственно трактиры, погреба виноградных вин, кондитерские, кофейни, закусочные, буфеты в театрах, на вокзалах, пароходах, пивные, овощные и фруктовые лавки и, безусловно, рестораны.

В 1913 году в Киевской губернии только трактирных и ресторанных заведений было 344. Лучшими считались ресторан при гостинице «Метрополь», «Олимп» и «Париж»...

Интересно, что в дневное время рестораны обычно работали как харчевни, а вот в вечернее время в них начиналась другая жизнь. В общих залах играли в шашки, карты и на бильярде, беседовали за самоваром, пили вино, шампанское, пунш, ром, вермут, мадеру, смаковали белужину. В серебристых кастрюлях подавалась стерлядь кусками, переложенными раковыми шейками и свежей икрой. Гурманы могли заказать яйца-кокот с шампиньоновым пюре в чашечках, филейчики из дроздов, перепелов по-генуэзски, жульен из белых грибов, кролика в белом соусе, артишоки, тушеных в соусе рябчика, куропатку, тетерева...

Следует отметить, что по-настоящему элитных ресторанов в Киеве было не так уж много. Они отличались изысканным интерьером, удобной мебелью. Столовые приборы здесь были серебряные, бокалы хрустальные. По вечерам играли оркестры, исполнялись популярные песни и романсы. Сегодня столичные рестораны гордятся наличием в их штате зарубежных поваров, чем заманивают посетителей. А вот в дореволюционном Киеве присутствие повара-иностранца считалось дурным тоном, поскольку тогдашняя киевская кухня отличалась великолепным поварским искусством.

А вот вина почитались в большинстве своем иностранные. И это объяснялось просто. В дореволюционное время тысячи киевлян ежегодно путешествовали по разным странам и могли сравнивать качество предлагаемых услуг и товаров, становились знатоками в выборе изысканных закусок и вин.

Как и ныне, в ресторанах проходили торжества, банкеты и презентации.

В конце XIX века в ресторане «Гранд-отеля» на Крещатике публике была представлена новинка того времени – электричество. А в 1886 году ресторан на Думской площади продемонстрировал киевлянам еще одно новое изобретение – телефон. Знаменитая публика охотно посещала киевские рестораны.

Примыкавший к Крещатому парку Мариинский парк (бывший Царский сад при Мариинском дворце) был старейшим в городе и являл собой образец регулярного

▲ Ресторан «Ривьера». 1950-е гг.

стиля. Сад и дворец создавались как царская резиденция в Киеве после посещения императрицей Елизаветой Петровной Украины в 1745 году.

Здесь при помощи садовых мастеров Д. Фока и Я. Гофмейстера и при участии В. Растрелли в лучших традициях украинского и русского паркового строительства были посажены плодовые деревья, построены оранжереи, беседки, деревянные лестницы по террасам и другим местам...

А в 1868–1870 гг. при участии архитектора К.Е.Маевского была проведена реконструкция Царского сада. Нижняя его часть открылась для посещения публики. Территория нынешнего стадиона «Динамо» стала называться «Долиной роз», здесь был построен кафешантан «Шато-де-Флер».

В этих прекрасных местах бывали Н. Гоголь, П. Чайковский, Н. Лысенко...

«Шато-де-Флер» предпочитал посещать и знаменитый киевлянин Александр Вертинский, ведь здесь можно было не только вкусно поесть, но и послушать выступления артистов. Именно увеселительные программы в «Шато-де Флер» с шампанским и красотками, отплясывавшими канкан, способствовали появлению сценического образа Вертинского – печального Арлекина с его эмоциями и переживаниями, выплеснувшимися впоследствии в знаменитый романс «В вечерних ресторанах», песню «Лиловый негр» и другие.

Придворцовая часть парка была закрытой до 1917 года. После революции весь Царский сад открылся для посещений и был переименован сначала в Пролетарский, затем в Первомайский...

В начале XX века Днепр отделяла от центра города огромная гора. Местность эта называлась Провальем. За горой проходила маленькая Козловская улочка (в народе – Козловка). На этой улочке среди десятка ветхих домишек стояло единственное приличное здание – бесплатная детская больница. Заехать сюда можно было только со стороны Днепровского спуска, мимо Аскольдовой могилы, где тогда находилось кладбище. На месте Зеленого театра располагались военные сооружения – подпорные стены, а внизу – ворота-форт через Набережное шоссе. Прилежащие склоны служили убежищем тогдашним бомжам и назывались «Кукушкиной дачей».

Наконец, городская Дума решила помочь киевлянам пробираться к Днепру не через Подол или Печерск, а прямо из центра города. С этой целью с 1902 по 1912 год велись работы по прорезке бугра. И наконец в 1912 году через парк проложили аллею, по которой с Крещатика легко можно было попасть до нижних склонов Днепра.

Чтобы соединить разделенный аллеей пополам массив Царского сада, над ней перекинули ажурный металлический парковый мостик (дипломный проект инженера Е. О. Патона). В народе его вскоре окрестили «Чертовым мостом», так как он стал привлекать к себе не только влюбленных, но и самоубийц.

Проходящую под мостом аллею называли Петровской в честь 200-летия победы Петра I над шведами в Полтавской битве. Петровская аллея плавно перешла в Парковую и соединилась с Козловской улочкой, поглотив ее вместе с названием. В 30-е годы прошлого века было ликвидировано кладбище на Аскольдовой могиле.

Однако основные работы по благоустройству начались только после войны.

Здесь была обустроена обширная зона досуга. Главной ее осью стала Парковая аллея, хотя ниже ее пролегла пешеходная Фестивальная аллея. На пологом пространстве между аллеями были устроены рестораны «Ривьера» и «Кукушка», летние кафе, аттракционы, танцевальные и спортивные площадки, Зеленый театр ...

Началось строительства этой зоны отдыха в 1934 году, когда столица Украинской ССР переехала из Харькова в Киев. В разработке комплекса приняли участие ведущие архитекторы Киева: А. Власов, А. Заваров, А. Добровольский и другие. К концу 1940-х годов этот парковый комплекс действовал уже вовсю. А сама Парковая аллея стала самым популярным в Киеве местом гуляния. Каждая вечеринка, юбилей, день рождения заканчивались обычно совместной прогулкой по Парковой аллее.

Не было в Киеве лучшего места для отдыха! Вдоль аллеи находилось огромное количество буфетов вывозной торговли пивом, лимонадом, бутербродами, пирожными...

У ресторана «Ривьера» было большое открытое помещение, площадка для оркестра помещалась вблизи склона. Имелись и отдельные открытые кабинки-беседки. Лето, молодость, друзья, девушки – что еще надо для счастья? В ресторанах сталинской эпохи была своя прелесть. Под обворожительные звуки цыганской скрипки в них подавались пропитанные маслом куриные котлеты по-киевски. Посетители заказывали и дылят табака, утопающих в соусе ткемали... Ну а на призыв: «Дичь!» подавались своеобразные символы советских ресторанов – кабанина в ягодном соусе или зайчатина под сметанной заливкой! Пили неиспорченные раз-

рушительной политикой сухого закона грузинские и молдавские вина, армянский коньяк и украинскую «горилку» с перцем.

В «Ривьере» часто можно было увидеть представителей киевской богемы того времени: артистов О. Борисова, М. Гришко, поэтов М. Бажана, М. Рыльского. Очень любил этот ресторан и знаменитый артист комедийного жанра Ю. Тимошенко (Тарапунька). Это и понятно – накрывали там красиво, кормили вкусно и обслуживали хорошо. Подавали то, чего не было на прилавках магазинов: черную и красную икру, семгу, осетрину. Это был высший уровень доступного в то время комфорта.

Открытый в 1935 году ресторан «Ривьера» просуществовал до середины шестидесятых годов. После пуска на левый берег Днепра линии метрополитена главной зоной отдыха киевлян стал Гидропарк. Все увеселительные заведения на Парковой аллее были закрыты и даже демонтированы, а по самой аллее разрешили двигаться автотранспорту.

Тайны Куреневки

Приход индустриализации

Историческая местность Куреневка расположена между Подолом, Оболонью, Приоркой и Сырцом.

Интенсивная индустриализация началась здесь в начале XX века, когда были построены сахарный, кожевенный, мыловаренный, кирпичный заводы, трамвайный парк, обувная, кроватная и колодочная фабрики и множество других предприятий.

Однако еще долгие годы Куреневка напоминала село с маленькими домиками без какого-либо намека на благоустройство. В середине прошлого века на месте, где сейчас находится Куреневский парк – вдоль трамвайной линии, – были амбары заготсырья. От железной дороги, что идет по насыпи, от станции Петровка была проложена отдельная ветка до этих амбаров. На месте нынешней макаронной фабрики, рядом с парком, была просторная территория, называемая в народе Ярмарковище, – здесь осуществлялась торговля сельхозпродуктами, одеждой, инструментом и т.д.

Рядом находилась церковь Святого Пантелеимона, которая была снесена в 1963 году в связи с комплексным благоустройством местности. При церкви была богадельня – приют для бедных и стариков. Здесь и кормили, и можно было переночевать. А вот Петропавловский храм был закрыт еще с 30-х годов...

Находился храм на четной стороне улицы Фрунзе, вблизи улицы Сырецкой.

В нем крестился Анатолий Кузнецов, автор романа «Бабий яр». Интересно, что здание церкви (без колокольни) простояло до 80-х годов как заводской корпус завода «Кинап». Весной 2003 года в сквере на площади Фрунзе началось строительство новой церкви Петра и Павла.

Ближе к железной дороге находились артель утиль-сырья и лесосклад.

▲ Крыши Подола. 1970-1980-е гг.

А за железнодорожной насыпью был луг и множество озер, в которые впадали ручьи с Курневских возвышенностей, прозванные в народе «канавами». На горах было много источников, поэтому ручьи (многие из которых сегодня в коллекторах) стекали по тем местам, где теперь проложены современные улицы Олены Телиги, Сырецкая, Мостицкая, Галицкая, Осиповского и другие.

Рождение «Пингвина». На месте, где сейчас находится кафе «Пингвин» (на пересечении улиц Фрунзе и Сырецкой), был гастроном, а за ним – отделение милиции, рядом протекал ручей. На противоположной стороне улицы располагались пожарное депо и Курневская баня. Через улицы были проложены деревянные мостики, и ручей проходил под ними. История кафе «Пингвин» интересна тем, что в 1972 году во время пребывания в Киеве президента США Никсона он должен был посетить находящийся рядом на улице Автозаводской Институт сверхтвердых материалов. Гастроном на углу Сырецкой и Фрунзе снесли, постоили «Пингвин» в стиле дорожных американских кафе, а Никсон передумал ехать на Курневку. А вот «Пингвин» после ряда ремонтов процветает и ныне.

Потоп был, жертв не было. В начале июня 1962 года небывалые проливные дожди шли в Киеве несколько дней. Расположенные в верхней гористой части Сырецкой улицы карьеры кирпичных заводов переполнились водой. 6 июня потоки воды хлынули на территорию Завода шампанских вин (бывшего Консервного завода).

Там имелись свои озера-водохранилища, использовавшиеся как для технологических нужд, так и для рыбозавода.

Они тоже переполнились водой, которая затем хлынула вниз по улице Сырецкой. Сломался деревянный забор, и бочки с вином поплыли по улице, а с ними и живая рыба из водоразборников. Народ не растерялся и стал затаскивать бочки к себе во дворы, сверлить в бочках дырки и откачивать вино в бидоны. Одновременно ловили и рыбу. Пора было вмешаться милиции, однако и само 2-этажное здание ОВД оказалось затопленным чуть ли не до 2-го этажа. Работники кинулись спасать документы.

Гастроном тоже затопило. Поплыли по воде консервы и батоны. Вода переместилась на улицы Марко Вовчок и Маловышгородскую и подтопила бараки и дома частного сектора. К счастью, обошлось без человеческих жертв. Однако пропала телефонная связь, были залиты подвалы, колодцы канализации и водоснабжения. Это потребовало впоследствии проведения большого объема ремонтно-восстановительных работ.

Но нет худа без добра! Многие жители подтопленных бараков и ветхих домиков частного сектора получили благоустроенные отдельные квартиры в «хрущевских» кварталах, которые в то время стали интенсивно вводить в строй на Дарнице, Первомайском, Ветряных горах...

Сокровища чердаков

Мой дом

Мои юные годы прошли на Подоле, в Цимлянском переулке, в четырехэтажном доме с секционной планировкой квартир – типичном доходном доме второй половины XIX века.

Ценных архитектурно-художественных деталей в интерьере дома не было.

Размеры квартир, их планировка и дифференциация назначения помещений говорили о том, что изначально жилье строилось для состоятельного квартиросъемщика, поскольку содержало кабинет, гостиную, детскую, спальню, комнату для прислуги, гардеробную, будуар, столовую и т.д.

После 1917 года дом был переоборудован в школу, а после Второй мировой войны между школьными классами поставили кирпичные перегородки, и получились семейные комнаты большой коммунальной квартиры с общей кухней и уборной.

Главный вход в здание («парадное») выходил в переулок, а вот ведущая в подвал и на чердак «лестница для прислуги» (мы ее называли «черный ход») выходила во двор. На лестницу «черного хода» можно было попасть из кухонь коммунальных квартир. Сразу же после освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков население города увеличилось с 250 до 500 тысяч человек. Жилья катастрофически не хватало. Люди жили в погребах, сараях, дворничьих, на пришвартованных к берегу Днепра баржах, в подвалах и на чердаках. Считалось даже, что на чердаке

▲ Снегопад на улица Ленина. 1978 г.

хорошо жить, потому что там не было клопов, которыми кишели все городские коммуналки. Только прохладно было. Но главное, чердаки, в отличие от сырых подвалов, не подтапливались водой!

Чердачные тайны

После событий 1917 года в Киеве наступило смутное время. В период с 1917 по 1920 год в городе произошло 14 переворотов. В итоге установилась власть большевиков. Напуганные киевляне стали прятать на чердаках все, что могло их скомпрометировать перед новой властью: иконы, монеты петровских времен, царские деньги, бытовую утварь, документы...

Период тридцатых годов характеризуется как время реализации киевлянами припрятанного с целью выживания в голодные годы. В итоге к началу войны все чердачные тайники были или вскрыты хозяевами, или разграблены.

Особую роль сыграли чердаки в период немецко-фашистской оккупации.

Жители, боясь облав и арестов, в дневное время успешно прятались на чердаках своих домов, а ночью спускались в свои квартиры.

В послевоенное время наступил новый период закладки «схронов» на чердаках. В это время вышел указ о сдаче населением оружия и об усилении ответственности за пропаганду фашизма (подразумевалось хранение предметов с фашистской символикой). Киевляне начали сотнями топить в дворовых уборных немецкие тро-

фейные вальтеры, парабеллумы, награды, ложки, фляги и т.д. В милицию сдавали мало, а вот некоторые более смелые опять вспомнили о чердаках и стали прятать там эти запрещенные вещи.

Находки

Чтобы попасть на чердак моего четырехэтажного дома в Цимлянском переулке, достаточно было снять с прибитого на кухонной стене гвоздя ключ и подняться наверх по лестнице «черного хода». Ключом открывался огромный амбарный замок на массивной, обитой железом двери.

Дуновение ветра сразу же доносило резкий запах голубинового помета.

Освещение чердака было естественным благодаря множеству узких незастекленных окон. Добираться до этих окон приходилось, минуя развешенное белье, стропила, переступая через черные кровельные балки.

В то время в качестве чердачной утеплительной засыпки пола использовались мелкий уголь или шлак. Через слуховое окно можно было вылезти непосредственно на крышу. Однако для детей это было достаточно опасно, так как состояние кровли и ограждения было в аварийном состоянии.

Через чердачные окна открывался безумно красивый вид на разноцветные крыши подольских домов, Андреевскую церковь и днепровские дали. Чердак был настоящим царством котов, голубей и мечтателей.

Конечно, и мы, послевоенные пацаны, пытались здесь что-нибудь искать, пробираясь через паутины к откровенномухламу из сломанных стульев, ржавых и рваных кроватных сеток.

Мне лично ничего путного найти на чердаке не довелось, однако я видел, как дворовые ребята показывали банку с серебряными советскими полтинниками 20-х годов. Банку нашли под старыми тряпками. Видел я и найденную на чердаке опасную немецкую бритву в довоенном футляре. Но самой интересной находкой оказалась подшивка полуистлевших дореволюционных иллюстрированных журналов «Нива». Ее нашел в древнем фанерном чемодане один соседский парень, тоже на чердаке, но уже соседнего дома...

Тот давний, снежный Новый год

В конце 50-х – начале 60-х годов прошлого столетия наступила так называемая «хрущевская оттепель», которой предшествовал XX съезд партии. Она свалилась неожиданно, как снежный ком, и никто не знал, что делать, что будет со страной дальше. Приоткрылись двери в свободу творчества, люди узнали о таких литературных произведениях, фильмах, песнях, стихах, про которые и не подозревали.

Первой «консерваторией» моих сверстников-приятелей стал наш двор на Подоле, на улице Фрунзе, 17. Вспоминается новогодний вечер конца 50-х.

Сбившись кучкой на площадке черного хода дома, затаив дыхание, мы слушали блатные песенки, которые напевал недавно освободившийся переросток по кличке Чана. Это были странные песни, они не исполнялись по радио, со сцены... Они просачивались в города из северных и восточных лагерей вместе с реабилитированными политическими и освободившимися блатняками. Такие щемящие задушевные песни мы, пацаны, услышали впервые:

*Серебрится серенький дымок,
Таёт в золотых лучах заката.
Песенку принес мне ветерок,
Ту, что пела милая когда-то...*

Вспоминаются и такие песни, как: «Сижу на нарах, как король на именинах», «Девушка с распущенной косой», «Страна большая Китай», «Когда фонарики качаются ночные» и т.д. Купив маленькую записную книжку, я стал переписывать слова. Так эти песни стали моими первыми личными записями, вытеснив на второй план афоризмы, стихи, мысли великих людей... Удивительно, но эти песни запела интеллигенция, не имеющая ничего общего с уголовным миром. Естественно, это стало одним из основных увлечений мальчишек послевоенного поколения. И хотя детство и отрочество родившихся в 40-х годах было непростым, оно все же было не таким ужасным, как у их родителей, старших братьев и сестер. То поколение было практически уничтожено голодом, сталинскими репрессиями и войной... Дети поколения победителей были крепкими ребятами, воспитанными дворовым братством. Они пришли в этот мир со светлыми чувствами и надеждами, а в итоге оказалось, что тому, во что они искренне и слепо верили, верить не следовало! Им пришлось испытать горечь разочарования в зрелые годы, когда уже приближалась старость... Воспитанные на принципах коллективизма, они в итоге потеряли свое индивидуалистическое «я», растворившись в советском «мы».

Новый год на Олеговской. В те годы зимы в Киеве были суровые. Снег заметал так, что нельзя было открыть входные двери подъездов.

Конец шестидесятых. Заканчивался декабрь, приближался Новый год. С многочисленных горок, которыми изрезана гора Щекавица, помчались саночки. Мой бывший одноклассник Валик Курносенко пригласил нас, своих друзей, встретить Новый год у него дома, на улице Олеговской. Жил он в старом деревянном доме из кирпича и дерева. Дом имел обшарпанный, заброшенный и неухоженный вид. На второй этаж в его квартиру вела скрипучая лестница с расшатанными перилами. В квартире с общей маленькой кухней жили две семьи. Из удобств – только холодная вода, уборная находилась во дворе, рядом с пропахшим кислой капустой сараем. Запомнилась воняющая килькой ржавая бочка и пахнущее снегом и морозом хрустящее белье.

Не буду писать о том, что было на праздничном столе и о том, во что мы были одеты. Тогда не это было главным! На столе было то, что удалось достать, а одежда на нас была просто по-праздничному опрятная и чистая...

Хочется отметить, что послевоенная молодежь отличалась поразительным жизнелюбием и верой в то, что худшее позади и с каждым днем будет становиться все лучше и лучше... Вспоминается и остается самым поразительным то, что для радости хватало одной радиолы с заезженными пластинками. Это давало нам возможность потанцевать, и мы так радовались, будто нам автомобили подарили... Мы танцевали, читали стихи, пели песни, играли в шарады... А потом одевались, брали санки и до утра катались с горок в ярах Щекавицкой горы. Мы так любили свою юность, что не мечтали повзрослеть! Сегодня я задаю себе вопрос – почему из детства мне больше запомнились зимы, а не летние времена? Наверное, все-таки из-за Нового года, катаний на санках, зимней стужи в неотапливаемых подъездах и хриплых голосов, исполнявших дворовые песни...

Зимняя встреча с Высоцким. В 1967 году после окончания техникума я стал работать на Киевском заводе полупроводниковых приборов. Там подружился со своим сверстником Павликом Левчуком. У него дома на Брест-Литовском проспекте с бобинного магнитофона «Днепр» я впервые услышал песни в исполнении Владимира Высоцкого и испытал шок. Да, это уже были не блатные песни – его языком заговорила советская улица, заговорила эпоха 60-х!

В то время у меня не было магнитофона, и я попросил Павлика надиктовать мне слова этих песен. Так стала пополняться моя записная книжка. Потом я увидел Высоцкого в фильме «Стряпуха», он показался мне человеком нашего двора, простым, доступным...

Наступил 1971 год. Я работал в ОКБ геофизического приборостроения, на Куреневке. Однажды на доске объявлений появился маленький листок, сообщающий, что для сотрудников ОКБ состоится вечер авторской песни Владимира Высоцкого. Стоимость билетов – 1 рубль. Помню, у меня тогда была простуда, я лежал с высокой температурой, но не пойти на вечер я не мог!

В маленький зал опытного производства набилась куча народа, все галдели, ругались за места, которых не хватало. Вдруг неожиданно появился скромно одетый человек небольшого роста и сразу запел. Зал мгновенно затих, все сразу поняли, что поет человек-легенда, поет наше время...

Помню, Высоцкий попросил, чтобы ему не писали записок о личной жизни.

Он сказал, что лучше побольше споет песен. Всего он исполнил 23 песни.

Кстати, хотя просили магнитофонных записей концерта не делать, наши «специалисты» втихую все равно концерт записали...

Улицы помнят

Чиновники, ремесленники, торговцы, рабочие, интеллигенция, мещане – все те, кто оставался в Киеве в период Гражданской войны и пережил здесь в 1917–1920 гг. четырнадцать переворотов, – вполне вписывались в атмосферу города.

В те далекие годы основные планы переустройства Киева касались лишь небольшой территории центра, а жителей окраин (Куреневки, Демиевки, Шулявки, Соломенки, Лукьяновки и других) они касались мало. Там люди продолжали жить своей обыденной патриархальной жизнью.

Так продолжалось до двух событий, которые стали переломными в жизни города. Первое – это перенос в 1934 году столицы Украины из Харькова в Киев. Второе – Великая Отечественная война.

В Киев стало прибывать много ранее не живших здесь людей и для работы, и для учебы... Обосновавшись в столице, они прилагали все усилия, чтобы перенять уклад жизни и привычки коренных жителей города: посещали театры, музеи, занимались самообразованием. Это помогало сохранять традиционную киевскую культуру и традиции.

В конце пятидесятих годов в связи с аварийностью и перенаселенностью домов центральных районов началось интенсивное жилищное строительство.

На свободных от застройки территориях окраин стали появляться крупные жилые массивы. Теперь коренных жителей столицы нужно было искать не на Подоле, Бессарабке, Печерске и Паньковщине, а на Воскресенке, Чоколовке, Дарнице, Ветряных горах... Киевляне-новоселы стали жить в новых, необычных для себя условиях.

Новая жизнь. У обитателей новых пятиэтажек-«хрущевок» не стало ни огромных круглых дубовых столов, т.к. в малогабаритных квартирах они заняли бы всю полезную площадь, ни создающих уют оранжевых абажуров... Но главное – не стало дворов как замкнутых пространств...

Для них, бывших жителей киевских коммуналок, двор был не только местом игр детей. Здесь отмечали праздники, устраивала свои вечера молодежь... Двор был всем для этих людей. Его любили, за ним ухаживали и даже дрались «двор на двор».

Шли годы. Киев застраивался, при этом неимоверно расширяясь. Новые жилые массивы строились уже на расстоянии в десятки километров от центра города. Подружкам, друзьям, родственникам стало все сложнее добираться для встреч и общения, ведь с годами и здоровье становилось слабее. Так стал разрушаться привычный обыденный мир киевлян...

Новые грандиозные планы киевских градоначальников обусловили появление дополнительно огромного числа приезжих из других регионов. Они несли с собой свою культуру и обычаи, проживая компактно, воспроизводили собственную культуру и мало смешивались с коренными жителями.

Постепенно их численность стала превышать численность коренных жителей города. Конечно, здесь существуют и положительные моменты! Ведь прибывали и продолжают прибывать в Киев наиболее инициативные, развитые и работоспособные жители других регионов страны, которые вносят новую и свежую струю в киевскую жизнь.

Последний удар. Наиболее губительной для киевской культуры мерой стала объявленная властями в середине прошлого века «война с мещанством». Она по сути уничтожила традиционный киевский социальный быт, наиболее стойкий и

адаптированный ко всем перипетиям жизни города в беспокойном XX веке. Эта борьба с «пережитками прошлого» в буквальном смысле выкинула на помойку установившийся за долгие годы уклад жизни киевлян. Вместе с ним оказались в мусорниках старая удобная мебель, копилки-кошечки, китайские болванчики, наклеенные на клеенке картины с прудом и девами, старые книги и фотографии, линзы первых телевизоров, фарфоровые слоники для диванных спинок, салонные альбомы и засушенные цветы...

А ведь в этих вещах хранилась теплота прикосновения рук наших предков, их флюиды и отпечатки пальцев... Одиноко стало киевлянам.

В 30-х годах вместе с храмами были уничтожены и церковные книги. Редко кто стал помнить свою родню дальше второго колена. Почти никто уже не знает даже имен предков. Одиночки могут воссоздать сегодня генеалогическое древо своего рода. Власть сделала все, чтобы жить мещанином с привычным насиженным укладом стало стыдно: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский союз».

Сохранившиеся сегодня уголки старого Киева по-прежнему остаются красивыми и притягательными. Они несут в себе огромный заряд положительной энергии, накопленной нашими предками. Пройдитесь сегодня по старым киевским улочкам и переулкам – это придаст вам уверенности и спокойствия. Так хотелось бы сохранить от разрушения оставшиеся родные местечки, иначе навсегда погибнет память поколений, а это самое страшное.

Забытые киевские гастрономы

Облавы у «Босяцкого»

Все продовольственные магазины послевоенного Киева носили название «Гастроном». Различались эти магазины только по номеру. А совсем маленькие магазинчики назывались просто «Продтовары». И только в шестидесятых годах прошлого века некоторым новым гастрономам стали присваивать благозвучные названия: «Юбилейный», «Первомайский», «Русановский» и т.д.

Но находчивые киевляне и раньше никогда не говорили друг другу: «Я пошел в гастроном № 523». Вместо номера они присваивали магазину специфические народные названия, каждое из которых имело свою предысторию.

Например, на первом этаже дома по нынешней улице Дмитриевской, 1 в послевоенные годы был продовольственный магазин, прозванный в народе «Босяцким». И вот почему. Находившийся рядом знаменитый еврейский базар (Евбаз) был пристанищем карманников и уркаганов, залетных и местных. Месторасположение «Босяцкого» было действительно одним из самых бойких в Киеве!

Очень часто отряды конной милиции, преимущественно в ночное время, делали здесь облавы, сопровождавшиеся криками и стрельбой. Местные жители, просыпаясь среди ночи, не особенно и пугались, зная, что к чему.

▲ В продуктовом магазине. 1950-е гг.

▼ Красная (Контрактовая) площадь. Гастроном на улице Жданова (Сагайдачного). 1980-е гг.

До отмены в 1947 году карточной системы люди скапливались у магазинов в бесконечных очередях, чтобы отоварить карточки на самые необходимые продукты: сахар, хлеб, крупу, масло...

Жертвы войны

В послевоенное время в Киеве было огромное количество инвалидов. Часть из них были без ног. Они передвигались по улицам, сидя на сбитых из кусков досок квадратных платформах, под которыми по четырем углам скрежетали подшипниковые «колеса», и отталкиваясь от мостовой зажатými в руках деревяшками, похожими на кастеты.

Встречались безрукие инвалиды, с культями вместо рук, обросшие, грязные... Нас, пацанов, они просили достать из их кармана пачку «Беломор-канала», прикурить и вставить им в зубы дымящуюся папиросу. Больше всего было одноногих инвалидов на костылях... Самыми непредсказуемыми были контуженые: чуть что – сразу в драку. Часто фронтовики носили в своем теле «заснувшие» пули и осколки.

Для инвалидов работали специальные продовольственные магазины, где они могли в определенные дни отоварить свои карточки. На Подоле одним из таких был продовольственный магазин на углу Ярославской, 15 и Константиновской. Кстати, поэтому его и прозвали в народе «Инвалидным». (Сейчас здесь находится бутик керамики «Da Vinci».) В дни отоваривания карточек инвалидов, местные жители наблюдали жуткую картину: сотни искалеченных людей скапливались в одном месте, реально олицетворяя собой все то горе, которое принесла нам война. Разве забудешь женщину в телогрейке и кирзовых сапогах, которая привозила на тачке к магазину человеческий «обрубок» без рук и без ног и на руках вносила фронтовика-инвалида в магазин!

«Бабский», «Аполонник», «Комсомольский»...

После отмены карточной системы витрины магазинов стали заполняться товарами, появились хлеб, сгущенное молоко, тушенка, маринованные грибы в банках, селедка, хек, треска, красная икра, папиросы, вина.... Консервные банки с крабами долго пылились в витрине: народ просто не знал, что это такое!

На Подоле открылись новые гастрономы. «Бабский» – на углу улиц Верхнего Вала и Межигорской. Говорят, что это название он получил потому, что первое время здесь работали только женщины. На улице Оболонской открылся «Комсомольский», т.к. в нем работала преимущественно молодежь. На улице Введенской появился «Новый», то есть вновь открытый. Продовольственный магазин «Аполонник» располагался на углу улиц Фрунзе и Юрковской. Такое название он получил по фамилии бывшего домовладельца здания, в котором находился, – Полонника.

А вот угловой гастроном на улице Сагайдачного, рядом с Контрактовой площадью, назывался «Центральным», так как действительно был самым крупным и шикарным на Подоле.

Гастроном в старом одноэтажном доме на углу улиц Межигорской и Еленовской в народе прозвали «Наш». В шестидесятых годах дом с этим гастрономом снесли. На его месте построили пятиэтажку-«хрущевку», и на первом этаже снова заработал уже новый «Наш» магазин. В послевоенное время мимо этого магазина по улице Еленовской народ двигался на работу, на судостроительный завод им. Сталина. Ничтожные заработки и непомерно высокие нормы отбивали всякое желание трудиться. А по дороге к заводской проходной в уютных подольских дворах как раз-таки неустанно «трудились» самогонщики – за сущие копейки здесь можно было не только выпить, но и закусить. Всегда имелись огурчики, сало и вкусная таранка. Продавался здесь и денатурат, который, в нарушение инструкции на упаковке, использовался и для внутреннего приема. Рабочие после соответствующего захода в такой дворик впоследствии не попадали на завод и заваливались поспать где-нибудь в кустарнике. Мастера и бригадиры-начальники приходили в эти дворики и силой волокли работяг в цех.

Но пришел конец эпохе гастрономов советского типа. Закончилось и время хранения дефицитов в подсобках и заходов туда с черного хода. Рынок заполнился мини-, супер- и гипермаркетами, резко изменились отношения покупателя и продавца, а понятие «дефицит» ушло в прошлое.

Но почему-то все равно с тоской вспоминаются сегодня старые советские гастрономы со стеклянными разноцветными конусами соков, внизу которых были бронзовые краники с ушками, конфеты из настоящего, а не соевого шоколада и особенно – вкуснейшие напитки детства: лимонад, крем-сода и ситро. Разве их можно сравнить с нынешними, непонятно из чего сделанными «фантами», пепси и кока-колами?

Памяти послевоенных абажуров

Теплый свет родного дома

В первые послевоенные годы в квартирах киевлян не было бронированных дверей, оконных решеток и сигнализации.

Люди жили скромно и открыто. Зато вкусно пахло пирогами, которые часто пекли в каждой квартире.

У детей были свои особые законы: не ври, не зазнавайся, поделись тем, что имеешь. В почете были смелость, умение постоять за честь двора, защитить друга.

Уж не знаю, кому из большевистских деятелей того времени пришла в голову мысль, что у наших людей должно быть общественное бытовое обслуживание (столовые, бани, прачечные и т.п.), в квартирах же наш народ должен был только отдыхать! Вот и стали строить квартиры, в которых площади кухонь, уборных и ванных комнат были сокращены до предела. Да и высота потолков стала гораздо ниже трех метров! После войны население Киева резко возросло, и в жилье превратились бывшие склады, промышленные здания... О комфортности такого жи-

лья не было и речи! Для начала надо было добиться хотя бы угла, крова, а о своей отдельной комнате будем мечтать потом!

Когда в городе шел мокрый снег, за окнами особенно призывно светились оранжевые абажуры. Хозяева этих абажуров уже имели богатство – свое пристанище. Здесь, под абажуром, по-семейному пили чай с послевоенным пайковым хлебом. В комнате стоял дерматиновый диван с высокой спинкой, на стене висел коврик с лебедями, в буфете красовались вазочки и фарфоровые статуэтки...

До революции говорили: Киев – мещанский, Москва – купеческая, Петербург – аристократический. Киев во все времена пытался вернуться к своему природному мещанству, мелкобуржуазным вкусам, сладостям.

Полагаю, что даже сегодня мещанская психология киевлян прекрасно сохранилась. Ну в каком другом городе может появиться экзотичная Верка Сердючка и гламурный Михаил Поплавский? Где еще, кроме Киева, можно создать фильм «За двумя зайцами»? И если сегодня киевлянина одеть по-европейски, посадить в шикарную иномарку, то только начните с ним разговор – увидите, как наружу вылезет Свирид Петрович Голохвастов.

Непонимание знаменитого иностранца

Период с конца шестидесятых по начало восьмидесятых годов запомнился как царствование престарелых советских руководителей. Принимались различные постановления о борьбе то с одним, то с другим злом. В частности, объявили и борьбу с мещанством, а на самом деле – с истинно киевским духом. Ведь сделанные из бумаги пресловутые коврики с лебедями не могли согреть. Эти символы надежной и крепкой семейной жизни приносили только душевное тепло. И даже барачная стена с таким ковриком становилась не такой убогой! А комнаты в общежитии с открытками киноактеров на стенах и гитарой с бантом – уже как бы обжитый дом! Абажуры из шелка, маркизета, шифона и крепдешина не считались у киевлян мещанскими и были в моде.

Удивительно, но противниками милых сердцу киевлян примет быта стали не только наши советские руководители, но и некоторые европейские знаменитости. Так, в конце пятидесятых годов Киев посетил известный европейский актер (имя знаю, но называть не хочу). Он даже выступил в Оперном театре. По возвращении в свою страну он в ряду не слишком лестных эпитетов дал нашей стране и такой – «страна оранжевых абажуров». Но заклеил он их, как мне кажется, напрасно. Просто не понял европеец сущности нашего бытия. Не нашел ключа к пониманию эпохи и жизни страны, в корне отличающейся от его собственной. Не ощутил, что именно эти оранжевые абажуры, дающие удивительно теплое освещение комнаты по центру, оставляли в мягкой затемненности скудность тогдашнего послевоенного быта. Но Бог ему судья!

Возвращение абажуров

У знаменитого киевлянина Михаила Булгакова есть такая фраза: « Никогда. Никогда не сдергивайте абажур с лампы! Абажур священен. Никогда не убегайте крысьей побегкой на неизвестность от опасности. У абажуров дремлите, читайте – пусть вое вьюга, – ждите, пока к вам придут!».

В семидесятых годах коврики с лебедями были запрещены в Киеве специальным постановлением по рынкам, а абажуры сняты с производства.

Но вот наступило рыночное время. Теперь уже невозможно без серьезных оснований запретить то, на что есть спрос.

Нынешнее возвращение абажуров объясняется осознанием жителями столицы исторического предназначения Киева как города тепла, уюта и покоя. И сегодня они, как и в былые времена, пьют чай под своим любимым оранжевым абажуром, счастливо беседуя с дорогими им людьми.

Загадки Булгакова

15 мая 2011 года исполнилось 120 лет со дня рождения Михаила Булгакова и 20 лет музею его имени на Андреевском спуске, 13.

Михаил Афанасьевич Булгаков родился в 1891 году в Киеве в семье доцента духовной академии. Крестным отцом его был профессор М. Петров.

В 1909 году окончил Первую гимназию, а в 1916 – медицинский факультет Киевского университета.

В разных местах Киева жила семья писателя, но прежде всего его имя связано с Андреевским спуском, 13, где в 1991 году в дни празднования 100-летия со дня его рождения открыл свои двери литературно-мемориальный музей Михаила Булгакова.

В 1921 году Булгаков переезжает в Москву. В 1925 году в журнале «Россия» печатается его роман «Белая гвардия», а в издательстве «Недра» выходит сборник рассказов «Дьяволиада». В театре имени Вахтангова поставили пьесу «Зойкина квартира», а во МХАТе – «Дни Турбиных».

По словарю Ушакова глагол «булгачить» означает «тревожить», «беспокоить». Слово «турбовать» имеет то же значение. Получается, что полковник Алексей Турбин, проживающий с родными по Андреевскому спуску, 13, – сам Булгаков. Он наделил главного героя своими собственными переживаниями. Смотреть эту пьесу во МХАТ, согласно цифре, зафиксированной в театральных протоколах, Сталин приезжал 15 раз. Чем же захватила вождя пьеса? Возможно, Сталин хотел бы, чтобы и его окружали такие же люди – верные, честные, преданные? Втайне восхищался ими? В начале войны Сталин вводит в Красной армии погоны для офицерской формы. Может, это было сделано под впечатлением от булгаковского спектакля?..

Но с 1926 года Булгаков был лишен возможности заниматься литературной деятельностью и находился под бдительным надзором ОГПУ–НКВД. В газетах его стали называть «новобуржуазным отродьем, брызжущим отравленной, но бессильной слюной на рабочий класс и его коммунистические идеалы». Во время обыска у писателя были изъяты все рукописи и дневники. С репертуара сняты все пьесы... Булгаков подумывает о самоубийстве и носит с собой револьвер. 28 марта 1930 года он пишет письмо правительству, где просит «приказать в срочном порядке оставить пределы СССР» или же дать работу по специальности. И происходит небывалое...

18 апреля ему домой звонит Сталин. Он «с отеческой заботой» разговаривает с «белогвардейцем» и «буржуазным отродьем».

Сталин: «Вы где хотите работать? В Художественном театре?»

Булгаков: «Да, я хотел бы. Но мне отказали...»

Сталин: «А вы подайте туда заявление. Мне кажется, что они согласятся».

В 1932 году во МХАТ возвращена снятая ранее с репертуара пьеса «Дни Турбиных». Не думается, что всесильный вождь отнесся к Булгакову с сочувствием, – скорее, здесь был какой-то мистический интерес.

Работу над главной книгой своей жизни «Мастер и Маргарита» Булгаков начал в 1928 году. Этот непростой роман впоследствии получил мировое признание.

▲ Дом-музей Булгакова на Андреевском спуске. 1989 г.

Существенную, определяющую и даже жертвенную роль в жизни Булгакова сыграли женщины, вернее, три его жены.

Первая, Татьяна Лаппа, фактически спасла писателя от верной смерти. В 1914 году вместе они работали в уездной больнице Смоленской губернии. Там Булгакову ввели противодифтерийную сыворотку, и когда ему стало плохо, он попросил уколоть морфий, затем еще и еще. Началось привыкание. Он стал требовать наркотик у жены. Благодаря титаническим усилиям Татьяны они вернулись в Киев, где Булгаков постепенно вылечился у своего отчима доктора Воскресенского. И все же они расстались.

Уже живя в Москве, Михаил Афанасьевич влюбился в настоящую аристократку, очень образованную женщину Любовь Белозерскую. Именно она ввела его в круг подлинной московской интеллигенции. Выполнив эту миссию, она все же не стала музой писателя.

Но вот Булгаков знакомится с Еленой Шиловской, подругой Любви Белозерской. Эта замужняя женщина и стала его Маргаритой – третьей женой и настоящим ангелом-хранителем. И познакомились они так, как описано в романе: желтые цветы, обмен взглядами, растерянные слова...

15 июня 1938 года Булгаков завершил последнюю главу романа. Затем он еще в течение двух лет правил и дополнял рукопись, находясь на пороге смерти. Булгаков угадал от родового проклятия – склероза почек. 10 марта 1940 года его не

стало. И все же он умер со спокойной душой, услышав от жены именно то, чего ждал: «Клянусь, я его напечатаю».

Благодаря Сталину его любимый писатель был похоронен на элитном Новодевичьем кладбище недалеко от могилы Чехова.

А «Маргарита» сдержала свое слово. Елена Сергеевна дожила до того дня, когда роман «Мастер и Маргарита» напечатал журнал «Москва». Это было в 1966 году.

Киевский музей электротранспорта и его директор

Выход на пенсию по-разному воспринимается людьми. Ведь меняется сложившийся ритм жизни, происходит расставание со своим трудовым коллективом, наступает домашнее однообразие...

А вот у нашего сегодняшнего юбиляра спокойная жизнь не намечается! Паспорт напоминает, что ей уже за восемьдесят, а она берет на себя все новые и новые нагрузки и обязательства.

Сегодня с нами бессменный директор Киевского музея электротранспорта – Лидия Архиповна Ливинская.

Ей не было и 17 лет, когда в тяжелом послевоенном 1946-м она в поисках лучшей жизни приехала в Киев с родной Мелитопольщины. И первое, что увидела на привокзальной площади, – звенящий и блестящий на солнце городской трамвай, весело катившийся по рельсам. Эта картинка так запала в душу молодой девушки, что вскоре она оказалась у дверей только что открывшегося после войны техникума электротранспорта. Здесь она училась, одновременно начав свою трудовую деятельность на должности библиотекаря.

После окончания техникума Лидия работала в службе движения трамвайно-троллейбусного управления Киева, водила трамваи и троллейбусы, была начальником маршрута, старшим диспетчером, начальником цеха, заместителем начальника трамвайного депо, мастером производственного обучения. Занявшись изучением истории городского электротранспорта, она собрала огромный материал на данную тему. Это позволило в 1992 году открыть в Киеве уникальный музей истории электротранспорта, директором которого Лидия Архиповна является со дня основания.

Оказывается, в Киеве – городе, в котором в 1892 году был пущен в эксплуатацию первый в Российской империи электрический трамвай, – в 20-х годах прошлого века уже был музей транспорта. Однако в 30-х годах его закрыли.

Сегодня в небольшом по площади музее по улице Филатова, 22/8 каждый сантиметр от пола до потолка занят многочисленными экспонатами, моделями и макетами всех типов транспортных средств, существовавших за более чем столетний период. Здесь было торжественно отмечено 100-летие первого киевского трамвая, 100-летие фуникулера, 70-летие троллейбуса и 80-летие автобусного движения в нашем городе. Среди посетителей можно увидеть не только киевлян, но и гостей столицы из других стран. Сюда приходят писатели, киевоведы, исследователи транспорта, журналисты...

Лидия Архиповна
Ливинская (1928–2010)

Деятельность Лидии Архиповны не ограничивается музеем. Она проводит интереснейшие экскурсии в восстановленном киевском ретро-трамвае, принимала участие в создании храмов на Куреневке и в Дарнице, в увековечении памяти жертв Куреневской трагедии 1961 года. В 2005 году Объединение гуманистов Украины вручило ей Диплом доброты – как ветерану труда, энтузиасту музейного дела и руководителю киевского музея истории электротранспорта. В 2010 году Л. А. Ливинской не стало, вечная ей память.

Шпана послевоенная

Власти послевоенного Киева не отличались большим вниманием к благоустройству города. Им было не до того, ведь требовалось восстановить промышленность. Запущенным был Подол конца 40-х годов прошлого века...

В соответствии с правилами застройки 1873 года каждой киевской улице был присвоен разряд. Так, улицы Подола, расположенные от центра города до улицы Ярославской, имели первый разряд. Это значит, что здесь разрешалось строить кирпичные дома не ниже двух этажей с лестничными клетками из огнестойких материалов.

А вот застройка от Ярославской до Заводской относилась к четвертому разряду. Здесь можно было строить и одноэтажные дома, как кирпичные, так и деревянные. Булыжные мостовые (асфальт появится здесь только в середине 50-х годов) освещались тусклым светом фонарей. На этих подольских улочках стояли жалкие лачужки. А заросшие крапивой, лопухами и подорожником немощные дворики великолепно подходили для мест сбора воровских малин. Здесь хорошо было на время затаиться. Улочки поднимались вверх по горкам Курневской возвышенности, растянувшейся вдоль улицы Фрунзе до стадиона «Спартак», дома прятались за пышными палисадниками, переулки терялись в оврагах и ярах.

Послевоенное время – время блатной романтики. Киев был поделен между подростковыми бандами, которые во всем подражали взрослым. Обязательным элементом одежды был головной убор – серая кепка из букле, именуемая лондонкой. Курили «Беломор», «Казбек» и «Северную Пальмиру». Школьную форму ввели в 1948 году: поначалу мальчики носили полувоенный китель с воротничком-стоечкой, ремень с тяжелой бляхой и фуражку. Только в 1973 году кители были заменены синими костюмами.

До 1954 года обучение было раздельным. Интересно, что его ввел Сталин во время Великой Отечественной. Анализируя причины отступления Красной армии в первые годы войны, он пришел к выводу, что совместные школы выпускали не настоящих мужчин – защитников Отечества, а лиц «среднего» рода, не прививали мальчикам мужественность, ответственность, чувство чести... После окончания войны школы еще девять лет (до смерти вождя) оставались раздельными.

Постоянное полуголодное состояние, сложные жилищные условия, безотцовщина – все это сказывалось на школьном климате. В мужских школах не любили зазнаек, выскочек и особенно ябед. Даже отличники проявляли скромность и не выделялись. Между мальчиками бывали драки, иногда мог и учитель «приложиться» к нерадивому ученику указкой или толстой книжкой. А вот пожаловаться родителям, директору или завучу было невозможно. Терпи и сам решай свои проблемы – таков был своеобразный кодекс чести...

Однажды, еще при жизни вождя народов, во время урока один мальчик в нашем классе стрельнул из рогатки и случайно попал в портрет Сталина. Портрет с грохотом упал на пол. Сначала наступила гробовая тишина. А затем учитель с помощью подбежавших учеников аккуратно повесил портрет на место. Ни учитель, ни ученики никому не сказали об этом инциденте. А ведь если бы история вышла за пределы класса, родители мальчика вполне могли бы получить срок. В экстремальной ситуации проявились характерные для того времени чувства товарищества и солидарности.

Пацаны были предоставлены сами себе. Бесконтрольно шатались по базарам и подворотням, группировались в уличные боевые отряды (в милиции их называли шпаной). Случалось мелкое воровство, и драки с поножовщиной.

На каждой территории была своя банда с лидером – самым смелым, ловким и сильным пацаном. Где-нибудь на пустыре сходились две шпаны. Рядовые корешки пропускали вперед своих главарей, которые начинали драку на кулаках. Би-

лись обычно до первой крови, после чего к победителю присоединялись корешки проигравшего – теперь уже бывшего лидера.

Все друг друга знали. Если к тебе приближались ребята с Юрковской или Туровской, то в качестве пароля необходимо было назвать пару кличек известных на Подоле главарей шпаны (Слива, Чана, Торлик, Бомба, Топа) – тебя сразу принимали за своего и благополучно отпускали.

Тусовалась шпана обычно у касс кинотеатра «Жовтень». Здесь можно было смело подойти к кучке ребят и заказать что-нибудь дефицитное: авторучку, зажигалку или немецкие игральные карты с картинками. Деньги платились вперед. Затем за товаром необходимо было подойти ровно через час. Случаев невыполнения заказа не было.

Вспоминает почетный дружинник, коренной подолянин Александр Иванович Нагиба:

– Однажды два милиционера и три дружинника, среди которых был и я, выехали на патрульной машине на место «сходняка» шаек, орудовавших мелкими кражами на Житнем базаре. Дружинники предполагались в качестве свидетелей.

Квартира находилась на улице Почаевской на первом этаже, там был накрыт стол, присутствовали и «свои в доску» подружки.

Однако когда мы проникли в квартиру, бандиты открыли люк в полу и спустились в подвал. Наша опергруппа рванула следом в тот же люк. А бандиты выскочили из подвала на улицу и захлопнули входную дверь на амбарный замок. Подруги пацанов в это время захлопнули на замок крышку люка из комнаты в подвал.

Так милиционеры с дружинниками оказались в ловушке. Больше часа просидели мы в мокром подвале с крысами, без света... Вызвали нас сослуживцы из отделения милиции на улице Хоревой: проезжая по Почаевской, они увидели стоявшую там пустую машину оперативников. По рации – а это был огромный ящик на восьми батарейках – связались с отделением и узнали адрес, по которому направилась наша группа. Освободить нас оказалось делом техники, а вот задание было провалено.

Забитый киевский трамвай

В 1949 году в Киев впервые поступила массовая партия цельнометаллических трамваев с Усть-Катавского вагоностроительного завода, который выпустил первые модели своих трамваев еще в 1901 году.

Это были трамвайные «поезда» с мягкими коленкоровыми сиденьями коричневого цвета. Постепенно эти трамваи, а также поступившие позднее модели из Москвы и Риги вытеснили из Киева последние деревянные трамваи. Ездить на мягких сиденьях, конечно, было комфортнее, чем на деревянных лавках довоенных трамваев. Тем не менее по техническим характеристикам им было еще далеко до современных бесшумных вагонов «Татра» с автоматикой и надежными тормозами. Когда трамвай проходил по улице, в прилегающих домах дребезжали не только оконные стекла, а и вся посуда в шкафах и на столах!

Шли годы, росло население Киева. Старые трамваи уже не справлялись с количеством пассажиров. В конце 1950-х годов Киевский завод электротранспорта имени Дзержинского начал выпуск новых, более вместительных, трамвайных поездов.

Но усть-катаевские вагончики не пошли на металлолом – они были переданы в Днепропетровск, Кривой Рог, Мариуполь, Николаев, Запорожье, Днепродзержинск и другие областные и промышленные центры Украины, где успешно проработали до конца 80-х годов. В Днепродзержинске этот трамвайчик сохранили в виде памятника. А вот в Киеве такой памяти не осталось. Но старый усть-катаевский трамвайчик был неотъемлемой принадлежностью той эпохи, тех улиц, той жизни, того фольклора...

В середине прошлого века сине-желтые вагончики вдруг показались властям «националистическими». Поэтому, когда с конца 60-х в Киев стали поступать чешские «Татры», в их окраске преобладал красный цвет. «Татры» были без подножек и выступов сзади, поэтому отважные мальчишки уже не могли прокатиться на так называемой «колбасе».

Кирпичный завод у подножья Юрковицы

Время словно дымкой окутывает ушедшее. С каждым прожитым годом все труднее увидеть через эту дымку очертания знакомых с детства улиц, домов... Пройдите сегодня по знакомым с детства киевским улочкам. Напрягая зрение, вы будете «выхватывать» еще сохранившиеся знакомые детали прошлого. Забытые запахи, воспоминания об обыденных событиях начнут будоражить ваше воображение.

Высота горы Юрковицы – 175 м над уровнем моря. Название связывают с уже пересохшим Юрковым ставком. К горе примыкает глубокий одноименный яр, образовавшийся в давние времена вследствие оползней и размывов. Здесь много источников-ручьев, наиболее знаменитый из которых – Иорданский источник. Ранее на Юрковице функционировало несколько церквей и женский монастырь, от которого осталось кладбище. А из церквей сохранился единственный в Киеве деревянный храм – церковь Св. Макария.

От угла нынешних улиц Фрунзе и Нижнеюрковской начинается своеобразная ландшафтно-историческая зона киевского Подола. Здесь расположены заводы: керамических изделий, солодовых концентратов, пивоваренный, молочной кислоты и другие. В этом месте сосредоточены уникальные памятники промышленной архитектуры Киева второй половины XIX века – начала XX века. Эти старинные здания композиционно вписываются в склоны Кирилловской горной кручи, начинающейся у горы Юрковицы и тянущейся вдоль улицы Фрунзе до Куреневки. История завода началась в XIX веке. В документах Киевского городского общества взаимного кредита за 1894 год имеются сведения о том, что потомственный почетный гражданин Михаил Вильгельмович Рихерт вступил здесь во владение недвижимым имуществом. И уже в 1895 году он построил каменную гофмановскую печь для выделки кирпича. В прилегающих карьерах была великолепная си-

няя глина, из которой получался жаростойкий кирпич, который использовали в основном для кладки печей.

Сразу после войны пленные мадьяры и немцы стали восстанавливать разрушенный кирпичный завод по улице Нижнеюрковской, 2.

...В 1947 году из Полесского района Киевской области приехала молодая девушка Мария Холодченко. Здесь, на кирпичном заводе, она проработала 40 лет.

– Нелегко было в первое время, – вспоминает сегодня Мария Алексеевна. – Жить было негде, людей селили на заводской территории в помещениях, переоборудованных в общежития. Мы жили в маленькой комнатке вчетвером. У меня была железная кровать и тумбочка 30 x 30 см. Одежду вешала на гвоздь, вбитый в дверь. Все удобства – во дворе. Работала я в формовочном цеху, бывало, и ночью – в третью смену. Получала 60 рублей в месяц. Уставали так, что было не до гулянок. Правда, в одном из заводских помещений был клуб, где можно было потанцевать под патефон. Помню, мы даже ставили там театральные постановки. Уже в пятидесятые годы в клуб приобрели телевизор.

Со временем на Нижнеюрковской построили заводское общежитие, и многие молодые семьи переехали с завода в отдельные комнаты.

На углу Нижнеюрковской и Фрунзе заработал пивной ларек, продавцом которого был Гриша Пинский, известный своим уважительным отношением к каждому покупателю. Так, например, в зимнее время он подогревал пиво на электроплитке в чайнике и, зная вкус каждого своего клиента, разбавлял теплым пивом холодное из бочки, чтобы человек не застудил горло. На этом бойком перекрестке работал гастроним, названный в народе «Аполонник» (дореволюционным владельцем здания был помещик Полонник), находились молочный, галантерейный магазины и парикмахерская. А вдоль кирпичной стены завода по Фрунзе были установлены стенды с диаграммами роста благосостояния советских людей до 1980 года (отдельно по мясу, углю, нефти, газу, сахару и т. д.). К 1980 году диаграммы объемов производства уходили в заоблачные высоты!

В середине прошлого века 85 % всей выпускаемой кирпичным заводом продукции использовалось для нужд строительства Киева и Киевской области. Первомайский массив, Нивки, Отрадный, Борщаговка построены из изделий завода. Небезызвестные хрущевки также строились из заводских керамических кирпичных изделий. С 1978 года на заводе наладили производство кирпичных блоков для детских садов, ведь железобетонные блоки было нецелесообразно использовать для этих целей. А затем начался спад производства. Завод не выдерживал конкуренции с крупными домостроительными комбинатами и заводами ЖБИ.

Оказавшись сегодня в этом месте, вы увидите неработающие кирпичный завод и расположенный рядом завод солодовых концентратов. Годом основания этого бывшего пивоваренного завода, также принадлежавшего Рихтерту, считается 1892-й.

На территорию кирпичного завода можно попасть со стороны улицы Нижнеюрковской. Впрочем, зрелище приведет в уныние... Недаром это место облюбовали киношники. Однако они снимают здесь кадры не о быте 50-х, а сцены бандитских разборок. Хочется верить, что найдутся достойные хозяева этих мест, которые

наведут здесь порядок и сохраняют для потомства исторические и архитектурные ценности этого кусочка киевского Подола.

Самый старый киевский кинотеатр...

Эти истории произошли во времена, когда кинематограф обладал неудержимой притягательной силой, и все они связаны с киевским кинотеатром «Жовтень».

Торжественное открытие этого первого построенного после революции кинотеатра произошло в январе 1931 года. Первоначально он назывался «Девятое Госкино».

Киевская газета «Пролетарська правда» от 30 января 1931 года писала: «Вчера труженики Петровки (так назывался тогда Подольский район) и вместе с ними труженики всего Киева торжественно отпраздновали огромную победу на фронте культурного строительства. Торжественно открылся новый кинотеатр «Девятое Госкино» на улице Шолом-Алейхема (ныне Константиновской) в рабочем районе города. Этот кинотеатр будет не только местом развлечения, а и организатором масс, лабораторией пролетарской культуры. В новом кинотеатре предусмотрены всесторонние потребности зрителя-пролетария. Для трудящегося есть возможность разумно использовать свободное перед сеансом время. Прежде всего, это читальный зал, библиотека. Имеется и комната, где вы можете поиграть в шахматы, шашки, домино. В подвале – стрелковый тир, где можно детально изучить винтовку, воинскую маскировку и теорию стрельбы».

А теперь о том, о чем не писали газеты. Согласно проектной документации, с тыльной стороны кинотеатра предусматривалось снести нагромождение сараев и барачных внутренних дворов на стыке улиц Щекавицкой и Шолом-Алейхема, а на их месте должна была появиться парковая зона: дорожки, скамейки, беседки. Планировалось посадить саженцы яблوك, абрикосов, декоративных деревьев. Для выполнения этих работ был подключено Куреневское цветоводческое хозяйство. Но начались 30-е годы – время сталинских чисток и репрессий. Сейчас уже непонятно, по какой причине, а может быть, и без всяких причин, но руководство цветоводства было арестовано, и деятельность хозяйства парализована.

В результате приемная комиссия и первые зрители кинотеатра, поднявшись в зал ожидания, из огромных окон увидели неприглядную картину: бараки с покосившимися стенами, помойные ямы, почерневшие от времени сараи, ужасные общественные уборные. И множество веревок с развешенной одеждой трудящихся: застиранной и залатанной...

Спустя шестьдесят лет парк все же появился на этом месте. Главным фасадом кинотеатра теперь стала его бывшая тыльная сторона.

...Во время немецкой оккупации киевские кинотеатры получили новые названия. Вместо порядковых номеров Госкино появились «Метрополь», «Эхо», «Люкс», «Орион». «Девятое Госкино» стало «Глорией». На экранах демонстрировались необремененные политикой немецкие мелодрамы: «Таковы уж эти мужчины», «Первая любовь», «Свадьба с препятствиями», «Сальто-мортале», «Только любовь», «Танец вокруг света», «Индийская гробница»...

Но вот немецкие войска стали терпеть одно поражение за другим. Жить в Киеве стало еще опасней. Усилились зверства гестапо, не прерасался кошмар Бабьего Яра. Тысячи киевлян стали угонять в Германию. Облавы были каждый день.

Однажды в кинотеатре «Глория» перед показом художественного фильма включили немецкий пропагандисткий киножурнал. Показывали разрушенные войной советские города, пленных красноармейцев – и вдруг на экране промелькнул советский истребитель, обстреливающий колону немецких солдат. И зрители, не сговариваясь, зааплодировали! А ведь в зале находились и немцы, и полицаи. По окончании фильма фашисты придумали, как отомстить зрителям. Во время выхода на улицу из кинозала они били плетками всех подряд. Попало и тем, кто не аплодировал.

...Это произошло в 60-х годах прошлого века, во времена дефицита и взаимных услуг с черного хода. В кинотеатре, получившем уже свое современное название «Жовтень», проходила неделя французских фильмов. Билеты были распроданы. Даже с рук их невозможно было купить за двойную или тройную стоимость! В вестибюле из трех касс была открыта только одна, но и на ней надпись: «Все билеты проданы». Уныло стою с компании со своим другом Толиком, и вдруг наблюдаем такую картину. К открытой кассе подходит женщина и тихо говорит: «Мне два билета, я от Альфреда Максимовича». И тут же получает билеты от кассириши. Толик хватается за голову и говорит: «А что, если я тоже скажу, что я от Альфреда Максимовича?» – «А не боишься?» – «Нет». И вот Толя делает умное лицо, небрежно подходит к кассе и просит два билета, сопроводив это фразой, что он от Альфреда Максимовича. И чудо – ему выдают заветные синие билетки!

Прошло два года. Однажды я пригласил девушку в кино, и снова билетов не оказалось. В отчаянии я решил воспользоваться старым «паролем», подошел к кассиру и сказал, что я от Альфреда Максимовича. И что вы думаете? Тут же получил билеты! Кем был этот всесильный Альфред Максимович – я так и не знаю, хотя очень интересно было бы узнать и поблагодарить этого человека.

Запахи киевского детства

Запахи хранятся в глубинах нашей памяти и извлекаются оттуда в самый неожиданный момент, «взрывая» при этом наши мысли и эмоции. Думаю, что особенно ценным для человека является набор запахов его детства.

Находясь однажды под Одессой, в Куяльнике, я увидел захудалый магазинчик сельского типа. В таких магазинах обычно торгуют непродовольственными товарами. Зашел внутрь – и ошолбенел. В нос прямо-таки «долбанул» характерный, давно забытый, но такой родной запах из киевского детства. В нем было удивительное и неповторимое сочетание запахов мыла, кремов, кожи, одеколонов, клеев... В памяти сразу всплыло внутреннее помещение деревянного галантерейного рундука на Подоле.

Тогда в продовольственных магазинах Киева продавались качественные продукты: хлеб, колбаса, соки, конфеты... От них исходил чудесный «съедобный» запах. Сегод-

ня, когда пища все более насыщается консервантами, красителями, эмульгаторами и т. д., — умирают и запахи ...

На Подоле было множество всевозможных мастерских: швейных, сапожных, ювелирных, часовых, слесарных, кожевенных... Заказы обычно выполнялись тут же при клиенте. В послевоенные годы был дефицит обуви, одежды, посуды, гвоздей, расчесок, детских колясок, пуговиц... В условиях послевоенной разрухи Сталин решил повторить ленинский нэп. Без государственного финансирования (на средства пайщиков) были созданы так называемые артели. Артели наладили производство металлических изделий, занимались швейным, обувным, пекарским делом. Следует отметить, что с успехом использовалось трофейное немецкое станочное оборудование.

В историческом районе ремесленников Киева забурилась жизнь. На Подоле запахло горячим железом. Обтачивались валы, кольца, втулки, ворчал чугунок, фыркала бронза, визжало железо. Шорох кожаных приводных ремней не мог заглушить визг металла. А ближе к базару в шорных и слесарных мастерских чинили конскую сбрую, подбирали ключи к старым замкам, паяли и лудили. Визжали циркулярные пилы. Здесь пахло смолой, мазутом, олифой, клеем...

Закончилась эпопея с артелями плачевно. После налаживания производства эти объединения объявили занимающимися незаконной коммерческой деятельностью, оборудование демонтировали и вывезли на крупные государственные заводы.

Когда я прохожусь по знакомым улочкам, кажется, что все современное не пахнет. А запахи бытовой химии не вызывают никаких чувств. Люди моего детства пахли профессиями, а не дезодорантами.

Приметы киевского детства

Босиком по Подолу

В старых кинофильмах образцовых советских пионеров показывали одетыми только так: темный низ, светлый верх и красный галстук на груди. Свидетельствую как очевидец. Мы, пацаны послевоенного киевского Подола, ничего общего с этими киномальчиками не имели! Например, мои родители приобретали для меня на лето сандалии или матерчатые тапочки, недорогую тенниску и почему-то тюбетейку. А вот штанишки до колен, на лямках, мама шила для меня сама. К сожалению ни тапки, ни сандалии долго не выдерживали. Во время постоянных «восхождений» на гору Щекавицу и спусков с нее по скользкой траве обувь снашивалась моментально. А если добавить многочасовые футбольные поединки, в которых мяч иногда заменяла консервная банка, то какой бы прочной ни была обувь, она все равно безжалостно рвалась.

И вот однажды в мою десятилетнюю голову пришла гениальная мысль: «А почему бы не ходить без обуви?» Тем более что для многих в нашем Цимлянском переулке выражение «босоное детство» было не метафорой, а образом жизни. После окончания учебного года главным жизненным пространством для нас становились двор,

переулок, гора Шекавица и берег Днепра. И для некоторых пацанов, в основном из небогатых семей, формой одежды становились черные сатиновые трусы... и все! Когда родители уходили на работу, я стал аккуратно складывать на тумбочку футболку и штаны, ставил рядом тапочки и, как Робинзон, выходил во двор в одних сатиновых трусах. Жарким летом под солнцем уличный асфальт раскалялся, ходить приходилось вприпрыжку и искать спасительную тень. Зато на пляже вблизи гавани не было никаких проблем: воришкам нечем было поживиться. Мы купались до посинения, не беспокоясь об оставленных на берегу вещах – их просто не было! Однажды я возвращался к себе в Цимлянский по расположенному рядом с Житним базаром Ярославскому переулку. Там я часа четыре гонял в футбол во дворе у своего школьного друга Толика Слипченко. Свернул с переулка на улицу Щекавицкую, затем у речного техникума повернул на улицу Фрунзе – и вот здесь меня увидел дедушка, мамин папа, Василий Дементьевич Говоровский, интеллигентный человек, преподаватель, библиофил. Жил он на улице Саксаганского, а на Подол приехал, чтобы навестить меня. Увидев своего внука грязного и босого, в одних трусах, с окровавленными коленками, он ужаснулся: «Как ты можешь ходить в таком виде по центру города и позорить нашу семью?!» Вот так и закончилось мое босоное детство.

Сгоревший дом

Это произошло в начале шестидесятых. На углу улиц Щекавицкой и Константиновской, напротив кинотеатра «Жовтень», стоял старый двухэтажный жилой дом с парикмахерской.

Купив детский билет за 10 копеек, я вошел в кинотеатр посмотреть фильм. Запомнилось почему-то название: «Дело № 306». После окончания сеанса выхожу на Константиновскую и вижу: дома с парикмахерской нет! Оказывается, за время одного сеанса он сгорел. Дом был с деревянными перекрытиями. Рядом с пожарными машинами стояли жильцы-погорельцы со своими пожитками, завернутыми в одеяла. Погорельцев жалели, однако я услышал, как какой-то мужчина говорит другому:

– Наверное, не признали их дом аварийным, вот сами и подожгли!

– Не говорите ерунду, это просто короткое замыкание в парикмахерской.

Такое случалось. В Киеве с приходом к власти Хрущева началось интенсивное жилищное строительство. Людей переселяли из ветхих зданий в новые квартиры. Многие киевляне хотели получить жилье в строящихся хрущевках, однако комиссии не все дома признавали аварийными. Один хитрый подолянин для того, чтобы его дом признали аварийным, каждое утро, уходя на работу, отбивал по кирпичу из цоколя дома. Однажды, вернувшись домой, он увидел, что часть здания, где находилась его квартира, таки завалилась...

Письма в Китай

В середине прошлого века многие ученики киевских школ переписывались со своими сверстниками из стран народной демократии. Я тоже стал переписываться с китай-

ским мальчиком по фамилии Ли Пин-ан. Я попросил своего одноклассника, который уже переписывался с китайским мальчиком, написать тому мой адрес и попросить передать его какому-нибудь его другу. Таким образом я получил письмо из Китая с великолепными китайскими открытками.

Знакомились и другими методами. Часто в нашу школу приходили письма из разных стран. На конвертах значилось: «СССР, г. Киев, школа № 158, 5-й класс, второму ученику по списку».

Мой китайский друг писал мне письма на русском языке, который он изучал в школе. А адрес на конверте мне нужно было писать по-китайски. С этой целью в конце письма мальчик тщательно вырисовал иероглифы. Вот тут для меня и появилась проблема. Я купил конверт и попытался повторить иероглифы, но у меня не получалось. Я портил конверты. И вдруг в голову пришла мысль: надо просто сходить в университет и попросить написать адрес на конверте какого-нибудь китайского студента, ведь в то время их в Киеве было очень много. Так я и поступил, и один из китайских студентов с радостью выполнил мою просьбу.

Через некоторое время случился вооруженный конфликт между СССР и КНР на полуострове Даманский. В очередной раз подходя к университету, я не обнаружил там ни одного китайца. Произошло охлаждение отношений между СССР и КНР, и все китайские студенты уехали из Киева. Пришлось адрес писать самому. Ответа я так и не дождался. Не знаю, то ли я неправильно нарисовал иероглифы, то ли китайские власти запретили своим ученикам переписываться с советскими пионерами.

Холодная зима 1948 года

– В 1944 году я закончила двухмесячные курсы парикмахеров при киевском Горкомбинате и сразу стала работать женским мастером в парикмахерской № 2 на Подоле по улице Шолом-Алейхема, 14, – вспоминает ветеран труда киевлянка Галина Ивановна Иванова. – Сегодня мало кто помнит, что только в 1947 году 1 января было объявлено нерабочим днем. До этого Новый год официально не отмечался, просто собирались родственники, готовили пироги с рисом, капустой и яблоками, слушали патефон, пели песни под баян... При этом не забывая, что 1 января необходимо было выходить на работу.

Для нас, работников парикмахерских, праздников не существовало. И в выходные, и в праздничные дни мы работали в две смены: с 7 до 15 и с 15 до 22 часов. Особенно напряженным было 31 декабря. В первые послевоенные годы в нашей парикмахерской работал только женский зал. В предновогодние дни посетительниц было так много, что приходилось устанавливать пять дополнительных кресел! Зимы в те времена были снежные и холодные. Входная дверь в парикмахерскую была занесена снегом и с трудом открывалась. И все же, несмотря на мороз и бьющую в лицо колючую снежную крупу, женщины продолжали стучаться в уже закрытую после десяти часов вечера дверь: «Ну, пожалуйста, хотя бы две завивки сделайте!» В конце 40-х годов крупные завитки, укладываемые в сложные прически, были

вершиной женской парикмахерской моды. Волосы завивали специальными железными щипцами, нагревающимися с помощью керогаса.

Отопление в нашей парикмахерской было печное. Топка печи находилась в коридоре, а облицованное кафелем ее «зеркало» выходило в зал. В печь был вмонтирован котел для подогрева воды. Имелся у нас и примус. Так как зал для обслуживания посетителей был большой, он плохо прогревался. Дополнительно пришлось установить посреди зала чугунную буржуйку. Ее выгода – немедленная отдача тепла. И для печи, и для буржуйки нужны были дрова! И вот дождливой холодной осенью мы, десять юных парикмахеров, отправились в Пуцу-Водицу на заготовку дров. Вместе с нами работал и заведующий нашей парикмахерской Данил Петрович Биллер. Поселились в районе Каланчи в домике лесничего. Каждый день в любую погоду мы пилили сосны, обрубали ветки, распиливали поваленные стволы на бревна и укладывали из этих бревен штабеля. На открытых прицепных платформах трамвай № 12 доставлял дрова к самой парикмахерской. Здесь мы их разгружали и складировали в дворовом сарае. Затем распиливали во дворе бревна и рубили их на поленья...

Вспоминается, что когда я вернулась из Пущи-Водицы домой и стала переодеваться, то моя мама ужаснулась! Руки и ноги были в ссадинах и царапинах, тело в нарывах... Мы не только работали в парикмахерской, а и мост временный помогали строить около Выдубецкого монастыря (чтобы быстрее перевозить раненых в Киев), и Крещатик расчищали, и в госпиталях помогали ухаживать за ранеными...

В вестибюле нашей парикмахерской около кассы рядом с переходящим красным знаменем победителей социалистического соревнования мы устанавливали небольшую елочку. На елку вешали игрушки в виде овощей и фруктов, вырезанные из тисненого картона. Были и провололочные гирлянды с незатейливыми флажками из цветной бумаги, и самодельные фигурки из крашеной прессованной ваты. А вот устраивать на работе праздничные застолья в то время не разрешалось. Благодаря постоянным клиенткам, официанткам ресторана «Дніпро» на Верхнем валу, у нас была возможность (и мы ею пользовались) отмечать в этом ресторане праздники и юбилеи, однако именно Новый год считался исключительно семейным праздником.

После отмены в 1947 году карточной системы в свободной продаже появились продукты. Прилавки продуктовых магазинов были завалены консервами из крабов. На Новый год мама приготовила свой фирменный салат «Оливье», в котором вместо колбасы были крабы. На праздник покупали красную икру, ленинградские шпроты, селедку... А картошку, сало и домашнюю колбасу привозили из села. Пили водку, т. к. виноделие было еще в стадии восстановления. Новогодние тосты были таковы: «За мир, за Победу!», «Пусть наши дети никогда не услышат свиста пуль и разрывов снарядов!» А затем все пели хором любимые застольные песни тех лет, в которых все же преобладала фронтовая тематика. Тогда слезы появлялись на глазах и женщин, и мужчин – и они этого не стеснялись.

Однажды на «Евбазе»

Думаю, что нынешнее поколение киевлян даже не слышало такого слова. А ведь после закрытия этого огромного толкучего рынка на месте современной площади Победы многие еще долго, направляясь в местный универмаг, твердили своим родным: «Я пошел на «Евбаз!»

В этой местности еще в 1860 году стихийно возник рынок вещей. Долгое время здесь была окраина Киева, где начиналось Житомирское шоссе. Затем шоссе переименовали в Брест-Литовское, а ныне это проспект Победы. В районе нынешнего Воздухофлотского моста находились исторические Триумфальные ворота – старинный въезд в город. А за воротами в Святошинском направлении начинались загородные хутора. По Житомирскому шоссе в Киев прибывали гости с запада и привозилось множество товаров, часть которых и оседала на этом рынке.

«Евбаз» – это Еврейский базар! Из-за существования в то далекое время черты оседлости еврейского населения евреям Киева разрешили здесь, в одном из мест их компактного проживания, оборудовать специальное место для торговли. Рынок, прозванный в народе Еврейским базаром, сразу стал популярным у киевлян. Цены здесь были более доступными, чем в центральной части города. Местечковое еврейство очень быстро образовало здесь своеобразное «гетто». Властям пришлось даже для «благочинности» в 1867 году построить рядом с торговыми точками православную Иоанно-Златоустовскую металлическую церковь. Из металла предложил ее сделать министр внутренних дел Петр Валуев, и никто не решился ему в этом перечить, хотя кирпича в Киеве вполне хватало. Шутники с «Евбазы» по-своему истолковывали такой необычный выбор материала: чтобы не сгорела или крысы не сгрызли. И действительно: церковь выстояла после пожара в апреле 1884 года. Не пережила она только большевизма. В 1934 году, после перевода столицы Украинской ССР из Харькова в Киев, этот храм успешно уничтожили «в связи с устройством на площади трамвайных путей».

В период оккупации города немецко-фашистскими войсками «Евбаз» перестал быть еврейским, но торговля по-прежнему продолжалась. Купить здесь можно было и еду, и одежду. Временами рынок становился местом облав для отправки в Германию дармовой рабочей силы. При отступлении из Киева немцы ограбили рынок и попытались его поджечь, но безуспешно.

Интересно, что в день освобождения Киева, 6 ноября 1943 года, на «Евбаз» в открытом авто прибыл Хрущев в сопровождении Бажана и Яновского. Здесь он выступил на импровизированном митинге. Буквально на следующий день на рынке возобновилась торговля.

В послевоенное голодное время «Евбаз» позволял киевлянам выжить! Здесь всегда можно было подзаработать или обменять вещи на продукты. Удивительно, что даже в тяжелые времена люди шли сюда, как на праздник: кто-то играл на гармошке, кто-то шутил и рассказывал последние новости, а кто-то приходил за общением.

▲ «Евбаз». 1940-е гг.

Одежду киевлянам в то время выдавали по карточкам или распределяли по предприятиям. Однажды мой отец принес с работы «американскую помощь»: красивое детское зимнее пальто с меховым воротником. Несмотря на то что на мою старшую сестру Люду оно было несколько великовато, она все равно с удовольствием его носила. Жили мы в то время на улице Саксаганского в доме № 66, в трех кварталах от «Евбазы». В холодный весенний день Люда, которой не было еще и пяти лет, побежала вслед за двумя старшими девочками на рынок. Там, как обычно, было столпотворение, Люда затерялась и расплакалась. К ней подошла незнакомая женщина, успокоила ее и повела в сторону Лукьяновки. Пройдя по нынешней улице Дмитриевской несколько кварталов, они свернули во двор, а затем в подъезд двухэтажного деревянного дома. В подъезде женщина сняла с Людочки пальто и ушла. Моя сестра осталась в одном платьице в холодном подъезде. Конечно, ребенок заплакал. Через некоторое время открылась дверь одной из квартир, и оттуда выглянула женщина, похожая на цыганку. «Девочка! Почему ты здесь одна? Ну что же с тобой делать? Ладно проходи, будешь жить с нами...» Замерзшая Людочка зашла с женщиной в квартиру, а там за огромным столом сидели пятеро ее детей и ели картошку. Сестра села за стол и тоже стала есть картошку. А в это время на Саксаганского родители обнаружили пропажу дочки. Вернувшись домой девочки рассказали, что Люда потерялась на «Евбазе». Папа бросился на базар. Он долго ходил среди народа и спрашивал: «Не видели девочку в синем пальто?» Но никто ничего не видел...

День приближался к концу. Уставший папа шел мимо опустевших прилавков и вдруг услышал разговор двух мужчин: «Прихожу домой пообедать, а жена показывает мне на незнакомую девочку и говорит, что она останется жить с нами». — «А что ты?» — «Согласился. Где пять детей, пусть живет и шестая...» Папа подбежал к этому мужчине и закричал: «У меня пропала дочка, это, наверное, она!» Так он оказался в той квартире на Дмитриевской и нашел Людочку. Жена хозяина дала какую-то тряпку, в нее завернули девочку, чтобы не замерзла, и отец принес ее домой на Саксаганского. Все так обрадовались, что даже и не вспоминали и не переживали об украденном пальто. Вскоре после Людочкиного счастливого возвращения домой киевские власти закрыли «Евбаз» в связи с реконструкцией площади. Торговлю вещами перенесли на Владимирский рынок, а продуктами — на улицу Пестеля, где рынок называли Новым. Очевидцы помнят, как тысячи крыс разбегались с «Евбазы», преимущественно в сторону улицы Воровского, когда начали ломать рундуки и лавочки. Древесину день и ночь вывозили грузовыми трамваями. Площадь опустела. На месте торжища появился скверик без единого деревца с реденькой травкой и утрамбованными грунтовыми дорожками, с клумбой посередине.

В 1952 году Галицкую площадь, где находился Еврейский базар, переименовали в площадь Победы. Киевские евреи шутили, что это в честь победы Израиля в войне на Ближнем Востоке. Затем с площади убрали трамвайную линию, по которой трамваи шли с Дмитриевской на Саксаганского. А в 1960 году на месте клумбы соорудили стационарное здание нового киевского цирка на 2000 мест, одного из крупнейших в Европе. Но торговля на площади Победы не прекратилась. Вокруг нее открылось большое количество комиссионных магазинов, которые в первое время торговали исключительно импортными вещами. Это были фарфоровые статуэтки, мелкие вазочки, фаянсовая посуда, мельхиоровые приборы, музыкальные инструменты, одежда, обувь... Попадались и антиквариат, однако ни продавцы, ни покупатели поначалу не догадывались об этом.

Город мертвых

Щекавица — пожалуй, самая загадочная и таинственная гора Киева, и до сих пор мало изученная. На каждый участок этой горы найдется множество всевозможных историй, легенд, преданий и реальных событий, в некоторые из которых трудно поверить...

«Город мертвых» — вот титул, который заслужила эта гора, представляющая собой сплошное кладбище, где похоронные процессии велись с летописных времен. Как сообщает «Повесть временных лет», здесь в 912 году был похоронен киевский князь Олег.

Помнит гора и опустошительное татаро-монгольское нашествие 1240 года, в результате которого более 200 лет в городе не было киевских святителей. Во время

проведения земляных работ был обнаружен склеп с четырьмястами человеческими скелетами – результат опустошения этой местности Менгли-Гиреем.

Потом опустевшую гору облюбовали земледельцы: на плоской ее части выращивали хлеб, на склонах – виноград.

«Городом мертвых» Щекавицу называют и потому, что захоронения тут идут в три «этажа», ведь долгое время это было главное киевское кладбище. По православным традициям самоубийц не отпевают в церквях, хоронят за оградой кладбищ и без крестов. Для этих целей на склонах горы специально сооружались насыпные террасы («галереи»). Эти террасы можно увидеть и сегодня.

Следует отметить, что внутри горы имеется много доисторической зеленой глины, чем объясняется долговечность Щекавицы.

Мое детство прошло у подножья этой горы в Цимлянском переулке. Хорошо помню как мы, мальчишки, забираясь на гору, видели темные входы в пещеры. Часть входов была замурована, а другие уходили вглубь горы. Но мы боялись далеко туда заходить.

В 50-х годах прошлого века киевский кожевенный завод задумал построить на Щекавице два трехэтажных жилых дома. При устройстве фундамента было обнаружено захоронение из более тысячи почерневших черепов. Строительство было прекращено.

Пугающая гора. Но аура этой местности во все времена манила сюда талантливых людей. Между заброшенных надгробий по узким кладбищенским тропам здесь любили гулять Паустовский, Булгаков, Врубель... Долго бродил по Щекавице и Пушкин, который пытался найти здесь могилу Олега.

Более полувека прожила в доме на одной из насыпных галерей Щекавицы матушка Анна. Когда-то она работала переводчицей, модно одевалась, вела жизнь, полную развлечений. Но однажды резко поменяла свои жизненные ценности и пришла к Богу. Живя на галерее, где были похоронены самоубийцы, она общалась с их душами, мечущимися между небом и землей, и молила Бога дать им успокоение. Власти предлагали ей переехать в комфортабельную квартиру, однако она отказалась и осталась жить в своем ветхом домике без отопления и воды. И сейчас на место, где жила матушка Анна, приходят люди, чтобы помолиться.

С детских лет я знал матушку Анну. Чудеса, говорила она детям, считаются проявлением божественной силы. Если человек не верит в чудо, он не верит и в самого Господа Бога. Следовательно, он сторонник дьявола. Рассказы о чуде привлекают высшие силы, а потому отгоняют нечисть. Матушка Анна рассказывала нам о деяниях Христа, о победе Георгия Победоносца над змием, о чудотворных иконах и о чудесах, которые творили святые-отшельники. Она подарила нам нательные крестики, которые мы надевали под пионерские галстуки.

Неузнаваемо изменились сегодня эти исторические места, свидетели татарских набегов. Вместо старых домов со ставнями и почерневшими заборами выросли шикарные особняки с постами охраны и видеокамерами. Красиво, но эти дома безвозвратно изменили облик Щекавицы.

Хрущевский рай

События начала XX века привели к тому, что жилищная проблема стала крайне актуальной. Вот тут-то и пригодились изыскания нового направления в архитектуре – лаконизм форм, отсутствие украшений, многофункциональность... В 1909 году один из лидеров архитектурных новаций Вальтер Гропиус впервые предложил строительство серии домов на основе набора типизированных элементов. Это предполагало решение двух главных проблем. Во-первых, жилье должно было быть дешевым, но не в ущерб требованиям гигиены и эстетики. Во-вторых, выгодным для производителя, а изготовление серийных домов можно было поставить на поток. Требовалась максимальная производительность при минимальных затратах.

В СССР архитектор и изобретатель Андрей Буров начал эксперименты с применением в строительстве крупных панелей в 1948 году. Он мечтал о новых зданиях из готовых блоков, предполагая, что красота однообразия затмит разнообразие уродств индивидуального строительства. Однако, посетив Францию и воочию увидев там такие дома с квартирами-клетушками, Буров разочаровался. Он назвал их убогим апогеем нищеты на базе высоких технологий. Но вот во Францию прибыл тогдашний руководитель Советского Союза Никита Хрущев. В рабочем районе он впервые увидел дома – прародители советских хрущевок, был восхищен ими и немедленно купил технологию для производства панелей. И панельные пятиэтажки, как грибы, стали вырастать по всей стране.

Конечно, многие архитекторы, работавшие в стиле классицизма, испытали настоящий ужас при виде хрущевок. Ведь архитектура как таковая здесь отсутствовала. Но генсек считал, что безнравственно возводить красивые здания, когда советский народ живет в мокрых и холодных бараках, в подвалах и перенаселенных коммунальных квартирах. Кроме того, было подсчитано, что экономия средств при строительстве типового жилья составляла 30 % по сравнению с индивидуальным.

Хрущевки спровоцировали небывалый скачок в развитии отечественной строительной индустрии. Рядом с кирпичными заводами создавались комбинаты по производству панелей и перекрытий.

В городах появились новые микрорайоны вдали от промышленных зон, воздух здесь был чище. Рядом открывались детские сады, школы, магазины, во дворах сажали деревья, строили детские площадки... Первая киевская хрущевка находится по адресу: бульвар Дружбы народов, 2. Впрочем, в Киеве хрущевки строились не только компактно на новых жилых массивах, но и стали вклиниваться в исторические центральные районы города. В бывшей зеленой зоне или на месте разрушенного аварийного дома, между старинными красивыми зданиями, вдруг оказывалась блочная пятиэтажка с плоской крышей! К сожалению, это было типично для 60-70-х годов прошлого века.

К чему привела экономия конструктивных элементов зданий? В безчердачных хрущевках в летнее время крыша накалялась от солнца, а в непогоду протекала. Кухни были настолько малы, что даже семья из трех человек питалась по очереди.

▲ Хрущевки на площади Космонавтов. 1960-е гг.

Не нравилась жильцам и ванная, объединенная с туалетом, и низкие, в отличие от сталинских домов, потолки. Вспоминается анекдот тех времен: «Хрущев соединил ванную с туалетом, но не успел соединить пол с потолком». Что говорить, для некоторых и проход из коридора в кухню был узковат! Одна моя знакомая семья хотела обучить ребенка игре на пианино, однако внести этот инструмент на четвертый этаж оказалось невозможно. Пришлось ребенку играть на скрипке.

Традиционные мебельные гарнитуры не помещались в комнатах. В моду вошла секционная и трансформируемая мебель. Секретер превратился в рабочий стол, буфет уступил место серванту с раздвижными дверцами, раздвижные кресла-кровати использовались вместо диванов. Приходилось ухищряться: ломали коридорные перегородки, снимали с петель внутренние двери, проходную комнату квартиры отделяли от другой комнаты перегородкой с дверьми. На балконах хранили бочки с огурцами и сушили белье.

Стены были без обоев, их красили, а потом с помощью трафаретов валик с готовым рисунком выводили на них виньетки.

Как вы думаете, почему хрущевки были пятиэтажными? Оказывается, для шестизэтажек по строительным правилам уже полагался лифт, а на нем тоже решили сэкономить. И все же эти скромные дома помогли стране решить жилищную проблему.

Сегодняшние киевские хрущевки скромно прячутся в тени выросших деревьев, посаженных полвека назад переехавшими сюда ветеранами-фронтовиками. Эти новоселы жили небогато, но дружно и с твердой верой в светлое будущее. Маль-

чишки 60-х мечтали быть не олигархами, а космонавтами, а девочки не думали о том, как выйти замуж за иностранца. За стенами этих домов громко звучали лозунги, но в своих маленьких кухоньках народ уже начинал говорить на другие темы, петь другие песни и читать другие стихи... Это были шестидесятники – поколение физиков-лириков, пропахших дымом костра, с неременной гитарой наперевес.

Первомай в Киеве

Знаете ли вы, как встречали Первомай лет пятьдесят тому назад?

Замечено, что все тоталитарные режимы любят праздники. Первого мая петь, плясать и пить должна была вся страна. Отметим, что создавать праздничную атмосферу властям удавалось успешно. Это и предпраздничные вахты, и похорошевший город, и принаряженные заводы, и правительственные концерты... В эпоху развитого социализма первомайские демонстрации были обязательным мероприятием. Праздничные демонстрации показывали по всем телеканалам.

Все предприятия обязаны были организовать праздничные колонны трудящихся с установленным количеством людей. За месяц до 1 мая каждый цех подавал в заводской партийный комитет проект проведения праздничной демонстрации (фамилии участников, тексты лозунгов, элементы оформления колонны и т. д.). Заводской комитет профсоюзов выделял для этих целей средства. За две недели до демонстрации партком на своем заседании утверждал эти проекты, при этом указывая на недоработки и ошибки. Устанавливалось место сбора праздничной колонны и порядок ее передвижения по улицам Киева до центральной магистрали – Крещатика. Народу разрешалось поднять настроение, пропустив пару рюмок. Однако при этом, учитывая прохождение людей мимо правительственной трибуны, необходимо было иметь пристойный вид. За соблюдение порядка следили правофланговые и левофланговые, которые также не допускали попадания в колонну посторонних лиц.

В 1977 году в центре Киева на месте нынешнего монумента Независимости был открыт монумент Великой Октябрьской социалистической революции. Теперь военные парады и праздничные демонстрации на Крещатике сменили направление своего движения: если раньше шествия направлялись к Бессарабке, то теперь – от нее к площади Ленинского комсомола (ныне Европейская площадь). Киевляне шутили: «60 лет шли в одном направлении, а оно оказалось неверным!» Существовала и еще одна народная версия смены направления движения. После длительного шествия (от места сбора до Крещатика), учитывая принятие горячительных напитков, народу необходимо было облегчить мочевые пузыри. И вот тут возникали проблемы: в конце Крещатика был только один небольшой туалет в парке Шевченко. А вот когда народ пошел по направлению к склонам Днепра, эти проблемы отпали сами собой.

▲ Монумент в честь Октябрьской Революции на одноименной площади (сейчас - Майдан Независимости). Май 1985 г.

26 апреля 1986 года, за 5 дней до 1 мая, на Чернобыльской АЭС произошла одна из крупнейших в мире техногенных катастроф. Но несмотря на явную угрозу для здоровья киевлян, первомайская демонстрация 1986 года отменена не была – из-за опасения возникновения паники в столице Украины.

«С войной покончили мы счеты...»

Киевлянке Нине Аврамовне Замковой, участнице боевых действий, инвалиду Великой Отечественной войны I группы, не было еще и 19 лет, когда в 1941 году она добровольно пошла на фронт.

– Даже за день до начала войны мы не подозревали, что так внезапно закончится счастливое время нашей молодости, – вспоминает сегодня Нина Аврамовна.

Будучи студенткой второго курса биологического факультета Киевского госуниверситета им. Т. Г. Шевченко, она заканчивала практику вблизи Канева. – Утром 22 июня с подругами мы шли купаться на Днепр. Было солнечно, в ушах звенело от птичьих голосов. Мы смеялись и пели песни, пока нас не отрезвила жестким окриком идущая навстречу женщина-почтальон: «Девчата, вы что смеетесь? Киев бомбили! Началась война!»

В то время еще не было развитой радиосвязи, новости передавались из уст в уста. Я сразу же решила возвращаться домой. Руководитель практики сначала не позволял, но зная, что в марте у меня умерла мать, сжалился и отпустил. Киев встретил регулярными бомбежками. В основном немецкие самолеты атаковали крупные предприятия, аэродромы, вокзалы и другие промышленные объекты. Наши зенитки вели по самолетам ответный огонь. Во время налетов население укрывалось в подвалах, погребах, бомбоубежищах. После крупных взрывов на большие расстояния разлетались осколки снарядов, куски арматуры, рельсы, кирпичи...

Возвратившись в Киев, Нина сразу обратилась в Подольский райвоенкомат. Она была маленькой и щупленькой девочкой. Офицер посмотрел на нее и спросил:

- Девочка, что тебе надо?
- Хочу на фронт. Я медсестра. (При университете она окончила курсы медсестер.)
- Не мешай работать, иди домой, – ответил военный.

На следующий день она снова пришла в военкомат, и ей снова отказали. Тогда Нина пошла в речфлот и нашла судно, на котором формировался коллектив медперсонала, но оказалось, что туда брали только по направлению из военкомата. И вот в третий раз Нина пошла в военкомат, где ей наконец удалось получить направление на санитарно-транспортное судно. На этом замаскированном пароходе стали вывозить из Киева раненых бойцов.

Так началась ее военная служба. Раненые поступали непрерывно. Однажды немцы подбили судно. Поступила команда покинуть его, но Нина не умела плавать. Тогда моряк из экипажа снял с себя спасательный пояс и отдал ей. В воду они бросились вместе. Вот тогда девушка впервые ощутила, что такое военное братство. Затем был фронтовой эвакогоспиталь и четыре долгих года войны. В 1943 году Нина была ранена. И в том же году ей было присвоено звание младшего лейтенанта медицинской службы.

Победу Нина Аврамовна встретила в Берлине. Фронтовой корреспондент Т. Мельник сфотографировал Н. А. Замкову с группой боевых товарищей на фоне поверженного Рейхстага.

Н. А. Замкова

Ходил ли трамвай в больницу Павлова?

Недавно разговаривал с соседкой по подъезду. Свое детство она провела на территории киевской психоневрологической больницы имени академика И. Павлова (бывшая Кирилловская больница). Ее родители были врачами, а в послевоенное время жилья катастрофически не хватало. Люди нередко жили на территории тех предприятий, где и работали. Это было так называемое ведомственное жилье. Пустующие на территориях предприятий помещения были переоборудованы под общежития. Минимум удобств, зато крыша над головой! А неприязнительность в быту считалась при социализме общепринятой нормой.

Моя соседка прекрасно помнит, как, будучи еще девочкой, наблюдала в конце 40-х годов демонтаж трамвайных линий на территории больницы. Причем конечная остановка (трамвайная стрелка) была на месте нынешнего расположения памятника академику Павлову.

Меня удивило то, что трамвай поднимался вверх по крутому спуску от бывшей Кирилловской площади (сейчас здесь стадион «Спартак») до больницы, расположенной высоко на горе. Ведь до того ни омнибус, ни конка, ни локомотив не смогли работать в городе, расположенном на холмах, и работающий на электрической тяге трамвай единственный выдержал испытание киевским рельефом.

В прошлом веке киевские трамваи успешно поднимались и спускались по таким крутым улицам, как Круглоуниверситетская, Малая Житомирская, Прорезная, Воровского, Толстого. Удивительно и движение трамваев с Лукьяновки на Куреневку по изрезанной оврагами местности, прозванной за свою красоту «киевской Швейцарией». Оборудованы первые трамваи были так называемыми воздушными тормозами. Они срабатывали от действия сжатого воздуха, при этом чугунные колодки механически крепко прихватывали колеса. Кроме того, тогда внимательно следили за техническим состоянием трамваев. Поэтому крупных аварий на крутых киевских спусках не случалось.

Однако еще большее любопытство у меня вызвал вопрос: неужели тогдашние киевские власти так заботились о комфортабельной доставке больных людей к больнице, расположенной на горе?

Передо мной книга, изданная Киевским трамвайным трестом в 1933 году и посвященная сорокалетию киевского трамвая. В таблице маршрутов за 1913 год читаем: «Лукьяновская линия, маршрут № 18: Церковь Феодора – Кирилловская больница». Однако в приложенной карте-схеме маршрутов видно, что трамвайная линия, минуя больницу, направлена от Врублевского спуска до Кирилловской площади. Выяснилось следующее... В 1916 году, в период наступления Юго-Западного фронта, вошедшего в историю как Брусиловский прорыв, количество больных и раненых достигло 15 тысяч человек. В Киеве стали открываться госпитали. Один из таких госпиталей функционировал в Кирилловской больнице, ведь война способствовала и увеличению роста психических расстройств. Вот тогда и было решено доставлять раненых трамваем непосредственно в Кирилловский госпиталь

от железнодорожной станции. С этой целью было проложено дополнительное ответвление от Лукьяновской трамвайной линии вверх до Кирилловской больницы. Трамвай был тогдашним вседорожником.

Первая мировая война закончилась, и трамвай перестал возить раненых вверх к больнице. Однако трамвайные линии простояли до конца 40-х годов. Со временем они стали доставлять неудобства и даже опасность: по рельсам скользили подводы и автомашины. В конце концов рельсы демонтировали.

Современное здание у старого завода Рихтера

В энциклопедическом справочнике «Киев» 1982 года читаем, что на улице Фрунзе, 39 расположена фабрика художественной галантереи. Сегодня этой фабрики уже нет, а в здании находятся коммерческие организации.

А в 1967 году здание фабрики повергло в шок ценителей и защитников киевской старины. Ведь построенное на месте разрушенного подсобного помещения бывшего пивоваренного завода семьи Рихтеров, это современное строение нарушило гармонию здешних памятников индустриального развития города.

Эта киевская территория в свое время была собственностью Кирилловского монастыря и использовалась в XVIII веке для кирпичного и винокуренного производств. В период 1889–1894 гг. расположенную здесь недвижимость площадью около шести гектаров приобрел купец первой гильдии Михаил Рихтер. С помощью известных киевских архитекторов В. Николаева и М. Казанского он создал здесь в начале XX века удивительно красивую промышленную застройку, в которую до 90-х годов прошлого века входили кирпичный завод, завод солодовых концентратов и пивзавод. Что касается первых двух, то сегодня это полуразрушенные помещения, не один год ждущие своего хозяина. Интересно, что здесь сохранилась самая старая киевская кирпичная труба, на которой можно разглядеть дату: 1895. Экскурсоводы любят ее показывать гостям столицы.

Но думается, что это был один из немногих случаев, когда строительство безликого здания можно считать морально оправданным. После окончания Великой Отечественной войны население Киева увеличилось более чем в 2 раза. Это были и возвратившиеся домой из эвакуации киевляне, и демобилизованные с фронта, и десятки тысяч людей, прибывших со всех концов страны на восстановительные работы и осевших потом в городе. Процветало нищенство, однако среди задержанных правоохранительными органами 70 % составляли инвалиды войны и труда. Необходимо было решать проблему занятости людей, которые по состоянию здоровья не могли полноценно трудиться на промышленных предприятиях. Ведь по советским понятиям неработающий человек – это тунеядец, враг.

Инвалидам предложили устраиваться на работу в мелкие артели и кустарные мастерские. Ассортимент производимых ими товаров был широк: коробки, конверты, сетки, авоськи, сувениры, носовые платки, искусственные цветы, вышиванки,

игрушки, стелки и даже похоронные венки. Все бы ничего, да была следующая проблема. Все 27 точек, в которых работали инвалиды (около 1500 человек) оказались, мягко говоря, мало приспособленными для пребывания людей. Это были в большинстве своем холодные и сырые подвалы с удушливыми запахами из протекающих канализационных труб или старые облупленные бараки, которые могли в любой момент развалиться.

Благодаря усилиям Антонины Андреевны Запорожец, руководившей объединением инвалидов, министерство местной промышленности выделило средства для создания проекта и последующего строительства по улице Фрунзе, 39 фабрики художественной галантереи. Она открылась в 1967 году. Было завезено новое оборудование, расширился ассортимент выпускаемой продукции. Имелся даже свой автотранспорт. Только надомников-инвалидов, сдающих сюда свою продукцию, стало пять тысяч человек. Изделий принималось так много, что был составлен график, согласно которому товар завозили строго по часам.

Когда же страну начал наводнять импортный ширпотреб, фабрика прекратила свое существование.

Детский сад на Тарасовской

Детский сад на Тарасовской, 6-а был открыт в 1935 году в исторической киевской местности – Паньковщине.

На рубеже XIX–XX веков Киев стремительно застраивался. Красивые доходные дома появились и на этой территории, расположенной между рекой Лыбедью и Ботаническим садом имени академика А. Фомина. Сейчас Лыбедь напоминает грязный канальчик – трудно поверить, что когда-то она была полноводной рекой, принимавшей парусные суда и баржи. Здесь было и великолепное место отдыха киевлян. В начале XX века Паньковщина стала фешенебельным районом с магазинами и доходными домами. Двухэтажный дом на Тарасовской, 6-а – это чудом сохранившееся одно из зданий бывшей усадьбы известного политика М. Грушевского, первого президента Украинской Народной Республики и автора книги «История Украины-Руси». Сегодня рядом с садиком находится красивый восстановленный музей Грушевского.

В первые послевоенные годы детских садиков не хватало. С целью освободить места в детсадах обучение в школе стали начинать с более раннего возраста – с семи лет. Однако после войны резко выросло население города и увеличилась рождаемость. Предприятия стали строить свои ведомственные детские сады, но и это не решало проблемы свободных мест. Садики были переполнены, дети спали на сдвинутых стульях и, как ни старались воспитатели, часто болели.

В начале 50-х наша семья жила на улице Саксаганского, 66. Перед работой мама заводила меня в детский сад на Тарасовской, в то время главный вход был через арку рядом с пожарной охраной. Из-за проблем с жильем почти все работники детсада жили на его территории в одноэтажной пристройке к бойлерной. Дети

- ▲ Детский сад на Тарасовской улице. Современное фото
- ▼ Стадион «Спартак» и Кирилловская церковь

одевались простенько, в то, что перешивали для них родители. Запомнилось, что кормили нас очень хорошо и всегда давали добавку тем, кто просил. На прогулки выводили в ботанический сад через арку со стороны улицы Тарасовской (эту старинную арку можно увидеть и сейчас). Вход в сад был бесплатным, и не было никаких существующих ныне ограждений. Весной и летом его поляны были похожи на огромные цветущие ковры со снующими стрекозами, жужжащими шмелями и цикадами. Здесь ослабленные после войны киевские дети дышали насыщенным запахом трав воздухом.

Удивительным было то время. Родители не ограничивали своих детей в количестве съеденных пирожков или пирожных. Но дети не толстели, потому что не было телевизоров и компьютеров, а только улица и двор, где они носились с утра до вечера! Игрушек было мало, зато развивалась фантазия. Из стульев составляли поезда, из прицепов – трамваи. А какие изумительные творения мы делали из обычного пластилина!

Взрослые рассказывали интересные истории и сказки. Мы узнавали о наших традициях и ценностях. В то время были крепкие родовые кланы, которые сообща противостояли всем жизненным невзгодам. С ранних лет детей учили уважению к старшим и необходимости помогать тем, кто нуждается в помощи. Сегодня часто в общественном транспорте можно наблюдать, как молодежь даже и не думает уступать место стоящему рядом пожилому человеку. А в то время таких случаев просто не могло быть – так мы были воспитаны! Вспоминаю, как мы, дети старшей группы, спускались этажом ниже в «малышевку» и помогали одевать детвору, завязывать им шнурки на ботинках. Послевоенные дети рано взрослели, им приходилось решать отнюдь не детские проблемы. Они не понаслышке знали, что такое огромные очереди за самым простым и необходимым – хлебом, сахаром, молоком...

Побывал недавно в своем бывшем детском саду. Удивился – какой он маленький, всего четыре группы. А в детстве он казался мне таким большим. Сегодня детским садом № 118 руководит замечательная женщина-педагог Раиса Дмитриевна Пелых. И сегодня в мой родной детский сад дети ходят с удовольствием, и думаю, никогда его не забудут.

Стадион «Спартак»

Строительство стадиона «Спартак» было предопределено двумя историческими событиями: решением XII съезда Коммунистической партии Украины о переносе в 1934 году столицы Советской Украины из Харькова в Киев и образованием в СССР добровольного физкультурного общества «Спартак».

Перенос столицы потребовал расширения административного и жилищного строительства. И в том числе – новых стадионов. Стадионов в городе было крайне мало, да и они не соответствовали стандартам. В 1934 году началось строительство стадиона «Динамо», а через три года – Республиканского стадиона.

А что касается общества «Спартак»... До 1935 года в СССР было два спортивных ведомства: армейское и МВД. Возникшие еще в 1925–1926 гг. при артелях промышленной кооперации физкультурные кружки были многочисленными, но разрозненными. В начале 1935 года родилась идея организовать новое физкультурное общество, задачей которого было бы объединение спортсменов-производственников (о профессиональном спорте в то время еще не было и речи). Так в апреле того же года появилось общество «Спартак». Предлагались различные варианты названия: «Вперед», «Звезда», «Сокол», «Маяк»... И все не то. Однажды известный спортивный руководитель Старостин увидел у себя дома на столе книгу Джованьоли «Спартак» – и понял, что именно это имя отражает лучшие качества атлета и гражданина. Предложение Старостина понравилось всем.

Среди основных целей и задач общества, отраженных в его Уставе, было развитие интернационального воспитания на основе учения Ленина – Сталина, подготовка трудящихся к овладению комплексом «Готов к труду и обороне» и т. д. Была поставлена задача побить буржуазные спортивные рекорды.

Вот таким образом небольшой стадион на Куреневке получил громкое название «Спартак».

Ради улучшения облика новой столицы УССР велось обустройство так называемого зеленого пояса на окраинах города. Одна из ветвей этого пояса и пришлось на территорию, примыкающую к подножью Кирилловских высот. На месте заросших сорняками пустырей, одиноких хат, огородов и мест выпаса коз был заложен парк, неотъемлемой частью которого и стал наш стадион.

Сегодня от этого парка осталась небольшая часть зеленой зоны, примыкающая к Подольскому спуску. А в те далекие времена в парке даже была танцплощадка, где по вечерам собиралось много киевлян.

Стадион же тогда представлял собой футбольное поле, вокруг которого было несколько деревянных строений: раздевалка и склад инвентаря. И только после войны он постепенно стал походить на современные спортивные сооружения. Появились трибуны для зрителей. У входа посетителей стадиона встречал железобетонный памятник Сталину. Впрочем, вскоре после памятного XX съезда партии памятник был демонтирован. И конечно, по традиции на стадионе были установлены четыре гипсовых фигуры советских спортсменов. Одной из скульптур была, как вы, наверное, догадались, «Женщина с веслом». Для тысяч киевлян новый стадион стал доступным и любимым местом для занятий спортом.

В первые послевоенные годы директором «Спартака» был замечательный человек и воспитатель Н. П. Бобков. Среди футбольных тренеров были знаменитые в то время спортсмены: Мельниченко, Лерман, Фоминых... На стадионе были построены новый стрелковый тир, площадки для волейбола, баскетбола, тенниса... Соревнования и, соответственно, тренировки проходили для трех возрастных групп: взрослые, юноши и дети. Посещаемость стадиона была огромной. Он не пустовал ни летом, ни зимой. В зимнее время футбольное поле превращалось в прекрасный каток, а на малых площадках разыгрывались хоккейные баталии. Одно время киевский «Спартак» даже выступал в первенстве СССР по хоккею в классе «Б».

Здесь же родилась знаменитая женская гандбольная команда «Спартак» под руководством замечательного тренера И. Е. Турчина.

Помнит стадион «Спартак» и скорбный понедельник 13 марта 1961 года, когда была прорвана дамба Бабьего Яра, и огромный поток грязевой лавы залил эту местность.

В 1979 году на стадионе была проведена реконструкция. Наступил 1980-й – период расцвета стадиона, ведь на нем проходили регбийные матчи московской Олимпиады-80.

Сегодня «Спартак» – красивый и уютный спортивный комплекс на киевской Куреневке. Здесь много спортивных секций, отличное регбийное поле, бассейн... Но он все равно требует ремонта, особенно трибуны. И тогда стадион может стать отличной тренировочной базой для предстоящего футбольного Евро-2012.

Блошинные рынки

После войны

Послевоенные киевские барахолки можно смело назвать уникальным явлением. Жизнь там бурлила, и ее изнанка с неистовой борьбой за существование была обнажена до предела.

До 1947 года и одежду, и еду киевлянам выдавали по карточкам или распределяли по предприятиям. Огромные очереди с ночи скапливались у продовольственных магазинов, в которых по таким карточкам выдавалось строго лимитированное количество самых необходимых продуктов питания: хлеба, сахара, круп, муки... Одежду и обувь чинили, штопали, перелицовывали, берегли и носили подолгу, передавая следующему поколению.

Барахолками стали называть рынки, где можно было купить или обменять бывшие в употреблении вещи на еду. Посуду, сантехнику, запчасти, инструменты, книги, картины в то время просто негде было купить, кроме как на барахолке. Чаще всего этот товар продавался прямо с рук. А иногда на булыжники стелили ветхие тряпки, на которых и раскладывали свое добро.

Сразу после войны крупнейшим блошиным рынком стал киевский Еврейский базар (Евбаз), который располагался на месте нынешней площади Победы. После его закрытия барахолки были в районе Владимирского рынка, на Сталинке (район нынешнего центрального автовокзала), на Бессарабке... Старожилы вспоминают, что при Сталине на толкучках милиция жестко следила, чтобы приобретенный товар не перепродавался по более высокой цене. Спекулянтов арестовывали.

На эти небогатые базары народ приходил, как на праздник. Фронтовики играли на трофейных аккордеонах, можно было встретить знакомых, пообщаться. И забывалось горе, и у людей теплели взгляды...

Сенной и другие

К середине 50-х благосостояние советских людей медленно, но все-таки начало улучшаться. Народ стал отдыхать на море, ездить по стране. Расширился круг интересов и возможности для отдыха и занятий по душе. Люди стали получать собственное жилье, а это потребовало покупок новых вещей. Однако промышленность еще не готова была удовлетворить эти запросы. И мы снова отправлялись на толкучки, однако уже, слава Богу, не с целью простого выживания.

В 2005 году, к величайшему сожалению киевлян, был снесен возникший еще в XIX веке Сенной базар. На Сенном продавалось буквально все. На бетонных и каменных ступеньках, ограждениях, а то и прямо на земле соседствовали вещи совершенно несовместимые: старая обувь, дверные замки, открытки, игрушки, поношенные брюки и пиджаки, чай, лекарства, пустые флаконы от духов, газеты и т.д. Здесь многим удавалось создать себе небанальный образ и стиль, подобрав уникальные вещи. И стоило все это совсем небольших денег.

▲ Крытый Сенной рынок (тыльная сторона)

В 1960–1970 гг. огромная толкучка функционировала в районе Новобеличей. Тысячи киевлян направлялись сюда в выходные дни. Добирались на специальных маршрутных автобусах, электричках, а то и своим ходом от конечной трамвая в Святошине. Купив за 30 копеек входной билет, они попадали на огражденную высоким деревянным забором территорию толкучки. В основном шла продажа и перепродажа зарубежного ширпотреба (джинсы, батники, косметика, зонтики, туфли и т. д.). Рынок закрыли внезапно, под предлогом борьбы со спекуляцией. Думается, власти просто испугались такого скопления народных масс. А все из-за провальной работы отечественной легкой промышленности.

Толкучки 90-х на рынке «Юность» и около Центрального стадиона – это уже совсем другая история. Лишившись в то смутное время работы, молодые люди обо-его пола, так называемые «челноки», стали привозить товар из Турции, Польши, Прибалтики и других стран с целью прокормить свои семьи.

Куреневский рынок – машина времени

Сегодня в Киеве функционирует барахолка в районе Куреневского рынка. Она дает возможность небогатым людям приобрести товар, который в магазинах им просто не по карману. А многим немолодым киевлянам позволяет хоть ненадолго вернуться к своему прошлому. Увидеть забытые вещи, пообщаться с подобными себе людьми, удовлетворить тоску по молодости и по другой жизни.

Ветряные горы могли стать Ленинскими

Выполняя Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О развитии жилищного строительства в СССР», принятое в 1957 году, в Киеве начали строить жилые дома по типовым проектам индустриальными методами. Размещались новостройки преимущественно крупными массивами на свободных территориях.

В Подольском районе Киева на свободной территории, примыкающей к исторической местности Приорке, в начале 60-х годов вырос жилой массив Ветряные горы на 13 тысяч жителей. Здесь построили свыше сорока пятиэтажек, где на первых этажах располагались магазины, кафе, бытовые предприятия. Благоустроили дворы. На улице Ветряные горы построили даже кинотеатр «Ветерок», но почему-то открытый. Летом зрителей кусали комары, а зимой они дрожали от холода. Впрочем, в то время, когда кино было главным развлечением людей, посещаемость «Ветерка» была достаточно большой.

Сооружены были и здания детских учреждений, в том числе крупнейшая на Подоле средняя школа № 34 по улице Межевой, 22 (ныне это гимназия «Лыбедь»). Школа торжественно открылась в 1964 году, а ее первым директором был Б. И. Кульчицкий. Почему эта местность, давшая название массиву, еще с XIX века называлась Ветряными горами? Все просто: по синоптическим признакам. На здешних просторных холмах есть где разгуляться ветрам!

Интересно, что эта территория ранее имела и другие, однако не прижившиеся названия: «Песчаные горы» из-за наличия огромного количества песка и «Западынские горы» по имени одноименной улицы.

Уже в первой половине XX века здесь была проложена улица Ветряные горы, которая сохранилась и сейчас. Были тут пески, глиняные карьеры, хаотично размещенные частные усадьбы с небольшими огородами. Как отмечал украинский писатель Семен Журахович в своем рассказе «Ветряные горы»: «Тут жили пекари, обувщики, рабочие кирпичных заводов... Это были честные и трудолюбивые люди тихой киевской окраины. Со своих гор им хорошо были видны: Киев, Днепр и бескрайние левобережные дали».

Находилось здесь и огромное Синее озеро, куда местные жители ходили купаться еще с прошлых веков. Значительно уменьшившись в размерах, Синее озеро существует и ныне, оставаясь замечательным местом для отдыха.

С гор в направлении современной улицы Вышгородской стекало множество ручейков, прозванных в народе «канавами» (на горах было множество источников). Ручьи стекали по месту современных улиц Осиповского, Галицкой, Мостицкой и других.

В 50-х годах XX века здесь находилась огромная нелегальная городская свалка. Рядом с ней был глиняный карьер, в котором завод Стройиндустрии испытывал свою новую технику.

В те же годы эти места были выбраны многими киевскими предприятиями для строительства хозяйственным способом небольших двух-трехэтажных домов для своих работников. Так появились десятки зданий, в которых поселились работни-

ки кожзавода, фабрики Смирнова-Ласточкина, заводов «Генератор», «Торгмаш», «Геофизприбор», Института сверхтвердых материалов и других предприятий киевской Куреневки.

И, наконец, с 1961 года здесь началось строительство жилого массива Ветряные горы, который стал интенсивно застраиваться типовыми блочными пятиэтажками («хрущевками»). Тысячи жителей подольских коммуналок, бараков и подвалов получили здесь отдельное жилье.

Мало кто уже помнит, что до 70-х годов главная улица массива – Межевая – от «хрущевок» в районе современного проспекта Свободы плавно переходила в ныне снесенный частный сектор и тянулась до конторы совхоза «Пуца-Водица», расположенного в районе современной улицы Белицкой. Частные дома стояли только по нечетной стороне улицы, на другой ее стороне был огромный яблочный сад совхоза «Пуца-Водица». Он был также уничтожен, а это место ныне застроено предприятиями и жилыми домами. После пересечения проспекта Правды улица превращалась в тропинку, которая ныряла в яры.

Многие жители Ветряных гор стали работать на заводе полупроводниковых приборов, построенном в начале 60-х годов на Нивках. Живущие на Ветряных горах работники завода ходили на работу пешком по Межевой.

На массиве имеются улицы Светлицкого и Осиповского. Первая из них носит имя украинского художника, киевлянина Григория Светлицкого, который создал много картин с видами Киева. А Тимофей Осиповский – украинский и российский математик, живший на рубеже XVIII–XIX веков, который работал в Киеве.

Интересно, что в первой половине XX века в деревянном домике по улице Осиповского некоторое время жила первый премьер-министр государства Израиль (1969–1974 гг.), киевлянка Голда Меир. И другие интересные и знаменитые люди жили и бывали в здешних местах. Так, в опытно-конструкторском бюро геофизического приборостроения, что и сейчас находится по улице Новозападной, в 1971 году давал концерт Владимир Высоцкий. А на улице Межевой, 18, в доме с гастрономом на первом этаже, свои последние годы прожил знаменитый киевский футболист из «золотого» состава Динамо (1966–1969 гг.) Леонид Островский.

В конце шестидесятых годов по массиву ходил упорный слух о том, что Ветряные горы собираются переименовать в Ленинские, думается, к столетию со дня рождения Ильича. Однако слухи так и остались слухами.

Луна-парк в 1959 году

Советская выставка

Шкала советских ценностей имела свой круг жанров, тем и сюжетов. Поэтому стандартно, а может быть, и немного уныло выглядело внутреннее оформление павильонов открывшейся в 1958 году Выставки достижений народного хозяйства УССР на южной окраине города.

После освобождения Киева от немецких захватчиков здесь было Красное село. Затем, в связи со строительством выставки, село было снесено, а его жители переселены в новое село Научное.

Экспозиции, показывающие достижения горняков, строителей, химиков, животноводов и работников других отраслей промышленности УССР, были выдержаны в типичном стиле советских выставок: скучающая на стуле женщина-смотритель и стандартные стенды, на которых преобладала показуха и чрезмерная политизация.

Несмотря на это, выставка, расположенная на 300 гектарах, стала излюбленным местом отдыха киевлян. Ведь здесь можно было полюбоваться красивыми павильонами, отдохнуть на природе, покататься на лодке, послушать лекции, посмотреть новые фильмы, посетить ресторан. А в зимнее время горожане приезжали сюда для лыжных прогулок.

Праздник жизни

В 1959 году на территории ВДНХ была организована чехословацкая промышленная выставка. На киевлян она произвела ошеломляющее впечатление. Им впервые открылся неведомый ранее мир дизайна.

Экспозиции и павильоны открывшейся выставки были изготовлены из легких модульно-дюралевых конструкций. Экспонаты разместились на разновеликих подиумах, кубах. В виде перегородок использовался легкий пластик. Помимо основных павильонов, которые стали своеобразными пристройками к существующим зданиям выставки, были смонтированы летние рестораны, кафе, закусочные, торговые павильоны... Улыбчивые гиды-экскурсоводы бесплатно раздавали значки и красочные проспекты.

Дополнил выставочный городок луна-парк: с призовым тиром, пещерой ужасов, детскими каруселями и американскими горками. Впервые киевляне покатались на цепной карусели, которая после завершения выставки была подарена городу и смонтирована в Пионерском парке. Около луна-парка находились вагончики, в которых жили приехавшие из ЧССР работники, обслуживавшие аттракционы. Нам, мальчишкам, интересно было наблюдать за иностранцами, слышать незнакомую речь – ведь в то время иностранцев в Киеве трудно было увидеть.

В киосках продавались чехословацкие конфеты, жвачки, бижутерия, сувениры и многое другое. Поражало все – и оригинальность упаковки, и новые вкусы. В летних кафе подавали пиво и сосиски со сладкой горчицей. На столиках вместо хлеба лежали, причем бесплатно, необыкновенно вкусные соленые булочки...

На выставке за 10 рублей можно было поучаствовать в необыкновенной игре: выбрать из связки ключей тот, которым получится открыть новенький автомобиль «Шкода». В случае удачи автомобиль переходил в собственность игрока!

Впечатлений было так много, что мы, 10-12-летние мальчишки, почти ежедневно приезжали с Подола на эту выставку, которая запомнилась на всю жизнь.

Позднее на ВДНХ бывали и другие выставки, в том числе американские (дизайн, средства связи, фотография, медицина), однако они произвели уже меньшее впечатление, чем та удивительная чехословацкая!

В павильонах есть, в гастрономе – нет!

Помнится, на территории выставки слева от центрального входа в одноэтажном красивом здании находился гастроном для посетителей. С обычными полупустыми прилавками и дефицитом продуктов, как и везде в городе.

А рядом, в павильонах, рассказывающих о достижениях работников мясомолочной и рыбной промышленности, экспозиции демонстрировали бутафорское изобилие всевозможных колбас, балыков, консервов из деликатесных рыб и т. д. Вроде бы парадокс, но киевляне относились к этому весьма спокойно. Значит, так и надо! Советские люди продолжали верить, что у народа-победителя все трудности временные. А чтобы достигнуть этого выставочного изобилия, надо просто лучше работать.

Над страной гриппозный ветер веет...

«Во многих знаниях много печали. Умножающий познания умножает скорбь!» – так гласит древняя мудрость. Тогдашние руководители, будучи, по-видимому, людьми мудрыми, не нагружали народ знаниями об особенностях того или иного гриппа. Тем самым они как бы заботились о нервной системе людей.

О том, что в 1957 году в Киев пришел азиатский грипп H2N2, мало кто догадывался. Лечились тем же, чем борются с обычной простудой, диагноз звучал просто: «ОРЗ».

*Болезнь было не принято
Товарищ, на кой тебе черт порошки,
Пилули, микстуры, облатки?
От хвори нас спальные лечат мешки,
Походные наши палатки.*

Пятидесятые годы – время ударных комсомольскихстроек, освоения тайги и целины. Такая романтика оборачивалась жизнью в плохо отапливаемых бараках, нехваткой теплой одежды, отвратительным питанием. На киевских «стройках века» нормальной жилплощади тоже катастрофически не хватало. Люди жили в перенаселенных коммунальных квартирах, бараках и подвалах. Жили даже в сараях, на чердаках, в погребах, вытеснив оттуда крыс и летучих мышей. Заболеть в таких условиях было просто.

Но за тунеядство можно было потерять киевскую прописку и даже попасть в тюрьму. Болеть, когда твои товарищи, не жалея сил, строят «светлое будущее»,

было неудобно и даже стыдно. Простудившись, некоторые совестливые граждане продолжали выходить на работу. Врача вызывали только в крайнем случае.

Аптека послевоенная

Образ советской аптеки возникает в контексте медицины «наказания», где пациент как бы совершил преступление против своего здоровья, которое принадлежит не только ему, но и государству.

Аптека 50-х – это безликое стерильное помещение со специфическим лекарственным запахом. Врачи выписывали рецепты на лекарства, которые изготавливались непосредственно в аптеках. В то время не было готовых эффективных препаратов. В аптеках в маленьких картонных коробочках продавались только примитивные таблетки типа пирамидона, анальгина, кофеина... В рецептурный отдел стояла очередь. Выдавалось готовое лекарство через пять-шесть часов или на следующий день.

Заболевшие киевляне лечились не только таблетками, но и народными средствами: луком, чесноком, медом, малиной, калиной и т. д. Не брезговали и горячительными напитками «для согрева».

Детские шалости

Никакого карантина при простудных заболеваниях в школах не объявляли. А защитные медицинские марлевые повязки на лицо тогда надевали только медработники.

Некоторые хитрые мальчишки по-своему пользовались эпидемией гриппа. Они натирали шерстяной тряпочкой свой термометр до температуры приблизительно 37,5 градусов. Больше было нельзя, так как при более высокой температуре голова должна быть заметно горячее! Приходили к школьной медсестре с таким нагретым термометром, спрятанным за пазуху, и жаловались на очень плохое самочувствие. Медсестра давала ученику свой градусник, вытасканный из стакана с хлорамином, для измерения температуры. Незаметно подменить термометры не представляло особого труда – и мнимый больной получал справку-освобождение от школьных занятий на три дня. Случалось, что на следующий день медсестра, идя в школу и случайно заглянув в близлежащий двор, с удивлением наблюдала, как вчерашние «тяжелобольные» со здоровым румянцем на щеках весело гоняли в футбол!

Детское счастье

Закрываю глаза и вижу себя маленьким, совершенно счастливым мальчишкой в тюбетейке в песочнице на детской площадке киевского зоопарка. Странно, но в начале 50-х тюбетейки носили многие киевские мальчишки.

Каким же был киевский зоопарк? Очень красивым, уютным и компактным. Обнесен он был легко преодолимым забором. Но кто полезет через забор при чисто символической цене входных билетов, особенно для детей (кажется, 10 копеек)!

▲ В зоопарке

▼ Продажа книг на Крещатике. 1950-е гг.

Солнце, лето, зелень, деревянная детская горка, качели, карусели, деревянные киоски, где продавали мороженое и газированную воду...

Детская площадка находилась недалеко от центрального входа. Необходимо было немного пройти по правой земляной аллее, и как раз напротив вольеров с верблюдами, баранами и зубрами был вход на площадку. Вокруг нее по обеим сторонам аллеи, вдоль которой росли цветущие кусты и дикий виноград, пони катали детей на маленькой повозке.

В ноябре 1943 года Киев был освобожден от немецких оккупантов. А уже через полгода, 10 апреля 1944 года, городской зоопарк открылся для посетителей. И сразу же у сотрудников зоопарка возникло множество неотложных проблем, которые необходимо было решить для обеспечения нормальной работы учреждения.

Животные должны были жить в нормальных условиях и хорошо питаться. Когда зоопарк открылся, ограда по периметру отсутствовала, а его охрана состояла из невооруженных малосильных стариков и женщин. На территорию проникали все, кто хотел, в том числе и бродячие животные, которые распространяли инфекционные заболевания. Посторонние лица купались здесь в заповедных прудах, уничтожали зеленые насаждения, стреляли, бросали гранаты в пруды с экзотическими рыбами, крали кур и уток... Находящаяся рядом воинская часть претендовала на часть территории зоопарка.

Однажды, в конце 1945 года, зоопарк посетил первый руководитель республики Н. С. Хрущев. Его приезд помог решить все хозяйственные проблемы зоопарка.

Самый читающий народ в мире

В Советском Союзе книги ценились. Не думаю, что это было проявлением особой культурности народа, о чем так любили трубить на весь мир советские идеологи. Просто в нашей стране индустрия развлечений занимала далеко не первое место. Книга же обладала удивительной способностью уносить человека в другие миры, где не было безрадостных будней, плохой одежды и враждебных взглядов... Жаль, что вдобавок ко всем продовольственным дефицитам была нехватка интересных книг. Ведь тогда в основном выпускалось абсолютно нечитаемое идеологическое и производственное барахло! Люди, занимавшиеся распределением, подпиской и продажей книг в магазинах, можно сказать, хорошо устроились.

Существовал и такой, присущий только социализму, принцип, как «нагрузка». Хочет человек выписать, например, «Роман-газету» или журнал «Огонек» – выписывай в нагрузку «Блокнот агитатора», газету «Правда» или журнал «Коммунист»! На предприятиях, чтобы получить подписку на собрание сочинений, например, Жюль Верна, необходимо было одновременно подписаться на какого-нибудь советского сочинителя (члена Союза советских писателей).

Безотходное производство

Несмотря на то что леса в стране занимали огромную площадь, т. е. сырья для производства бумаги, казалось бы, было в избытке, – ее все равно не хватало.

Дело в том, что тогда почти все товары в магазинах продавались не расфасованными, а на развес. Продавец взвешивал покупку на весах, а затем заворачивал ее в бумагу. Интересно, что в продуктовых магазинах упаковочная бумага была толстой, как картон, а в промтоварных – тонкой. Так, при покупке 100 граммов сливочного масла его взвешивали вместе с упаковкой (10–20 граммов), и покупатель оплачивал бумагу по цене масла.

Единственным преимуществом отсутствия расфасованного и фабрично упакованного товара было то, что в Киеве почти не было мусора! Сейчас население выбрасывает огромное количество пустых упаковок.

В связи с дефицитом бумаги в 50-х годах государство решило организовать массовый сбор макулатуры. Ведь это самое дешевое сырье для производства бумаги. Макулатуру стали успешно собирать учащиеся средних школ. За деньги ее принимали в специальных приемных пунктах.

Но этого оказалось крайне мало! Дело в том, что в послевоенные годы в домах киевлян любая использованная бумага шла на растопку печек и для других бытовых целей (о существовании туалетной бумаги народ даже не догадывался). Только в 60-х в магазинах стали появляться расфасованные товары.

1974-й – год начала книжного бума

Народ теперь мог позволить себе купить мебельные гарнитуры, а их предполагалось набить книгами до отказа. В те времена признаком хорошего тона считалось наличие в доме большого количества книг.

С целью дополнительного получения сырья для бумаги в 1974 году был задуман и успешно реализован эксперимент по продаже дефицитных книг за талоны, свидетельствующие о сдаче определенного количества макулатуры.

При всех недостатках эксперимент принес ощутимый результат. Только в 1975 году в стране для обмена на талоны было выпущено около 4 миллионов книг, а собрано свыше 60 тысяч тонн макулатуры!

Правда, некоторые кроме газет сдавали в макулатуру и книги классиков марксизма-ленинизма... В связи с этим власти стали требовать от приемщиков бдительности.

Любой гражданин за сданные в пункт приема 20 кг макулатуры получал талончик на какую-нибудь дефицитную и востребованную книгу: «Женщина в белом» У. Коллинза, «Похитители бриллиантов» Л. Буссенара, «Проклятые короли» М. Дрюона, произведения А. Дюма, С. Моэма, А. Толстого...

Сами талончики иногда становились предметом спекуляции и успешно перепродавались у книжных магазинов по 3–5 рублей.

Красный флаг на Подоле

Киевские дворы

В послевоенное киевское время – время коммуналок и бараков – каждый двор был как бы маленьким суверенным государством. По периметру они были огорожены высокими глухими, преимущественно дощатыми заборами.

До конца 50-х годов ворота каждого двора закрывались на замок. Отвечал за это, так же как и за чистоту и порядок своей территории, дворник, который всех жильцов знал в лицо. В ночное время попасть во двор чужому человеку было невозможно. Только машинам скорой помощи дворник незамедлительно открывал ворота.

Почти все киевские дворы до конца сталинской эпохи оставались немощеными. Озеленением никто не занимался, однако с дореволюционных времен во дворах сохранились старые дубы, тополя, клены, каштаны... Много росло и фруктовых деревьев.

Для киевлян послевоенного поколения двор – это часто лучшее воспоминание детства! И до сих пор лучшие друзья для многих – это друзья из далекого дворового прошлого.

Двор у Житнего базара

Детство мое пришлось на послевоенные годы. Как сейчас вижу свой небольшой дворик в Цимлянском переулке: ветхие строения, дворовые сараи, голубятня, бельевые веревки, небольшие палисадники, кошки, куры... Нам, пацанам, казалось, что он имел только один недостаток. Находясь под Лысым холмом горы Щекавица, двор и сам представлял собой достаточно крутой спуск до своих ворот по улице Фрунзе. Поэтому в футбол здесь играть было просто невозможно, а так хотелось! А вот в двух кварталах от моего двора, в Ярославском переулке, 1, рядом с Житним базаром, жил мой лучший друг Толик Слипченко (на Подоле его звали Сливой). Именно его двор, большой и более ровный, прекрасно подходил для футбольных баталий. И хотя в этом дворе я был чужаком, но дружба со Сливой, лидером местных пацанов, позволила мне стать своим в его дворе.

Переулок примыкал к Житнему базару, что придавало определенную специфику укладу жизни там. Развозчики («бичи») с базара за плату оставляли здесь на ночь свои ручные двухколесные тачки. Наладили дворовые жители и контакты с селянами, привозившими свой товар на базар: за мешок капусты они сдавали им комнату, а свой сарай предлагали (тоже за натуральную оплату) для хранения нереализованных товаров. Вечером во двор заходили стекольщики, жестянщики, сапожники, часовщики и другой многочисленный мастеровой люд с базара. Заглядывали и блатные.

Жил во дворе бывший моряк дядя Ваня. У него был деревянный сарай, а рядом стоял стол-верстак. Обычно вечерами народ с базара наведывался к нему со своей выпивкой и закуской. У дяди Вани всегда были граненые стаканы с «марусиным пояском» (так называлась верхняя кромка стакана). Кроме того, были у него и хлеб, и «цыбулина», и соленые огурчики. А вся пустая тара доставалась дяде Ване. Пустая бутылка стоила 12 копеек, и, сдав 12 бутылок, можно было купить чекушку водки.

Любовь и голуби

Как и во многих киевских дворах, во дворе Ярославского переул�а стояла огромная деревянная голубятня. Держал голубей Вася Подвальный по кличке Мясо (он так выговаривал слово «мясо»).

Сразу же после освобождения Киева от немецко-фашистских захватчиков в городе появились сотни голубей. Когда немцы оккупировали город, одним из первых они издали приказ об уничтожении голубей. За его невыполнение грозил расстрел! Враги думали, что с помощью почтовых голубей можно будет передавать сведения советским войскам. Но все равно были те, кто не подчинился приказу. Как можно уничтожить свою любовь, свою страсть! Голубей прятали в подвалах, в курятниках, на чердаках.

Сегодня старые киевские голубеводы вспоминают об одном случае периода немецкой оккупации. Двенадцатилетний киевский мальчик Надыр, живший на улице Олеговской, что круто поднимается от Житнего рынка на Татарку, тоже не выполнил немецкий указ и прятал своих голубей в курятнике. Но голуби – не куры, им надо хоть немного полетать! Однажды днем он вынес из курятника голубей и стал запускать их в небо. Но голуби почему-то не летели, а садились на трубу около крыши. Тогда Надыр взял большую красную тряпку, прикрепил к палке и поместил на крышу для отпугивания птиц. Соседи, увидев «красный флаг», пришли в ужас: вокруг полицаи – кто-то может сообщить в гестапо! История закончилась благополучно, так как никто из соседей не проболтался о поступке мальчишки.

В 60-е годы прошлого века люди из подвалов и коммуналок стали разъезжаться по новым районам. Дворы опустели, ЖЭКи получили указание ломать голубятни. И только во время правления Владимира Щербицкого, который сам был страстным голубеводом, гонения не голубеводство прекратились.

Долгая жизнь купца Полонника

Вскоре после публикации моей статьи «От «Аполонника» до Верхнего Вала», в которой я упомянул имя киевского купца Кузьмы Ефимовича Полонника, произошла интересная встреча. Мне посчастливилось познакомиться с ныне здравствующей внучкой упомянутого Кузьмы Ефимовича – Лидией Васильевной Феровой. Я был приглашен в ее дом, который находится в районе Куреневки. Квартира ее расположена на третьем этаже большого девятиэтажного дома. Старинный овальный стол, накрытый парчовой скатертью, диван из красного дерева, красивые диванные подушки, гигантский фикус, дореволюционные фарфоровые статуэтки – память о деде...

Лидия Васильевна поблагодарила меня за первую и такую долгожданную публикацию о своем дедушке. За крепко заваренным чаем с домашней выпечкой и началась наша беседа, из которой я узнал много нового о послевоенной киевской жизни. Думается, что это будет интересно всем тем, кто изучает историю нашего города и жизнь замечательных киевлян.

Родившийся в 1860 году Кузьма Ефимович Полонник был членом городской комиссии при Государственной думе по общественному самоуправлению Киева. На Подоле у него были булочные, кондитерские и бакалейные лавки, а также аптека по улице Константиновской, 54 (она и в советское время работала до конца 80-х

годов). Хлебобулочные изделия Полонника успешно продавались и на Житнем базаре. Кроме того, он занимался коневодством, имел на Куреневке конюшню и небольшой ипподром. Семья Полонников жила в построенном им доме по улице Кирилловской, 51 (ныне Фрунзе). Дом сохранился и поныне, сейчас здесь психоневрологический диспансер.

До революции купец Полонник был широко известен своей благотворительностью: помогал церквям и больницам. Весь второй этаж своего дома он безвозмездно передал для проживания священникам Николо-Иорданской церкви.

После Октябрьской революции размеренная жизнь семьи Полонников круто изменилась. Опасаясь репрессий, Кузьма Ефимович добровольно передал большевикам все свое имущество. Со второго этажа дома изгнали священнослужителей. Установили дополнительные перегородки, в результате чего получилось множество маленьких комнатук. В этот «коммунальный рай» въехало огромное количество народа. Сами Полонники также остались жить в этом доме, только в небольшом помещении своей бывшей кухни.

Лидия

«Чем дальше удаляется от меня детство, тем чаще снится мне наш старый дом на Фрунзе, 51. Однажды дедушка Кузьма сказал мне, что этот дом с толстыми стенами и крепким фундаментом простоит сотни лет. Так оно и вышло, – говорит Лидия Васильевна. – Двери наших комнат не закрывались. Сильно гремел трамвай рядом с домом, а по булыжной мостовой тарахтели автомашины. Помню шумный примус и коптящую керосинку. В комнате у нас были тряпичный абажур, железная кровать, семь мраморных слоников...

Но годы спешат, и детство сменила юность. Молодежь не засиживалась у только что появившихся телевизоров, по которым, в сущности, нечего было смотреть. Мы посещали театры, кинотеатры, филармонию... Любили парки, в которых играли духовые оркестры и выступали артисты. Там, в парке, я и познакомилась со своим первым мужем – танцовщиком ансамбля Вирского Николаем Завадским. В 1978 году он умер от сердечной недостаточности. Через год, в 1979 году, я отдыхала в Прибалтике. Там познакомилась с киевлянкой Еленой Валерьяновной Захаржевской. Было холодно, и Елена Валерьяновна временно дала мне поносить свой свитер. Договорились, что по возвращении я ей свитер верну. Приехав в Киев, я отправилась к ней на Чоколовку, где она жила в частном доме со своим гражданским мужем Михаилом Михайловичем Арвасом, знаменитым цирковым артистом. Эта поездка оказалась для меня судьбоносной – там я познакомилась со своим вторым мужем, сыном Арваса, Геннадием Михайловичем Фероновым. Он был художником, известным реставратором книг и икон. Прожили мы вместе 18 лет до кончины Геннадия».

Цирк на Подоле и трагедия на улице Сошенко

Первые послевоенные годы. Житний базар на киевском Подоле.

Здесь перед деревянным кинотеатром «Колос» для циркового мотогонщика Михаила Арваса (Корякина) в летнее время устанавливалась деревянная бочка аттракциона «Гонки мотоциклов по вертикальной стене», и висел рекламный плакат «Аттракцион «Медведь на мотоцикле за рулем». Медведь, конечно же, ездил на мотоцикле не по вертикали, а внизу, где был небольшой подъем пола. Другие плакаты изображали элегантного мужчину во фраке, то с аккордеоном, то с саксофоном. И всюду имя артиста – Михаил Арвас!

Как сейчас, вижу ограду, кассу, две деревянные лестницы, ведущие вверх, на балкон для зрителей, который окружал бочку. Представление всегда сопровождали крики, вопли и сильное дрожание пола балкона под ногами во время пролета мотоцикла по вертикальной стене рядом со зрителями. До сих пор помню летящий мотоцикл, а на нем седока с раскинутыми руками.

Киевлянин М. М. Арвас был незаурядным человеком. Фронтовик-орденоносец, после войны он стал замечательным цирковым артистом. Со своими аттракционами объездил весь бывший Советский Союз. Элегантный, выходящий на манеж в цилиндре или во фраке, он несколько не вписывался в советское представление об артистах. Его вид даже осуждался как «низкопоклонство перед Западом». Однако это его не смущало и не мешало жить богато, с размахом и дружить со многими выдающимися личностями бывшего СССР. В доме Арваса на Чоколовке всегда было припасено для гостей несколько ящиков шампанского, лучшие конфеты и всяческие деликатесы. Арвас был знаком с Юрием Никулиным, Михаилом Шуйдиным, династией Дуровых, дрессировщиком медведей Филатовым, Юрием Тимошенко и Ефимом Березиным (Тарапунькой и Штепселем), лучшим администратором СССР Александром Эткиным, семьей Хрущевых и множеством других видных людей. Ездил на лучших на то время автомобилях.

В конце 80-х годов артист приобрел новый дом на улице Сошенко (район площади Т. Шевченко). В этом доме и произошла трагедия.

В 1993 году в дом Арваса залезли вооруженные грабители и заставили его отдать все самое ценное. Один из них выстрелил в потолок. Пожилой и уже нездоровый Арвас испугался и упал. С ним случился инсульт, и вскоре этот талантливейший человек скончался.

Киевский Привоз

С приходом к власти Хрущева существенные изменения произошли в жизни жителей села. Были снижены нормы, а в 1958 году отменены обязательные поставки продукции с приусадебных участков, сокращены налоги. Крестьяне получили паспорта. На базарах за счет продукции из личных подсобных хозяйств увеличилась продажа овощей, фруктов, молока, яиц...

Старинная речка Глубочица, взятая ныне в подземный коллектор, проходит под Верхним и Нижним Валом и впадает в Днепр. Сразу после войны в том месте, где построен мост на Рыбальский остров, еще были песчаные косы. Глубочица выносила с собой ил, песок, мусор...

По воскресеньям уже в 4–5 утра сюда прибывали лодки, в которых селяне привозили в Киев на продажу овощи, фрукты, живых кур, гусей, кроликов, свиней, рыбу... В те времена, когда еще не было Киевского моря и Чернобыльской АЭС, в верховьях Днепра было много исчезнувших впоследствии сел.

Хозяева должны были сами реализовывать свой товар. Милиция жестко боролась с перекупщиками. В районе Кожемяк, рядом с Крестовоздвиженской церковью, и находился киевский Привоз. Товар завозился сюда грузовыми автомашинами. Сельские жители везли сюда свою продукцию и на трамвае. Когда этот рынок закрылся, торговля переместилась ближе к Житнему базару.

Цена есть, а товара нет!

В послевоенные годы базары продолжали оставаться важнейшей составляющей киевского быта. И даже позднее, когда появились специализированные государственные магазины «Овощи-фрукты», «Мясо», «Рыба», рынки сохранили свою ведущую роль.

Советская система со своей плановой экономикой могла бы, например, завалить яблоками всю страну. Но вот сделать так, чтобы фрукты были вкусными, свежими, привлекательными, эта система не могла. Поэтому сохранение роли базаров было вызвано низким качеством продуктов в магазинах государственной торговли. Не помогало даже то, что цены в них были низкие и фиксированные. Для сравнения, картофель в магазине стоил 9–12 копеек за 1 кг, а на базаре 30–60 копеек; помидоры – 10–12 копеек, а на рынке – от 50 копеек до 1 рубля; мясо – 1,2–2,7 рубля и 4–6 у частников. Однако бывалые киевляне говорили: «Цена есть, а товара нет!

На послевоенных улицах...

Киоски-ларьки

Помимо продовольственных и промтоварных магазинов, парикмахерских, аптек и общедоступных столовых на улицах 50-60-х годов повсеместно были разбросаны своеобразные точки мелкооптовой торговли в виде деревянных будок-киосков. В них продавались папиросы, спички, конфеты, печенье, плавленые сырки, консервы, вафли, пиво на разлив и многое другое.

Такие ларьки существовали на всех оживленных улицах и перекрестках и хорошо «разгружали» гастрономы, в которых обычно были большие очереди. Киевляне питали к таким киоскам определенную симпатию, и вот почему. Например, в отличие от магазинного бутылочного, пиво в киосках на разлив всегда было свежее. Его наливали из пузатых деревянных бочек, забитых деревянной же пробкой вверху. Чтобы ее выбить, надо было всадить остроконечный штуцер, которым заканчивался шланг, ведущий к крану.

Здесь, на свежем воздухе, заседал своеобразный мужской клуб. Народ собирался обычно с тыльной стороны киоска, а кружки с пивом ставили на пустые бочки.

Пиво в розлив.
1950-е гг.

Не видел, чтобы в те годы в пиво добавляли водку, производя колючую смесь «ерш». Запомнилось только, что у киосков всегда можно было увидеть бабулек, торгующих таранкой к пиву. Плавленные сырки также служили закуской к пиву. Они хранились в ларьках без холодильника, и купив сырок, приходилось отламывать от него куски сине-зеленой плесени и выбрасывать их, а съедать только неиспорченную часть.

Большим преимуществом таких «точек» была простота отправления естественных потребностей. Ведь в каждом близлежащем дворе была общедоступная дворовая уборная.

Газ и сироп

Помню, как в 50-х годах в жаркие летние дни множество киевлян выстраивалось в огромные очереди у Спасского причала на Подоле. Они хотели попасть на теплоход, перевозивший народ через Днепр на пляжи Левобережья, славящиеся сво-

им золотым песком. Очень хотелось пить. Автоматов для продажи газированной воды в то время еще не было, они появились в середине 60-х. Спасали передвижные тележки с газированной водой, которая была настолько любима и популярна, что продавалась и в специально построенных киосках, и даже из открывавшихся наружу окон гастрономов. стакан «чистой» (без сиропа) газированной воды стоил 5 копеек (после 1961 года – 1 копейку), с сиропом – 30–40 копеек. На прилавке у продавца была установлена подставка-вертушка с цилиндрическими стеклянными сосудами. Внизу у сосудов были краники для сиропов. Здесь же находился кран подачи воды. На сосудах были нанесены горизонтальные черточки для контроля за сиропом. Одна порция – уровень понижается на одно деление. Справа от продавца находилось устройство для мойки стаканов. А за его спиной – агрегат для приготовления газированной воды – бак с электромешалкой. В нем водопроводная вода смешивалась с углекислым газом из баллона.

Поговаривали, что продавцы неплохо наживались и на газе, и на сиропе. Интересно, что когда появились автоматы по продаже газировки, вода в них оказалась другой на вкус – как чистая, так и с сиропом.

Приметы того времени

Кроме ларьков-киосков существовали и другие строения различного назначения. Например, будки милиционеров-регулирующих. Светофоров на улицах в то время было мало, как и автомашин. Только в центре самых оживленных перекрестков подвешивался на тросах один светофор. Милиционер-регулирующий, находясь в будке, вручную переключал цвета светофора в зависимости от транспортно-пешеходной ситуации.

Впрочем, всех уличных строений не перечислить. Были и киоски «Союзпечати», и будки сапожников, и телефоны-автоматы, и киоски Горсправки. Имелись и ларьки для продажи цветов, мороженого, театральные билеты, керосина, молока и т.д.

Где-то шли стройки века, а булыжные киевские улочки еще долгое время оставались похожими на проселочные дороги, заросшие крапивой, лопухами и подорожником. Помню, когда родители купили мне велосипед «Орленок», было трудно найти место для катания – кругом одни кочки. Пришлось добираться на место строительства улицы Новоконстантиновской. Здесь появился хороший асфальт, а машины еще не ездили.

Старые деревянные дома в пузырях полопавшейся краски утопали в пыльной сирени. На улицах не было рекламных щитов, а прохожие были одеты очень скромно...

В борьбе за женственность

Словосочетания «салон красоты» в СССР не существовало. И если мужчине в честь 8 Марта было достаточно тщательно выбриться и надеть свежую рубашку,

▲ Послевоенная мода

то женщинам в те времена приходилось полагаться на свою собственную изобретательность и умелые руки подруг.

Волосы красили хной, получая ярко-рыжий цвет, а перекись водорода использовали для превращения в блондинку. Украшений носили мало – в основном недорогие броши и бусы. Серьги, кольца и цепочки встречались реже. Обручальные кольца тогда считались мещанством, их носили только пожилые люди.

В появлении модных веяний важную роль играли открытки с изображением актрис кино и театра. Например, эталоном красоты 50-х в СССР стал образ Людмилы Гурченко в фильме Рязанова «Карнавальная ночь»: платье или костюм с облегающим верхом, затянутая талия, широкая юбка, носочки и туфли на высоком широком каблуке.

Очень популярны были маленькие шляпки и сумочки, а самыми модными духами 50-х считались «Пиковая дама», «Лель» и «Серебристый ландыш».

Случай на советских выборах

Это случилось в пятидесятых годах прошлого века, во времена правления Н. Хрущева. Один достаточно известный киевский профессор, живший на Подоле, однажды во время всенародных выборов просто не явился на избирательный участок. А когда члены избирательной комиссии пришли к нему с урной для голосова-

▲ На выборах. 1950-е гг.

ния, он заявил: «Какие же это выборы, если выбора нет. Вот если бы в СССР была многопартийная система или хотя бы двухпартийная, то я бы проголосовал!».

Думаю, что в сталинские времена ему бы этого просто так не оставили! Но тогда уже началась так называемая хрущевская оттепель, на профессора просто махнули рукой и оставили в покое.

Но самое интересное и характерное для тех лет вот что. Соседи профессора и даже их малолетние дети с глубокой неприязнью и ненавистью восприняли его поступок. Его называли предателем.

В послевоенные годы выборы проводились в самых лучших помещениях города: в клубах заводов и фабрик, в актовом залах школ и домоуправлений. Голосование начиналось в 6 утра и длилось до 22 часов. Власть делала все, чтобы выборы были общенародным праздником. На избирательных участках играли духовые оркестры и выступали артисты, работали буфеты, в которые народ стремился попасть как можно раньше. Здесь можно было приобрести дефицитные продукты: колбасы, копченую рыбу, пирожные, конфеты, сладкую воду, пиво и т. д. До наступления обеденного времени все самое вкусное разметали.

Старая школа на Подоле

Трехэтажное здание моей родной школы в Цимлянском переулке, 2 было построено в начале XX века как доходный дом некоего Аппштейна и пережило много потрясений.

После Октябрьской революции оно стало государственным общежитием, затем школой подготовки летчиков, а в 1939 году здесь была открыта средняя школа. Началась Вторая мировая война, и в здании школы разместили госпиталь, сначала немецкий, а после освобождения Киева – советский. И только в 1950 году здание снова стало учебным учреждением и получило статус мужской средней школы № 158.

В 1954 году, после отмены раздельного обучения, в школе появились девочки, а 1 сентября 1955 года я поступил сюда в 1 класс. В 1962 году школа стала вечерней, № 11.

Территория у подножья горы Щекавицы, на которой находится школа, имеет сложный рельеф. Склон удерживается системой подпорных стенок. Так как школа находится на крутом склоне, то ее нижний этаж – цокольный с правой стороны от входа и подвальный – с левой стороны. Система планировки внутренних помещений – коридорная, нет просторного вестибюля. В связи с этим в школе не проводились выборы и другие мероприятия, связанные с присутствием большого количества людей. В подвале находились школьные мастерские, спортзал и хозяйственные помещения.

Характерной чертой послевоенного времени было то, что на третьем этаже жил со своей семьей директор нашей школы – Алексей Корнеевич Снисарь.

Чтобы попасть в школьный двор, надо было от парадного входа спуститься вниз в подвал, пройти по коридору, а затем снова подняться по ступенькам во двор. Прямоугольный школьный двор вроде бы предназначался для занятий физкультурой на воздухе. В нем даже были баскетбольные щиты. Однако был грязный, а из-за острых камушков на земле в футбол было играть невозможно. Во дворе мы только упражнялись в построениях и маршировали. Иногда там делались памятные фотографии. На переменках девочки выбегали в этот внутренний дворик и играли в «скакалку». Вспоминается, что некоторые из них облюбовали деревце рядом с забором и соорудили под ним «секреты» из разноцветных стеклышек. А вот мальчишки на переменках выбегали через главный вход в переулок, а затем поднимались за сарай под горой, где покуривали и вели жесткие мужские разговоры. Некоторые из ребят забирались выше на Щекавицу и даже умудрялись во время школьного перерыва что-то там подпалить.

Взвейтесь кострами, синие ночи...

Наши классы были большими комнатами с очень высокими потолками. Громадные окна, на стенах – портреты вождей, видных ученых и стенгазета. В классе три ряда черных деревянных парт, хлопающих крышками-крыльями. Посреди изрезанной перочинными ножиками парты – круглая дырка с чернильницей-непроливайкой. На потолке в два ряда – лампы накаливания, закрытые огромными матовыми стеклянными шарами.

В старших классах мы стали заниматься в разных кабинетах: зоологическом со скелетом, физическом с электроприборами и химическом с вытяжным шкафом, пробирками и реактивами...

Вспоминаются уроки пения, которые нам преподавал немолодой лысоватый учитель по прозвищу Колобок, который отлично играл на аккордеоне. Пели громко, всем классом:

*«Мы шли под грохот канонады,
Мы смерти смотрели в лицо,
Вперед продвигались отряды
Спартаковцев, смелых бойцов...»*

Или:

*«То березка, то рябина,
Куст ракиты над рекой,
Край родной, навек любимый,
Где найдешь еще такой...»*

А вот после уроков под горкой, за гаражами, пели уже другие песни:

*«Кто же познакомил нас с тобой,
Кто нам преподнес печаль-разлуку,
Кто на наше счастье и покой
Поднял окровавленную руку?...»*

Кстати, в то далекое послевоенное время киевляне любили петь. Вспоминается, как во время застолья взрослые родители, родственники и друзья хором пели популярные песни.

Родители, работавшие шесть дней в неделю, уставали и мало занимались обучением детей. Поэтому в первый класс дети чаще всего приходили не умея ни читать, ни писать. Азбуку в первом классе изучали не сразу – начинали с такого урока, как чистописание. В те времена не было еще ни шариковых ручек, ни перьевых авторучек. Пользовались деревянной ручкой с металлическим наконечником, куда вставлялось перо. Ее макали в чернильницу-непроливайку. Стальные перья были устроены так, что за счет формы и пружинистой стали, позволяли ученику писать каллиграфически, с нажимными линиями. Почти год мы писали только палочки, нолики и разные линии, пока не оттачивали технику письма. И только потом переходили к буквам, цифрам и отдельным словам.

«Счастье – это когда успел добежать...»

*«Счастье – это когда вовремя увидишь туалет
и успеешь до него добежать»
(М. Жванецкий)*

«Удобства» во дворе

Не случалось ли вам, уважаемый читатель, будучи, например, в незнакомом месте, искать это самое «счастье»? А с трудом найдя, нарваться на санитарный час?

А вот на Подоле послевоенной поры не было нужды в поисках общественной уборной. При необходимости прохожий мог свободно зайти в любой двор и найти уборную там.

Большинство подольских дворов состояло из одно-двухэтажных домов, редко трехэтажных. На улицу, как правило, выходили более высокие дома с более респектабельными фасадами. Во двор можно было попасть через арку-подворотню. В фасадных флигелях повышенной этажности еще при строительстве были оборудованы хорошие многокомнатные квартиры (будущие коммуналки) с санузлами.

А вот жители многих одно- и двухэтажных домов не имели ни воды, ни канализации и пользовались водоразборной колонкой и общей уборной, которые находились во дворе.

Типичная дворовая уборная представляла собой помещение без окон с цементным полом и 2–4 огороженными деревянными кабинками вдоль одной из стен. Вместо унитазов и сливных бачков в полу кабинок зияли отверстия с цементными подставками для ног по бокам. Была еще и отдельная кабина для помоев, в ней отверстие в полу было закрыто железным листом с дырами. Таким образом, жидкие помои сливались в яму, остальное оставалось наверху.

Понятно, что такие уборные, мягко говоря, не благоухали. Прохожий, зайдя во двор в поисках вышеупомянутого «счастья», отлично ориентировался по запаху. Рядом с уборной находились открытые баки для мусора. Ими пользовались жильцы всех дворовых домов, в том числе и домов с канализацией. Летом вокруг этих баков жужжали огромные изумрудные мухи.

Проникали в уборную и крысы, к которым приходилось привыкать, так как бороться с ними было очень трудно. Мух зимой не было и воняло меньше, зато было скользко, и люди боялись упасть на неубранный цементный пол или уронить в дыру свою обувь.

«Не по назначению», или Абсурды развитого социализма

С наступлением 60-х годов многим жильцам подольских дворишков наконец удалось провести в квартиры водопроводные и канализационные трубы и устроить свои уборные. Если во дворе не оставалось ни одной квартиры без удобств, дворовую уборную ликвидировали, а у ворот появлялась огромная надпись: «Во дворе уборной нет!», чтобы прохожие даром во двор не заходили. Интересно, что в некоторых дворах, где уборная еще оставалась, хитрый дворник все равно такую надпись делал, чтобы поменьше убирать.

Теперь для удовлетворения естественных нужд трудящихся в Киеве появилось гораздо больше общественных туалетов. Они были построены в самых людных местах: у транспортных развязок, на площадях, в парках, у вокзалов, рядом с универмагами и т.д. и качественно отличались от дворовых уборных: кафельная плитка, сантехника, вентиляция, периодические санитарные уборки... Следует отметить, что в советское время вход в общественные уборные был бесплатным.

Многим посетителям нравились установленные здесь автоматы, разбрызгивающие дешевый одеколон. За 15 копеек (до денежной реформы 1961 года) можно было освежиться. Зажмурившись, человек приближал к автомату лоб и щеки и выходил из уборной, благоухая разведенным тройным одеколоном. В троллейбусе сразу же можно было определить, что этот человек недавно побывал в общественной уборной!

В эпоху всеобщего дефицита женские туалеты Киева заблагоухали утонченными запахами импортных духов, дезодорантов и помад... Оказывается, в местах общего пользования (около метро «Крещатик», на площади Октябрьской революции и т. д.) стали орудовать спекулянты, у которых можно было приобрести не только импортную косметику и парфюмерию, а и джинсы, чулки, кофточки, бюстгалтеры, зонтики...

А вот мужские общественные уборные порой использовались для других целей. В них распивали спиртные напитки. Людям тогда было сложно найти подходящее место, чтобы выпить: уличных кафе не было, а стационарных заведений – крайне мало. К тому же, кафе были обычно переполнены, да и требовали дополнительных финансовых расходов! Куда было деться желающим выпить бедным студентам и простым советским инженерам с окладом 110 рублей в месяц?

Слава богу, сегодня туалетная бумага уже не дефицит... Вспоминаю, как в советское время мой сосед по коммуналке, работающий в театре, чтобы не пользоваться для этих целей газетной бумагой, приносил с работы специальные рулоны для снятия грима. Как же ему завидовали!

В начале перестройки рулон туалетной бумаги был одним из главных призов множества вокзальных «лохотронов».